

ДВѢ ЖЕНЫ

ТОЛСТАЯ и ДОСТОЕВСКАЯ

МАТЕРИАЛЫ
КОММЕНТАРИЙ

Ю. И. АЙХЕНВАЛЬДА

ДВѢ ЖЕНЫ

ТОЛСТАЯ и ДОСТОЕВСКАЯ

МАТЕРІАЛЫ
КОММЕНТАРІЙ

Ю. И. АЙХЕНВАЛЬДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
БЕРЛИНЪ

1 9 2 5

**SATZ UND DRUCK:
ILCHENFELD'S BUCHDRUCKEREI A.
BERLIN SW 19, BEUTHSTR. 19**

Эти двѣ женщины, двѣ жены, Толстая и Достоевская, в исторію нашей культуры неизгладимо записали свои имена. Особенно первая изъ нихъ представляла собою выдающагося человѣка, и даже свѣтомъ ея великаго мужа не могъ быть поглощенъ ея собственный образъ. Накопилось вокругъ него много нареканія и недоразумѣнія. Только будущему изслѣдователю предстоитъ особая работа — выяснить, кто именно была Толстая и каково было ея дѣйствительное значеніе въ судьбѣ и жизни Толстого. Гораздо менѣе сложна, гораздо болѣе ясна личность Достоевской. Опять - таки будущій біографъ ея супруга всесторонне выяснитъ и ея достойную роль въ этой страдальческой біографіи.

Задача, которую ставить себѣ издательство «Арзамасъ», выпуская предлагаемая страницы, неизмѣримо скромнѣе. Среди трудностей эмигрантскаго быта очень ощутимо и то, что почти недоступны для насъ многія книги, — особенно тѣ, которыя выходятъ въ Россіи. Чтобы по отношенію къ вопросу о Толстой и Достоевской читателямъ въ этой нуждѣ помочь, «Арзамасъ» рѣшилъ перепечатать часть недавно появившихся у насъ на родинѣ воспоминаній А. Г. Достоевской и автобіографію С. А. Толстой (уже использованную въ VII сборникѣ «На чужой сторонѣ») и сопроводить оба документа нѣкоторыми соображеніями пишущаго эти строки.

Ю. АЙХЕНВАЛЬДЪ.

ГР. С. А. ТОЛСТАЯ.

ЗАПИСКИ С. А. ТОЛСТОЙ.

I.

Родилась я 22 августа 1844 года, на дачѣ въ селѣ Покровскомъ, Глѣбова - Стрѣшнева, гдѣ проводила каждое лѣто до замужества. Зимой наша семья жила въ Москвѣ, въ Кремлѣ, въ зданіи у Троицкихъ воротъ, на казенной квартирѣ, такъ какъ отецъ мой былъ гофъ - медикъ. Кромѣ того онъ служилъ главнымъ докторомъ Сената и Ордонансъ-Гауза ¹⁾).

Отецъ мой былъ лютеранинъ, мать православная. Происхожденіе отца по изслѣдованіямъ сестры моей Т. А. Кузминской и брата моего А. А. Берса, слѣдующее: первый выходецъ изъ Германіи рода моего отца былъ его дѣдъ. Въ царствованіи Императрицы Елизаветы Петровны формировались въ Россіи полки, для обученія которыхъ новому строю потребовались инструкторы. По желанію Императрицы, Прусскій король командировалъ въ Петербургъ 4-хъ офицеровъ Кирасирскаго полка; въ числѣ ихъ былъ ротмистръ Иванъ Берсъ, который, прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ Россіи, былъ убитъ въ сраженіи при Цорндорфѣ. Послѣ него

¹⁾ Т. е. комендантскаго управленія.

осталась вдова и единственный сынъ Евстафій. О матери его извѣстно только то, что ее звали Марія, и что она была баронесса. Умерла рано, оставивъ порядочное состояніе сыну Евстафію.

Евстафій Ивановичъ жилъ въ Москвѣ и женился на Елизаветѣ Ивановнѣ Вульффертъ, дворянкѣ древняго рода изъ Вестфаліи. Они имѣли двухъ сыновей: Александра и Андрея — моего отца. Оба были медики, воспитанники Московскаго университета.

Въ 1812-мъ году сгорѣло все имущество Евстафія Ивановича, его дома, документы и исчезла его печать съ гербомъ, изображавшимъ улей съ пчелами, нападшими на медвѣдя, откуда и фамилія Берсъ (В ä г — по - нѣмецки медвѣдь). Герба этого дѣду не дали, хотя о возстановленіи его хлопотали потомки. На гербѣ разрѣшили только улей съ пчелами.

По окончаніи войны 1812 года, правительство помогло Евстафію Ивановичу деньгами, но не большими, и бабушка Елизавета Ивановна, овдовѣвъ, съ трудомъ воспитала своихъ сыновей. Окончивъ курсъ въ университетѣ на медицинскомъ факультетѣ, братья Берсъ сами стали зарабатывать свой хлѣбъ. Старшій Александръ поселился въ Петербургѣ, меньшій съ матерью въ Москвѣ.

34-хъ лѣтъ онъ женился на Любови Александровнѣ Иславиной, 16-ти лѣтней дочери Александра Михайловича и княгини Софіи Петровны Козловской, рожденной графини Завадовской.

Происхожденіе моей матери такое: графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, по крови родной дѣдъ

моей матери, былъ извѣстный дѣятель и фаворитъ Императрицы Екатерины II. При Императорѣ Александрѣ I онъ былъ министромъ просвѣщенія, первымъ въ Россіи. Женатъ онъ былъ на графинѣ Вѣрѣ Николаевнѣ Апраксиной. Она была фрейлиной, потомъ кавалерственной дамой и выдающейся красавицей. У нихъ было нѣсколько дочерей и два сына, умершихъ бездѣтными. Старшая дочь графини, Софія Петровна Завадовская, была выдана 16-ти лѣтъ насильно замужъ за князя Козловскаго; имѣла одного сына и проживъ недолго и очень несчастливо съ мужемъ, она покинула его и сошлась съ Александромъ Михайловичемъ Исленьевымъ, съ которымъ и прожила всю остальную жизнь. Умерла она родами, а до тѣхъ поръ имѣла трехъ сыновей и трехъ дочерей, изъ которыхъ меньшая, Любовь Александровна была моя мать.

Жила Софья Петровна безвыѣздно въ селѣ Красномъ¹⁾, имѣнни моего дѣда, тамъ и похоронена возлѣ церкви. Рассказывали про нее, что она уговорила священника обвинять ее съ моимъ дѣдомъ. «Хочу хоть передъ Богомъ, если не передъ людьми, быть женою Александра Михайловича», — говорила она.

Дѣдъ мой, Александръ Михайловичъ Исленьевъ, дворянинъ стараго рода, участвовалъ въ 1812 году въ Бородинскомъ сраженіи, послѣ котораго былъ произведенъ въ офицеры лейбъ - гвардіи Преображенскаго полка. Впослѣдствіи былъ адъютантомъ

¹⁾ Тульской губерніи въ 25 верстахъ отъ Ясной Поляны.

графа Чернышева ¹⁾). Дѣтямъ его отъ Софьи Петровны фамиліи «Исленьевы» не дали: бракъ не былъ признанъ законнымъ, и понынѣ потомки носятъ фамилію «Иславины»; многіе изъ нихъ дослужились до высокихъ чиновъ.

II.

Семья моего отца и матери была очень многочисленна, и я была ихъ вторая дочь. Отецъ мой, какъ докторъ, имѣлъ кромѣ казенныхъ мѣстъ очень большую практику, и трудился часто черезъ силу. Онъ старался дать намъ самое хорошее воспитаніе и окружать насъ всѣми удобствами и благами жизни. Мать моя стремилась къ тому же, но, кромѣ того, внушала намъ, что такъ какъ состоянія у насъ почти не было никакого, а дѣтей много, то мы должны готовиться сами зарабатывать нашъ хлѣбъ. Кромѣ своихъ уроковъ, мы должны были учить маленькихъ братьевъ, шить, вышивать, хозяйничать, а позднѣе готовиться къ экзамену на званіе домашней учительницы.

Первыми нашими воспитательницами были нѣмки; по - французски учила насъ мать, потомъ гувернантки и позднѣе лекторъ французскаго языка въ университетѣ. Наукамъ и русскому языку учили студенты. Одинъ изъ нихъ старался по своему меня развивать и внушать мнѣ крайній матеріализмъ; приносилъ мнѣ читать Бюхнера и Фейербаха, внушалъ, что Бога никакого нѣтъ, и что религія

¹⁾ А. М. Исленьевъ выведенъ Толстымъ въ лицѣ отца въ «Дѣтствѣ и Отрочествѣ».

есть устарѣлый предрасудокъ. Сначала мнѣ понравилась простота истолкованій объ атомахъ и сведеніе всего въ мірѣ къ ихъ соотношеніямъ. Но вскорѣ я затосковала безъ привычной православной вѣры и церкви и навсегда отреклась отъ материализма.

До экзамена мы, дочери, воспитывались дома. 16-ти лѣтъ я держала экзаменъ при Московскомъ университетѣ на званіе домашней учительницы, взявъ главными предметами русской и французской языки. Экзаменаторами моими были извѣстные профессора: Тихонравовъ, Иловайскій, Давидовъ, священникъ Сергіевскій и французъ m - г Пако. Содержательное это было время. Готовилась я къ экзамену съ своей подругой, дочерью инспектора университета, и потому часто вращалась въ университетскомъ кругу, среди умныхъ и образованныхъ профессоровъ и студентовъ. Это было начало прекрасныхъ по духу шестидесятыхъ годовъ. Только что объявлено было освобожденіе крестьянъ, всѣ объ этомъ говорили, и мы, молодые, были полны восторга передъ великимъ событіемъ. Собирались, толковали, радовались.

Въ то время впервые появился въ литературѣ и обществѣ новый типъ и новое вѣяніе нигилизма среди молодежи. Помню я, какъ мы въ большомъ обществѣ, гдѣ присутствовали профессора и студенты, читали вслухъ «Отцы и Дѣти» Тургенева, и мы находили что - то особенное въ типѣ Базарова, и въ общемъ что - то новое, намъ очень нравящееся и обѣщающее въ будущемъ.

Училась я скорѣе дурно, занимаясь всегда исключительно тѣмъ предметомъ, который я любила. Такъ, на примѣръ, я очень любила словесность. Увлекаясь русской литературой, я перечитала тогда очень много книгъ по этой отрасли, доставая самыя старинныя книги и письма въ университетской библиотекѣ, начиная съ лѣтописей и кончая новѣйшими русскими писателями. Меня интересовало и удивляло то, что русскій языкъ изъ скуднаго начала монастырскихъ писменъ могъ развиться до языка Пушкина. Точно это былъ ростъ живого существа.

Самое большое впечатлѣніе произвело на меня въ моей юности «Дѣтство» Толстого и «Давидъ Коперфильдъ» Диккенса. Изъ «Дѣтства» я перечитывала и выучивала даже наизусть то, что мнѣ особенно нравилось, какъ, на примѣръ: «Вернется ли когда-нибудь та свѣжесть, беззаботность, потребность любви и сила вѣры, которыми обладаешь въ дѣтствѣ» и т. д. Когда я кончила читать «Коперфильда», я плакала, точно мнѣ пришлось расставаться съ близкими людьми. Исторію по учебникамъ учить я не любила; въ математикѣ занималась охотно только алгеброй, которую все-таки, вслѣдствіе полного отсутствія математическихъ способностей, вскорѣ забыла.

Экзамены мои въ университетѣ окончились успешно: по обоимъ предметамъ, русскому и французскому, я получила отмѣтки «отлично», и мнѣ выдали дипломъ, которымъ я очень гордилась. Помню, какъ впослѣдствіи мнѣ пріятно было слышать похвалу моему сочиненію «Музыка», которую

профессоръ Тихонравовъ высказалъ моему мужу, прибавивъ: «Вамъ и нужна была такая именно жена. У нея большая чуткость къ литературѣ; ея сочиненіе было на экзаменахъ лучшее въ году».

Вскорѣ послѣ экзаменовъ я принялась писать повѣсть, взявъ героинями себя и мою сестру Таню и назвавъ ее «Наташей». Такъ и Левъ Николаевичъ назвалъ свою героиню Наташей въ «Войнѣ и Мирѣ». Мою повѣсть читалъ онъ еще до женитьбы, и написалъ о ней въ своемъ дневникѣ: «Что за энергія правды и простоты». Я сожгла эту повѣсть передъ свадьбой, такъ же какъ и свои дневники, писанные отъ 11-лѣтняго возраста, и другія начала моихъ юныхъ сочиненій, о чемъ очень сожалѣю ¹⁾).

Музыкѣ и рисованію я училась мало, не доставало времени, хотя всю жизнь любила всѣ искусства, и не разъ возвращалась къ нимъ, пользуясь тѣмъ малымъ досугомъ, который оставался мнѣ отъ вѣчно занятой и трудовой жизни, какъ дѣвичьей, такъ особенно замужней.

III.

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой былъ съ дѣтства знакомъ и друженъ съ моей матерью, моложе которой онъ былъ на два съ половиной года. Изрѣдка, проѣздомъ черезъ Москву, онъ посѣщалъ

¹⁾ Въ повѣсти «Наташа» въ лицѣ Дублицкаго Толстой узналъ себя и писалъ С. А. въ сентябрѣ 1862 г.: «Я Дублицкій, но только жениться на женщинѣ такъ, потому что надо же жене — я не могу. Я требую ужаснаго, невозможнаго отъ женитьбы. Я требую, чтобы меня любили такъ же, какъ я могу любить. Но это невозможно».

нашу семью. Отецъ его, графъ Николай Ильичъ Толстой, былъ очень друженъ съ моимъ дѣдомъ Александромъ Михайловичемъ Исленьевымъ, и они посѣщали другъ друга въ селѣ Красномъ и сельцѣ Яспая Поляна. Въ августѣ 1862 года моя мать возила насъ, дочерей, къ дѣду въ деревню Одоевскаго уѣзда, Ивицы, и дорогой мы заѣзжали въ Ясную Поляну, гдѣ моя мать не была съ дѣтства, и гдѣ тогда гостила пріѣхавшая изъ Алжира гр. Марія Николаевна Толстая¹⁾, лучшій другъ моей матери.

На возвратномъ пути и Левъ Николаевичъ поѣхалъ съ нами въ Москву и почти ежедневно посѣщалъ насъ на дачѣ въ Покровскомъ, а потомъ въ Москвѣ. Вечеромъ 16 сентября онъ передалъ мнѣ письменное предложеніе. До этого никто не зналъ навѣрное цѣли его посѣщеній. А въ душѣ его происходила тревога и борьба. Въ дневникѣ того времени онъ писалъ, напримѣръ, слѣдующее:

12 сентября 1862 года.

«Я влюбленъ, какъ не думалъ, чтобы можно было любить. Я сумасшедшій, я застрѣлюсь, если это такъ продолжится. Былъ у нихъ вечеръ, она прелестна во всѣхъ отношеніяхъ»...

13 сентября 1862 года.

«Завтра пойду, какъ встану, и все скажу или застрѣлюсь»...

Отвѣтивъ согласіемъ Льву Николаевичу, я только недѣлю была невѣстой. 23 сентября насъ обвѣнчали вечеромъ въ придворной церкви Рожде-

¹⁾ Сестра Л. Н.

ства Богородицы, и мы сейчас же уѣхали въ Ясную Поляну въ новенькомъ дормезѣ, на почтовыхъ лошадяхъ, шестерикомъ съ фореиторомъ. Сопровождали насъ преданный Льву Николаевичу чело-вѣкъ Алексѣй Степановичъ, и престарѣлая горничная Варвара.

Когда мы уѣхали въ Ясную Поляну, мы рѣшили жить тамъ безвыѣздно съ тетенькой Татьяной Александровной Ергольской. Съ первыхъ же дней я поступила въ помощницы къ мужу и по хозяйству, и по переписыванію его сочиненій.

Когда миновала первая пора нашей супружеской жизни, Левъ Николаевичъ понялъ, что, кромѣ нея, ему необходимо дѣло, работа. Въ дневникѣ декабря 1862 года онъ писалъ: «Чувствую силу потребности писать». И сила эта была большая, создавшая великое произведеніе, освѣтившее счастьемъ и радостью молодые годы нашей супружеской жизни.

Вскорѣ послѣ свадьбы Левъ Николаевичъ кончилъ «Поликушку», отдѣлалъ окончательно повѣсть «Казаки» и отдалъ ее Каткову въ «Русскій Вѣстникъ». Потомъ взялся за «Декабристовъ», участь и дѣятельность которыхъ его очень заинтересовала. Начавъ писать объ этой эпохѣ, Льву Николаевичу показалось необходимымъ рассказать, кто они были, описать ихъ происхожденіе, ихъ предшествующую жизнь, и онъ вернулся отъ эпохи 1825 года къ эпохѣ 1805 года. Въ декабристахъ онъ разочаровался, а 1805 годъ послужилъ началомъ «Войны и Мира» и былъ напечатанъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Произведеніе это, которое

Левъ Николаевичъ не любилъ называть романомъ, писалось бодро, старательно и наполняло нашу жизнь живымъ интересомъ.

Въ 1864 году уже много было написано, и Левъ Николаевичъ часто читалъ вслухъ мнѣ и двумъ племянницамъ, Варѣ и Лизѣ, дочерямъ Маріи Николаевны, прелестныя мѣста, вновь имъ написанныя. Въ томъ же году онъ прочелъ нѣсколько главъ знакомымъ и двумъ литераторамъ, въ Москвѣ, Жемчужникову ¹⁾ и Аксакову ²⁾, и привелъ всѣхъ въ восторгъ. Читалъ вообще Левъ Николаевичъ необыкновенно хорошо, если не очень волновался, и помню я, какъ весело было въ Ясной Полянѣ слушать его чтеніе комедій Мольера, когда новаго въ «Войнѣ и Мирѣ» еще вновь не было написано.

Наша жизнь въ Ясной Полянѣ была первые годы очень замкнутая. Ничего интереснаго въ эту эпоху изъ жизни народной, общественной и государственной я написать не могла бы, все шло мимо насъ; мы жили въ деревнѣ безвыѣздно, ни за чѣмъ не слѣдили, ничего не видѣли, не знали, — да и не интересовались. Никакихъ другихъ потребностей у меня не было, я жила съ лицами изъ «Войны и Мира», любила ихъ, слѣдила за ходомъ жизни каждаго лица, точно они были живыя. Жизнь была такъ полна и необыкновенно счастлива нашей обоюдной любовью, дѣтьми и главное работой надъ столь великимъ, любимымъ мною, а потомъ и

¹⁾ Алексѣй Михайловичъ.

²⁾ Иванъ Сергѣевичъ.

всѣмъ міромъ произведеніемъ моего мужа, что не было никакихъ другихъ исканій.

Только иногда для развлеченія, по вечерамъ, уложивъ дѣтей спать и отправивъ въ Москву рукописи или исправленные корректуры, мы садились за рояль и до глубокой ночи играли въ 4 руки. Левъ Николаевичъ особенно любилъ симфоніи Гайдна и Моцарта. Играла я тогда довольно плохо, но очень старалась не отставать. Повидимому и Левъ Николаевичъ былъ доволенъ своей судьбой. Въ письмѣ къ моему брату онъ писалъ въ 1864 году: «Точно только теперь начался нашъ медовый мѣсяцъ». И еще писалъ: «Я думаю, что такихъ счастливецъ, какъ я, изъ милліона одинъ». На упреки своей родственницы, гр. Александры Андреевны Толстой, что Левъ Николаевичъ мало и рѣдко ей пишетъ, онъ отвѣтилъ ей: «Les peuples heureux n'ont pas d'histoire такъ и у насъ». Каждая новая мысль, удачное представленіе чего-нибудь, созданнаго гениемъ Льва Николаевича, дѣлала его радостнымъ. Такъ, напр., онъ пишетъ въ дневникѣ 19 марта 1865 года: «Сейчасъ меня охватила облакомъ радости мысль написать психологическую исторію Александра и Наполеона».

Чувствуя всю красоту своихъ твореній, Левъ Николаевичъ писалъ такое разсужденіе: «Поэтъ лучшее своей жизни отнимаетъ и кладетъ въ писаніе. Оттого писаніе его прекрасно, а жизнь дурна». Но жизнь его въ ту пору не была дурна, а такъ же хороша и чиста, какъ его произведенія.

Какъ я любила переписывать «Войну и Миръ»! Пишу въ дневникѣ: «Сознаніе служенія гению и ве-

ликому человѣку давало мнѣ силы на все». Писала еще въ письмѣ къ Лѣвѣ Николаевичу: «Переписываніе «Войны и Мира» меня очень поднимаетъ нравственно, т. е. духовно. Какъ сяду переписывать, унесусь въ какой - то поэтической міръ, и мнѣ даже иногда покажется, что не романъ твой такъ хорошъ, а я такъ умна». Въ дневникѣ пишу о томъ же: «Левочка всю зиму раздраженно, часто со слезами и волненіемъ пишетъ. По - моему романъ его «Война и Миръ» долженъ быть превосходенъ. Все, что онъ читалъ мнѣ, до слезъ меня волнуетъ». — Еще въ 1865 году я писала мужу въ Москву, куда онъ поѣхалъ за историческими матеріалами для своей работы: «Нынче переписывала и прочла немного впередъ то, что я еще не видала и не читала. а именно, какъ жалкій повязанный старичекъ Макъ пріѣхалъ самъ признаться, что его разбили. а кругомъ него любопытные адъютанты, а онъ почти рыдаетъ, и его свиданіе съ Кутузовымъ. Мнѣ это ужасно понравилось, оттого и пишу тебѣ объ этомъ».

Въ ноябрѣ 1866 года Левъ Николаевичъ посѣщалъ часто Румянцевскій Музей и читалъ тамъ все, что касалось масоновъ. Передъ отъѣздомъ изъ Ясной Поляны онъ всегда оставлялъ мнѣ работу переписыванія. По окончаніи ея, я отсылала ее въ Москву и писала мужу: — «Какъ ты рѣшилъ съ романомъ? Я очень полюбила твой романъ. Отпущенная переписанное въ Москву, я точно отпустила ребенка, и боюсь, что ему причинять вредъ».

Часто, переписывая, я недоумѣвала и не понимала, почему переправлялось и уничтожалось то,

что казалось такъ прекраснo; и радовалась, когда восстанавливалось исключенное. Бывало и такъ, что окончательнo отосланные корректурные листы снова возвращались по требованію Льва Николаевича, исправлялись и переписывались вновь. А то телеграммой дѣлалось распоряженіе замѣнить о д н о какое-нибудь слово другимъ. Я такъ вникала всей душой въ то, что переписывала, что сама начинала чувствовать, что не совсѣмъ складно, а именно: гдѣ частыя повторенія одного слова, длинныя періоды, гдѣ надо переставить знакъ, уяснить смыслъ и проч. На все это укажешь Льву Николаевичу. Иногда онъ обрадуется моимъ замѣчаніямъ, а иногда растолкуетъ, почему именно такъ надо, скажетъ, что мелочи не важны, а важно общее.

Первое, что я переписала своимъ некрасивымъ, но четкимъ почеркомъ, былъ «Поликушка», а потомъ нѣсколько лѣтъ я съ наслажденіемъ увлекалась этой работой. Бывало ждешь вечера, когда Левъ Николаевичъ принесетъ мнѣ что-либо написанное или поправленное имъ вновь. Нѣкоторыя мѣста изъ «Войны и Мира» да и другихъ сочиненій приходилось переписывать много разъ. Иныя же, какъ описаніе охоты у дядюшки въ «Войнѣ и Мирѣ», выливались сразу. Я помню, какъ Левъ Николаевичъ позвалъ меня внизъ, въ кабинетъ и прочелъ мнѣ вслухъ эту главу, только что написанную, и мы смѣялись и радовались вмѣстѣ.

Переписывая, я иногда позволяла себѣ дѣлать замѣчанія и просить выкинуть все то, что считала не довольно чистымъ для чтенія молодежи, какъ,

напримѣръ, сцены цинизма красавицы Эллень, и Левъ Николаевичъ уступалъ моимъ просьбамъ. Но часто въ жизни моей, переписывая поэтическія и прелестныя мѣста въ сочиненіяхъ моего мужа, я плакала не только оттого, что меня трогало, но просто отъ художественнаго наслажденія, переживаемаго мною вмѣстѣ съ авторомъ.

Очень огорчало меня, когда Левъ Николаевичъ вдругъ затоскуеть, разочаруется въ своихъ произведеніяхъ, пишетъ, что ему не нравится его романъ, и ему грустно. Это было особенно сильно въ 1864 г., когда онъ сломалъ руку, и я пишу ему въ Москву: «Что же это ты со всѣхъ сторонъ оплошалъ? Вездѣ тебѣ грустно, и все не ладится. Зачѣмъ ты унываешь и падаешь духомъ? Неужели силъ нѣтъ подняться? Вспомни, какъ ты радовался на свой романъ, какъ ты все хорошо обдумывалъ, и вдругъ не нравится! Нѣтъ, пѣтъ, напрасно! Вотъ приѣдешь къ намъ, вмѣсто Кремлевскихъ стѣпъ увидишь нашъ Чепыжь¹⁾ освѣщенный солнцемъ, и поля... и ты съ веселымъ лицомъ начнешь мнѣ рассказывать темы задуманныхъ сочиненій, будешь мнѣ диктовать, и мысли опять придутъ, и пройдетъ ипохондрія». — Такъ и было послѣ его возвращенія домой.

Если Левъ Николаевичъ прерывалъ свою работу, я скучала и писала ему: «Готовь, готовь мнѣ работу». Когда онъ въ Москвѣ продалъ первую часть «Войны и Мира» Каткову въ «Русскій Вѣстникъ»

¹⁾ Вѣковой дубовый лѣсъ, недалеко отъ дома. Прим. С. А. Т.

и отдалъ рукопись его секретарю Любимову, я очень почему-то огорчилась и пишу мужу: «Такъ жалко стало, что продалъ. Ужасно! Свои мысли, чувства, свой талантъ, просто даже свою душу — продалъ!».

Когда Левъ Николаевичъ кончилъ писать «Войну и Миръ», я просила его издать эту прекрасную эпопею отдѣльной книгой, а не печатать въ журналахъ, на что онъ согласился. Вскорѣ появилась блестящая критика Н. Н. Страхова, про которую Левъ Николаевичъ говорилъ, что мѣсто, которое Страховъ тогда далъ своей оцѣнкой «Войнѣ и Миру», осталось навсегда. Но и помимо этого, слава Толстого росла съ большой быстротой, и оцѣнка его литературной дѣятельности постепенно поднималась все выше и выше, и скоро охватила всѣ народности и всѣ слои общества.

Княгиня Паскевичъ первая перевела съ благотворительной цѣлью на французскій языкъ «Войну и Миръ»¹⁾, и французы, хотя и удивились, но оцѣнили трудъ русскаго писателя.

Въ моихъ бумагахъ есть копія съ письма И. С. Тургенева къ Edmond About, въ которомъ Тургеневъ даетъ высшую оцѣнку «Войнѣ и Миру». Между прочимъ, онъ пишетъ: «20 Janvier 1880... Un des livres les plus remarquables de notre temps». И еще пишетъ: «Ceci est une grande oeuvre d'un grand écrivain et c'est la vraie Russie».

Въ 1869 году было окончено печатаніе перваго изданія «Войны и Мира», быстро распроданнаго и

¹⁾ Парижъ, 1879 г.

печаталось второе. Оригинально было тогда сужденіе писателя Щедрина о «Войнѣ и Мирѣ». Онъ сказалъ съ презрѣніемъ, что «Война и Миръ» напоминаетъ ему болтливые разговоры нянюшекъ и бабушекъ.

Послѣ окончанія своего большого труда потребность творчества у Льва Николаевича не прекращалась. Возникали въ его головѣ новые замыслы. Изучая эпоху Петра Великаго, онъ не могъ однако, какъ ни старался, изобразить это время, особенно въ обыденной жизни. Я пишу объ этомъ сестрѣ: «Всѣ лица изъ временъ Петра Великаго у него готовы, одѣты, наряжены, посажены на свои мѣста, но еще не дышать. Можетъ быть, начнутъ жить».

Но такъ и не ожили эти лица. Остались пока неизданными 10 началъ сочиненія временъ Петра Великаго.

Одно время Левъ Николаевичъ задумывалъ написать исторію Мировича, но и этого не исполнилъ. Всегда дѣлясь со мной своими замыслами, онъ говорилъ мнѣ въ 1870 году, что хочетъ написать романъ паденія свѣтской женщины изъ высшаго Петербургскаго круга; и задачей своей ставитъ описать эту женщину и ея поступокъ безъ осужденія. Этотъ замыселъ и выразился потомъ въ новомъ романѣ «Анна Каренина». Помню хорошо, при какихъ обстоятельствахъ началось писаніе этого романа.

Чтобы сдѣлать удовольствіе старой тетенькѣ, Татьянѣ Александровнѣ Ергольской, я послала къ ней ея крестника, — моего сына Сережу съ книгой «Повѣстей Бѣлкина» Пушкина почитать ей вслухъ.

Когда она заснула подъ его чтеніе, Сережа положилъ въ гостиной на столъ книгу и ушелъ въ дѣтскую. Левъ Николаевичъ взялъ книгу и началъ читать изъ нея отрывокъ, начинающійся словами: «Гости съѣзжались на дачѣ гр. Л...» — «Какъ хорошо, какъ просто, — сказалъ Левъ Николаевичъ. — Прямо къ дѣлу. Вотъ какъ надо писать. Пушкинъ — мой учитель». Въ тотъ же вечеръ Левъ Николаевичъ началъ писать «Анну Каренину» и прочиталъ мнѣ начало; послѣ маленькаго вступленія о семьяхъ, онъ сразу написалъ: «Все смѣшалось въ домѣ Облонскихъ»... и т. д. Это было 19 марта 1872 года.

Написавъ первую часть «Анны Карениной» и отдавъ мнѣ переписать вторую, Левъ Николаевичъ вдругъ прекратилъ эту работу и вновь увлекся педагогикой, о чемъ пишетъ въ 1874 году гр. Александръ Андреевичъ Толстой: «Опять я въ педагогикѣ, какъ 14 лѣтъ тому назадъ. Пишу романъ, но не могу оторваться отъ живыхъ людей, чтобы описывать воображаемыхъ».

Какъ ни трудна мнѣ была работа переписыванья при моихъ материнскихъ и другихъ обязанностяхъ, я заскучала безъ нея и съ нетерпѣніемъ ждала, когда снова возобновится художественный трудъ моего мужа.

Условія, при которыхъ писалась «Анна Каренина», были много тяжелѣе, чѣмъ когда писалась «Война и Миръ». Тогда мы были безмятежно счастливы, теперь же умерло одинъ за другимъ трое дѣтей и двѣ тетушки. Заболѣла и я, худѣя, кашляя кровью и страдала болью въ спинѣ. Левъ

Николаевичъ обезпокоился, и въ Москвѣ, проѣздомъ на кумысъ, пригласилъ ко мнѣ профессора Захарьина, который сказалъ: «Чахотки пока нѣтъ, но можетъ быть, нервы разстроены» — и прибавилъ съ укоромъ: «Однако, вы ее не поберегли». — Запретилъ учить дѣтей, переписывать и предписалъ діету молчанія. Долго я не могла поправиться, тѣмъ болѣе, что лѣто пришлось провести въ Самарскихъ степяхъ, при очень неудобныхъ условіяхъ, на кумысѣ, который я не могла пить. Огорченная и больная я писала сестрѣ: «Романъ Левочки печатается и говорятъ, что имѣетъ большой успѣхъ. А во мнѣ странное это возбуждаетъ чувство: у насъ въ домѣ столько горя, а насъ вездѣ такъ празднуютъ».

Послѣ «Анны Карениной» Левъ Николаевичъ, желая очистить народную литературу и внести въ нее болѣе нравственныя и художественныя произведенія, написалъ рядъ рассказовъ и легендъ, которыми я очень восхищалась, горячо сочувствуя цѣли и назначенію ихъ.

Помню, какъ я присутствовала въ университетѣ при чтеніи этихъ легендъ. Пишу объ этомъ Льву Николаевичу въ Ясную Поляну:

«Легенды имѣли огромный успѣхъ. Прекрасно прочелъ ихъ профессоръ Стороженко. Въ публикѣ преобладали студенты. Впечатлѣніе отъ рассказовъ было такое, что стиль замѣчательно строгій, сжатый, ни слова лишняго, все вѣрно, мѣтко, цѣльно, какъ аккордъ. Содержанія много, словъ мало и удовлетворяетъ до конца».

Упоминаю и объ этихъ твореніяхъ, какъ о тѣхъ, которыя создавались въ самые счастливые годы нашей жизни.

IV.

Въ началѣ нашей супружеской жизни у насъ бывало мало посѣтителей. Помню, пріѣзжалъ къ намъ графъ Соллогубъ (авторъ «Тарантаса») съ двумя сыновьями. Умный и любезный, онъ всѣмъ намъ очень понравился и подкупилъ меня еще тѣмъ, что сказалъ Льву Николаевичу про меня: «Счастливецъ, какая у него жена». А ко мнѣ обратился со словами: «Вы настоящая нянька таланта своего мужа и продолжайте въ этомъ направленіи жить всю вашу жизнь». Дружескій и мудрый совѣтъ гр. Соллогуба я помнила всегда, и по мѣрѣ силъ старалась ему слѣдовать.

Довольно часто посѣщалъ насъ Фетъ, его любилъ Левъ Николаевичъ, а Фетъ любилъ насъ обоихъ. Когда онъ къ намъ заѣзжалъ проѣздомъ въ Москву и обратно въ свое имѣніе, часто съ своей доброй женой Маріей Петровной, онъ оглашалъ весь домъ своей громкой, блестящей, часто остроумной и порою льстивою рѣчью.

Въ 1863 году онъ былъ въ Ясной Полянѣ раннимъ лѣтомъ, въ то время, какъ Левъ Николаевичъ былъ страшно увлеченъ пчелами и цѣлыми днями проводилъ время на пчельникѣ, куда и я прибѣгала къ нему иногда съ завтракомъ. Вечеромъ мы всѣ рѣшили пить чай на пчельникѣ. Засвѣтились всюду въ травѣ свѣтляки. Левъ Нико-

лаевичъ взялъ два изъ нихъ и, приставивъ шутя къ моимъ ушамъ, сказалъ: «Вотъ я обѣщалъ тебѣ изумрудныя серьги, чего же лучше этихъ?»

Когда Феть уѣхалъ, онъ написалъ мнѣ письмо со стихами, кончавшимися такъ ¹⁾):

А на землѣ два свѣтляка,
Два изумруда,
Въ моей рукѣ твоя рука,
Какое чудо!

И почти послѣ всякаго посѣщенія Афанасій Афанасьевичъ присылалъ мнѣ новое стихотвореніе, изъ которыхъ многія посвящалъ мнѣ. Въ одномъ изъ нихъ меня очень порадовало, можетъ быть, незаслуженное опредѣленіе свойствъ моей души въ слѣдующемъ четырехстишіи:

И вотъ, исполненъ обаянья,
Передъ тобою, здѣсь въ глуши,
Я понялъ, свѣтлое созданіе,
Всю чистоту твоей души.

Когда мы переѣхали въ Москву, Феть купилъ недалеко отъ насъ домъ, и часто посѣщалъ насъ, говоря, что въ Москвѣ ему ничего не нужно, только — самоваръ. Мы засмѣялись этому неожиданному желанію Фета, а онъ объяснилъ его такъ: — «Я долженъ знать, что въ такомъ-то домѣ вечеромъ, кипитъ самоваръ и сидитъ милая хозяйка, съ которой я могу провести пріятно вечеръ».

¹⁾ Стихотвореніе было переработано. Въ печатномъ видѣ читалось такъ:

«Въ моей рукѣ — какое чудо!
Твоя рука,
И на травѣ — два изумруда:
Два свѣтляка».

Изъ интересныхъ посѣтителей Ясной Поляны два раза былъ у насъ Тургеневъ. Въ первый разъ въ 1878 году, во второй приѣзжалъ приглашать Льва Николаевича на открытіе памятника Пушкину. Онъ былъ веселъ, ласковъ, радовался на нашу счастливую семейную жизнь и, обращаясь къ Льву Николаевичу, говорилъ: — «Какъ вы хорошо сдѣлали, душа моя, что женились на вашей женѣ ¹⁾».

Спасибо милымъ, умершимъ, настоящимъ нашимъ друзьямъ за ихъ неизмѣнно хорошее и доброе отношеніе ко мнѣ. Многіе изъ нихъ были болѣе чѣмъ на 20 лѣтъ старше меня и снисходительно относились ко мнѣ, молодой еще женщинѣ.

Часто и подолгу живалъ у насъ Николай Николаевичъ Страховъ, всѣми нами любимый и уважаемый другъ, всегда умилявшійся на нашу жизнь, ласкавшій и дѣтей и часто говорившій: «Непремѣнно напишу объ Ясной Полянѣ и жизни въ ней». Но онъ такъ и не исполнилъ своего намѣренія.

Много бывало въ Ясной Полянѣ и въ Москвѣ разныхъ посѣтителей. Бывали иностранцы, знаменитые художники: Рѣпинъ, Ге, Сѣровъ, Гинсбургъ, Трубецкой, Аронсонъ, — писавшіе и лѣпившіе Льва Николаевича и меня. Мои портреты почему-то никогда не имѣли сходства со мной.

Много можно было бы написать о той счастливой эпохѣ моей жизни, когда все было такъ радостно, интересно и содержательно. Сожалѣю, что мало записывала раньше о событіяхъ и интересныхъ

¹⁾ «Жена его прелесть» — писалъ Тургеневъ Фету о С. А. черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ посѣщенія.

разговорахъ посѣтителей и самого Льва Николаевича, и уже мало помню теперь, когда пережила совсѣмъ другое, когда пришлось за прежнее счастье поплатиться горемъ и слезами, причиненными и тяжелыми обстоятельствами и недобрыми людьми.

V.

Когда пошли дѣти, я не могла уже такъ всецѣло отдаваться служенію мужу и постояннымъ сочувствіямъ его работамъ. Дѣтей было много: живыхъ родилось 13 человѣкъ. Десятерыхъ изъ нихъ я выкормила сама, и принципиально и по сердечному влеченію, не желая брать кормилицъ. Три раза пришлось по тяжело сложившимся обстоятельствамъ отступить отъ этого принципа.

Дѣти выросли, и мы тогда единодушно и единомышленно воспитывали ихъ. Учителей и гувернантокъ Левъ Ник. всегда выписывалъ или привозилъ самъ. Многому учили и мы, родители. Отецъ хотѣлъ дать своимъ дѣтямъ самое утонченное образованіе, и мальчикамъ исключительно классическое. Онъ самъ выучился при усиленномъ трудѣ по-гречески, чтобы учить старшаго сына, Сережу, поступленіе котораго въ университетъ онъ считалъ необходимымъ. «Въ то же время и Таня подрастетъ» — говорилъ онъ, — «и надо будетъ ее вывозить въ свѣтъ». Мнѣ приходилось преподавать дѣтямъ начально тѣ предметы, для которыхъ въ данное время не доставало учителей, а именно: французскій и нѣмецкій языки, музыку, рисованіе,

русскую литературу и даже танцы. По - англійски я знала очень мало. Въ первый же годъ моего замужества Левъ Николаевичъ, тоже плохо знавшій этотъ языкъ, началъ меня учить, и мы впервые прочли съ нимъ вмѣстѣ по - англійски романъ Willke Collins'a the Woman in White ¹⁾. Впослѣдствіи я легко выучилась этому языку у англичанокъ, выписываемыхъ нами для дѣтей.

То, къ чему мы стремились съ воспитаніемъ старшихъ дѣтей, то и осуществили въ 1881 году, переѣхавъ на зиму въ Москву. Старшій сынъ, Сергѣй, поступилъ въ университетъ, двухъ сыновей, Илью и Льва отдалъ Левъ Ник. въ классическую гимназію Л. И. Поливанова. Опредѣлилъ дочь Таню въ Школу Живописи и Ваянія, и вывезъ ее на ея первый костюмированный балъ къ Олсуфьевымъ, такъ какъ я, въ ожиданіи моего восьмого ребенка, Алеши, родившагося 31 октября, никуда уже не выѣзжала.

Переѣздъ въ Москву и жизнь въ городѣ неожиданно для насъ обоихъ оказалась гораздо тяжелѣе, чѣмъ мы могли предполагать. Хотя Левъ Ник. и писалъ мнѣ изъ Самарскихъ степей, гдѣ онъ пилъ кумысъ: «Дастъ Богъ, приѣду, буду служить по московскимъ дѣламъ усердно, только приказывай», — онъ не въ состояніи былъ это исполнить и сразу затосковалъ. Отсутствие деревни, природы, — уже забытыя, новыя впечатлѣнія города, съ бѣдностью, съ одной стороны, съ роскошью, съ другой, по-

¹⁾ Романъ былъ переведенъ подъ заглавіемъ «Женщина въ бѣломъ».

вергли его въ уныніе, такъ что я часто плакала, глядя на его настроеніе, которое еще болѣе ухудшилось послѣ его участія въ переписи города Москвы. Жизнь города, какъ - будто впервые предстала передъ его впечатлительнымъ наблюденіемъ. Поворотъ же къ прежней жизни былъ невыносимъ, такъ какъ воспитаніе дѣтей только - что наладилось и стало главнымъ вопросомъ въ нашей жизни. Съ грустью пришлось оглянуться назадъ и признать самымъ счастливымъ временемъ въ нашей жизни 19 лѣтъ, прожитыя нами безвыѣздно въ Ясной Полянѣ. Кромѣ семьи и работы по переписыванію для Льва Николаевича, сколько было хорошихъ занятій въ деревнѣ! Приходили ко мнѣ крестьяне больные, я лѣчила ихъ, какъ умѣла, и любила это занятіе. Насадилы мы посадки яблонь и деревьевъ, радуясь на ихъ ростъ. Одно время мы устроили въ домѣ школу и вмѣстѣ съ нашими подрастающими дѣтьми учили ребятъ. Но продолжалось это недолго, мѣшало воспитаніе своихъ дѣтей, жизнь которыхъ мы старались разнообразить, какъ могли. Зимой мы всей семьей, включая и насъ, родителей, гувернеровъ и гувернантокъ, катались на конькахъ и съ горъ въ салазкахъ, сами расчищали снѣгъ на пруду. Каждое лѣто, болѣе 20 лѣтъ, прѣзжала въ Ясную Поляну семья сестры Кузьминской, и жили такъ весело, что лѣто считалось у насъ сплошнымъ праздникомъ. Кромѣ разныхъ игръ: крокета, тенниса, домашнихъ спектаклей и другихъ развлеченій, какъ купанье, собираніе грибовъ, катаній и прогулокъ, — лѣто посвящалось и музыкѣ, устраивались экзаменаціонные концерты

изъ дѣтей и взрослыхъ: играли на роялѣ, на скрипкѣ и даже пѣли.

Одно лѣто вся молодежь предалась сельскимъ работамъ и убирала покось для бѣдныхъ вдовъ вмѣстѣ съ Львомъ Ник. Тогда уже, т. е. въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ, почувствовался въ немъ тотъ внутренній переворотъ, то стремленіе къ иной, болѣе упрощенной и духовной жизни, которое его уже не покидало до конца его жизни. Но кончилось и то безмятежное счастье, которымъ мы жили столько лѣтъ! Въ началѣ этого духовнаго движенія Левъ Ник., какъ извѣстно, горячо предался православію и церкви. Въ ней онъ видѣлъ объединеніе съ народомъ. Но постепенно отошелъ отъ нея, что извѣстно и по его дальнѣйшимъ писаніямъ. Трудно услѣдить, какъ совершился этотъ переворотъ въ Левѣ Ник. и когда именно. При своей напряженно трудовой жизни и материнствѣ я уже не могла такъ всецѣло жить умственными интересами моего мужа, а онъ все уходилъ отъ жизни семьи. Было уже 9 человѣкъ дѣтей одновременно, и, чѣмъ старше они становились, тѣмъ сложнѣе было ихъ воспитаніе и отношенія съ ними. Отецъ же все больше и больше отдалялся отъ нихъ, и наконецъ, совсѣмъ отказался отъ участія въ воспитаніи дѣтей, ссылаясь на то, что ихъ учатъ по программамъ и закону Божьему, что онъ считаетъ для нихъ вреднымъ.

Не хватило моихъ слабыхъ силъ примирить эти два положенія, и я часто приходила въ отчаяніе, даже заболѣвала, но не видѣла выхода. Что дѣ-

лать? Переѣхать опять въ деревню, бросить все? Но и этого какъ - будто не хотѣлъ Левъ Ник. Онъ противъ моего желанія купилъ домъ въ Москвѣ, и этимъ какъ - будто закрѣпилъ нашу жизнь въ городѣ.

Разногласіе между моимъ мужемъ и мною произошло не потому, что я ушла душой отъ него. Я и моя жизнь остались прежними. Ушелъ онъ, и не въ обыденной жизни, а въ своихъ писаніяхъ, своей проповѣди людямъ, какъ надо жить. Слѣдовать его ученію я чувствовала себя безсильной. Отношенія же личныя между нами были прежнія: такъ же мы любили другъ друга, такъ же трудно разставались и чувствовалось, какъ выразился въ письмѣ къ мнѣ пожилой и уважаемый другъ нашей семьи, что:

«Ни одного золотника нельзя было ни прибавить, ни убавить въ васъ обоихъ, чтобы не нарушать той удивительной гармоніи, той замкнутости духовной жизни при множествѣ народа, окружавшаго васъ . . . »

Омрачалось только иногда наше счастье и нарушалась гармонія вспышками ни на чемъ не основанной обоюдной ревности. Оба горячіе и страстные, мы не могли себѣ представить, что кто-нибудь можетъ отнять насъ другъ у друга. Эта ревность съ страшной силой проснулась во мнѣ, когда подъ конецъ нашей жизни я увидала, что столько лѣтъ открытая для меня душа моего мужа — замкнулась для меня и открылась для посторон-

няго чуждаго лица ¹⁾ безповоротно и безъ всякой видимой причины.

VI.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ мы тяжело пережили пять смертей въ нашемъ домѣ. Умерли двѣ тетушки: въ 1874 году Татьяна Александровна Ергольская и въ 1875 году Пелагея Ильинишна Юшкова. Кромѣ того, умерло трое маленькихъ дѣтей, а я, заразившись отъ своихъ дѣтей коклюшемъ, въ то же время опасно заболѣла перитонитомъ, вызвавшимъ преждевременные роды, и была при смерти.

Повліяли ли всѣ эти событія на Льва Николаевича или были на то другія причины, но недовольство жизнью и исканіе истины приняли острый характеръ. Всѣмъ извѣстно по его «Исповѣди» и другимъ сочиненіямъ, что онъ хотѣлъ даже повѣситься, не находя удовлетворенія въ своихъ исканіяхъ. Не могла я чувствовать себя попрежнему счастливой, когда мужъ мой, не высказывая этого ясно, грозилъ тѣмъ, что лишитъ себя жизни, какъ грозилъ впослѣдствіи своимъ уходомъ. Найти причины его отчаянія и повѣрить въ нихъ было трудно. Семья жила своей нормальной, хорошей жизнью, но она не удовлетворяла его; онъ искалъ въ другомъ смысла жизни, искалъ вѣры въ Бога, всегда содрогался при мысли о смерти и не находилъ того, что бы его утѣшило и примирило съ ней. То бесѣ-

¹⁾ Имѣется въ виду Чертковъ, познакомившійся съ Л. Н. въ 1883 г.

доваль онъ съ гр. Бобринскимъ ¹⁾ объ ученіи Радстока ²⁾ то съ кн. С. С. Урусовымъ ³⁾ о православіи и церкви, то съ богомольцами и сектантами, а позднѣе съ архіереями, монахами и священниками. Но никто и ничто не удовлетворяло Льва Николаевича и не успокаивало его. Духъ отрицанія существующихъ религій, прогресса, науки, искусства, семьи, — всего, что рѣками выработало человѣчество, становился у Льва Николаевича все сильнѣе, и онъ дѣлался все мрачнѣе. Точно внутренній взоръ его обратился только на зло и страданія людей, а все радостное, красивое и доброе исчезло. Я недоумѣвала, какъ жить съ такими взглядами, пугалась, тревожилась, горевала. Но не могла же я съ девятью дѣтьми поворачиваться, какъ флюгеръ, туда, куда мысленно уходитъ, постоянно измѣняясь, мой мужъ. У него это было горячее искреннее исканіе, у меня это было бы тупое подражаніе, даже вредное для семьи. Кромѣ того, по внутреннему моему чувству и убѣжденію я не могла и не хотѣла отступить отъ церкви, куда съ дѣтства привычно обращала свои молитвы. Самъ Левъ Николаевичъ въ началѣ своихъ исканій почти два года былъ крайне православнымъ, соблюдая всѣ обряды и посты. Тогда и семья шла за нимъ по этому пути. Когда именно мы съ нимъ разошлись — не знаю, услѣдить не могу. И въ чемъ?

1) Министръ путей сообщенія Алексѣй Павловичъ Бобринскій.

2) Англійскій проповѣдникъ 70 г., выступавшій съ успѣхомъ въ Петербургѣ среди аристократіи.

3) Сергѣй Семеновичъ, помѣщикъ, близкій другъ Л. Н.

Отрицаніе Львомъ Николаевичемъ церкви и православія рѣзко замѣнилось признаніемъ цѣлесообразности и мудрости ученія Христа, которое онъ считалъ несомнѣваемымъ съ ученіемъ церкви. Что касается меня, то по отношенію къ Евангелію я не могла разойтись съ нимъ, так какъ считала Евангеліе основаніемъ и православной вѣры. Изучивъ его и стараясь жить по Евангелію, Левъ Николаевичъ началъ опять страдать отъ нашей яко-бы роскошной жизни, которую я не въ силахъ была измѣнить. Я просто не понимала зачѣмъ, и не сумѣла бы все измѣнить въ своей жизни, не мной созданной въ такихъ условіяхъ. Отдавъ все свое состояніе по желанію мужа (неизвѣстно кому), оставшись въ бѣдности съ 9-ю дѣтьми, я должна бы была работать на семью, — кормить, шить, мыть, воспитывать дѣтей безъ всякаго образованія. Левъ Николаевичъ по своему призванію и влеченію, ничего не могъ бы другого дѣлать, какъ писать. Онъ и всегда уѣзжалъ изъ Москвы въ Ясную Поляну, жилъ тамъ одинъ, читалъ, писалъ и обдумывалъ свои произведенія. Разлуку съ нимъ я тяжело переносила, но считала ее необходимой для умственныхъ работъ моего мужа и для его отдыха.

Въ свою очередь, дѣлаясь старше, и меня заставила внѣшняя и внутренняя сложность моей жизни взглянуть серьезнѣе на ея запросы, и я опять, какъ въ ранней молодости, обратилась къ философіи, къ мудрости раньше жившихъ мыслителей. Въ то время, около 1881 и 1882 года, близко знакомый и часто посѣщавшій насъ гость, князь Леонидъ Дмитріевичъ Урусовъ, служившій въ Тулѣ вице-

губернаторомъ, перевелъ на русскій языкъ «Мысли Марка Аврелія» и принесъ намъ свой трудъ на прочтеніе. Мысли этого царственнаго мудреца произвели на меня большое впечатлѣніе. Потомъ кн. Урусовъ принесъ мнѣ сочиненія Сенеки въ французскомъ переводѣ. Блестящій стиль, богатство мыслей этого философа такъ увлекли меня, что я два раза перечла его сочиненія. Послѣ этого я уже подрядъ читала разныхъ философовъ, покупая книги, выписывая поражавшія меня мысли и изреченія. Помню, какъ поразили меня мысли Эпиктета о смерти. Очень труденъ для моего пониманія показался мнѣ Спиноза, но Этикой я его заинтересовалась и особенно объясненіемъ понятія о Богѣ. Сократъ, Платонъ и другіе философы преимущественно греческіе меня восхищали, и не могу сказать, что мудрецы во многомъ помогли мнѣ жить и мыслить. Позднѣе пыталась я читать и новыхъ философовъ: прочла Шопенгауера и другихъ, но древнихъ я любила гораздо больше. Изъ философскихъ сочиненій Льва Николаевича мнѣ больше всѣхъ нравилась и понятна была его книга «О жизни», и я перевела ее съ помощью г. Тастевена на французскій языкъ. Трудилась я надъ этимъ переводомъ, находясь въ особенно болѣзненномъ состояніи, въ ожиданіи послѣдняго нашего ребенка, Ванечки. Добросовѣстно относясь къ этому переводу, я часто спрашивала совѣта у мужа и у философовъ: Н. Я. Грота и В. С. Соловьева.

Письменные работы по разнымъ отраслямъ я всегда очень любила. Когда раньше составлялась «Азбука» и «Четыре книги для чтенія», Левъ Нико-

лаевичъ поручилъ мнѣ составлять фразы, переводить и передѣлывать рассказы, приспособляя ихъ къ русскому языку и нравамъ. Написала я и свой маленькій рассказъ «Воробьи» и другіе.

По поводу повѣсти «Крейцерова Соната», никогда мнѣ не нравившейся, я написала повѣсть съ точки зрѣнія женщины, но не напечатала ее. Позднѣе написала еще повѣсть: «Пѣсня безъ словъ». Навело меня на это писаніе впечатлѣніе, полученное мною въ концертѣ отъ дѣвицъ, странно относившихся къ извѣстному піанисту. Онѣ цѣловали его калоши, рвали на клочки его платокъ и вообще неистовствовали. При чемъ же тутъ музыка? Мысль, которую я хотѣла провести, была та, что отношеніе къ искусству, какъ къ природѣ, должно оставаться дѣвственнымъ, т. е. чистымъ, безъ вмѣшательства низменныхъ людскихъ страстей.

Когда я учила дѣтей, я сама составила русскую грамматику, по которой дѣти скоро выучивались правильно писать. Къ сожалѣнію, ее скоро затерялъ русскій учитель¹⁾, очень одобрившій мой трудъ.

Разсказывая дѣтямъ выдумываемыя мною сказки, я нѣкоторыя записала и позднѣе издала съ иллюстраціямъ²⁾. Въ первомъ разсказѣ «Куколки-Скелетцы», я воспользовалась сюжетомъ Льва Николаевича. Онъ началъ писать этотъ разсказъ, и начало его пропало. Было ли оно утеряно въ про-

1) В. И. Алексѣевъ, впоследствии послѣдователь Л. Н.

2) 1910 г.

павшемъ въ дорогѣ чемоданѣ, или увезено съ другими рукописями — не знаю ¹⁾).

На свои сочиненія я всегда смотрѣла съ презрительной ироніей, считая это занятіе своимъ баловствомъ. Такъ, напримѣр, читая разныя декадентскія сочиненія, я вздумала подражать, и написала шутя стихотвореніе въ прозѣ, подъ заглавіемъ «Стоны». Напечатали ихъ въ «Журналѣ для Всѣхъ» безъ моего имени въ мартѣ 1904 года, не зная даже, кто авторъ ²⁾).

Изъ письменныхъ работъ помню еще два, заказанныхъ мнѣ Львомъ Николаевичемъ, перевода. Одинъ съ нѣмецкаго «Ученіе 12 апостоловъ», который онъ потомъ поправлялъ, и другой, позднѣе, съ англійскаго: «О сектѣ Бехаистовъ».

Печатала я и въ газетахъ разныя статьи. Изъ нихъ замѣтнѣе другихъ были: мое воззваніе къ пожертвованіямъ въ пользу голодающихъ 3 ноября 1891 года, мое письмо къ митрополитамъ и въ Синодъ по поводу отлученія Льва Николаевича отъ церкви ³⁾, глубоко возмутившаго и огорчившаго меня. Печатали еще мою статью «Воспоминаніе о Тургеневѣ» в «Орловскомъ Вѣстникѣ»; критическую статью объ Андреевѣ ⁴⁾ и другія.

Если я что - либо написала дѣльнаго, то это семь

¹⁾ Въ 1883 г. Л. Н. потерялъ чемоданъ съ рукописью. Въ тѣ же годы В. Г. Чертковъ началъ увозить рукописи Л. Н. въ Англію.

²⁾ Были напечатаны подъ псевдонимомъ «Усталая».

³⁾ 26 февраля 1901 г.

⁴⁾ Статья объ Андреевѣ напечатана была въ формѣ письма въ редакцію, по поводу «Критическ. очерка» Буренина («Нов. Вр.», 1903 г.). Въ ней говорилось о развращающемъ вліяніи произведеній писателя.

толстыхъ переплетенныхъ тетрадей, подъ заглавіемъ: «Моя жизнь»¹⁾). Въ нихъ — описаніе всей моей долготѣтней жизни по 1897 годъ включительно. Когда послѣ смерти Льва Николаевича мнѣ совершенно незаконно закрыли доступъ въ Историческій Музей въ Москвѣ, куда я сдала на храненіе всѣ бумаги, дневники, письма, записныя книжки моего мужа и мои, я не могла продолжать свой трудъ безъ матеріаловъ, и пропали для моей работы три года и такъ уже недолгой моей жизни. А кто больше и лучше знаетъ о жизни Льва Николаевича? Бумаги эти были мной свезены въ 1894 году сначала въ Румянцевскій музей, а потомъ по случаю ремонта, перевезены въ Историческій, гдѣ и находятся понынѣ въ ожиданіи разрѣшенія ихъ участі правосудіемъ²⁾).

VII.

Лѣтомъ 1884 года Левъ Николаевичъ очень много работалъ въ полѣ, цѣлые дни косилъ съ мужиками, и, когда усталый приходилъ вечеромъ домой, сидѣлъ мрачный и недовольный той жизнью, которой жила его семья. Эта жизнь шла въ разладъ съ его проповѣдью, и это мучило и огорчало его. Одно время онъ мечталъ, взявъ съ собой работницу, русскую бабу, тайно убѣжать съ переселенцами

¹⁾ Изъ нихъ напечатаны были отрывки: «Женитьба Л. Н.», «Власть тьмы» и «Посѣщенія Л. Н. Оптиной пустыни».

²⁾ Дѣло касается извѣстнаго спора съ А. Л. Толстой. Надо добавить, что С. А. еще при жизни передала всѣ рѣшительно рукописи своей дочери.

на новую жизнь, о чемъ самъ мнѣ признался. Наконецъ, 17-го іюня вечеромъ, поспоривъ со мной что - то о лошадяхъ, онъ взялъ мѣшокъ съ кое - какими вещами на спину и ушелъ изъ дому, сказавъ, что уходитъ навсегда, можетъ быть въ Америку, и больше не вернется. У меня, между тѣмъ, начались уже родовыя боли. Поступокъ мужа привелъ меня въ отчаяніе, и эти два страданія: физическое и сердечное, были невыносимы. Я молила Бога о смерти. Въ 4 часа ночи Левъ Николаевичъ вернулся и, не заходя ко мнѣ, легъ на диванъ внизу, въ кабинетѣ. Несмотря на жестокия боли, я прибѣжала къ нему, онъ былъ мраченъ и ничего мнѣ не сказалъ. Въ 7 часовъ утра родилась дочь Саша. Никогда я не могла забыть этой ужасной, свѣтлой іюньской ночи!

Еще разъ Левъ Николаевичъ задумалъ уйти въ 1897 году. Но объ этомъ никто не зналъ. Онъ написалъ мнѣ письмо, которое по его желанію, отдали мнѣ только по его смерти¹⁾. Но и тогда онъ не ушелъ.

Осенью того же года Левъ Николаевичъ далъ мнѣ довѣренность на веденіе всѣхъ имущественныхъ дѣлъ, включая и печатанье его сочиненій. Неопытная, безъ копейки денегъ, я энергично принялась изучать дѣло изданія книгъ, а потомъ продажи и подписки на сочиненія Л. Н. Толстого. Пришлось управлять имѣніями и вообще всѣми дѣлами. Какъ все это было трудно съ большой семьей и безъ всякаго опыта! Приходилось и неоднократно

¹⁾ Напечатано въ письмахъ Л. Н. къ женѣ. См. также біографію Вирюкова.

хлопотать въ цензурѣ и для этого ѣздить въ Петербургъ.

Разъ Левъ Николаевичъ позвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ и просилъ меня взять въ полную собственность все его имущество, включая и авторскія права. Я спросила, зачѣмъ это нужно, разъ мы такъ близки другъ другу и дѣти у насъ общія. Онъ отвѣтилъ, что считаетъ собственность зломъ, и не хочетъ ея имѣть. — «Такъ ты хочешь это зло передать мнѣ, самому близкому тебѣ существу?», сказала я, заплакавъ. «Не хочу я этого и ничего не возьму». Такъ я и не знала состоянія мужа, вела дѣла по его довѣренности, и только нѣсколько лѣтъ послѣ я согласилась на общій раздѣлъ, причемъ отецъ самъ распредѣлилъ тѣ части имущества, которыя достались каждому изъ дѣтей и мнѣ. Отъ авторскихъ правъ на сочиненія, написанныя послѣ 1881 года, онъ отказался совсѣмъ¹⁾. На прежнія же свои сочиненія онъ оставилъ права за собой до конца своей жизни. Раздѣлъ былъ оконченъ въ 1891 году, и Ясная Поляна была отдана меньшему сыну Ванечкѣ и мнѣ.

Въ этомъ же 1891 году было важное для меня событіе. Въ апрѣлѣ я ѣздила въ Петербургъ хлопотать о снятіи ареста съ 13-й части сочиненій Л. Н. Толстого, включавшей въ себѣ запрещенную «Крейцерову Сонату». Я обратилась съ просьбой къ Императору Александру III. Онъ милостиво принялъ меня и послѣ моего отъѣзда приказалъ снять арестъ съ запрещенной книги, изъявивъ свою

¹⁾ Письмомъ въ «Русск. Вѣд.», 19 сент. 1891 г.

волю, чтобы «Крейцера Соната» не продавалась отдельной книгой. Но кто-то напечатал тайно эту повесть, а завистники оклеветали меня перед царем, сказав, что я не исполнила его воли. Государь, конечно, был очень недоволен, и, как мне передавала гр. А. А. Толстая, сказал: Если я ошибся в этой женщине, то нет правдивых людей на свете». Узнала я обо всем этом уже поздно, чтобы уяснить истину, и очень огорчилась, тем более, что царь скончался в ту же осень и никогда не узнал правды.

VIII.

1891 и следующие два года ознаменовались для нас нашей семейной помощью голодающему русскому народу. Страдая от всех получаемых сведений об этом бедствии, я решилась напечатать в газетах призыв к пожертвованиям. И как радостна мне была та горячая отзывчивость добрых людей, посылавших нам щедрые пожертвования, часто при трогательных письмах! В Москвѣ тогда остались со мною четверо меньших детей. И разлука с мужем и старшими детьми, подвергавшимися всяким опасным случаям, мне была чрезвычайно тяжела. Утешало меня только то, что я участвовала в этом добром деле. Покупала вагоны хлеба, гороха, лука, кислой капусты, — всего, что было нужно для столовых, в которых по деревням кормились голодные люди. Для оплаты всего этого получала деньги, которые мне посылались в большом ко-

личествѣ. Изъ посылаемой мнѣ фабрикантами матеріи я кроила бѣлье, которое давала шить тоже бѣднымъ женщинамъ за небольшую плату и разсылала его, гдѣ было больше нужды, а главное, тифознымъ больнымъ.

Казалось, что дѣло это должно бы удовлетворить Льва Николаевича. Такъ было сначала, но онъ и въ немъ скоро разочаровался, и снова началъ мечтать о какомъ-нибудь подвигѣ, какъ выразилъ онъ это въ своемъ дневникѣ. Семей онъ тяготился, хотя и любилъ насъ. На меня часто досадовалъ. Мы были помѣхой привести въ исполненіе его мечты о свободной, новой жизни, о подвигѣ. Иногда онъ смягчался и писалъ, напри- мѣръ, въ дневникѣ: «Съ Соней хорошо. Вчера думалъ, наблюдая ее съ Андрюшей и Мишей, какая это удивительная мать и жена въ извѣстномъ смыслѣ». Подобное обо мнѣ мнѣніе, высказываемое иногда и мнѣ лично, утѣшало меня; но упорное стрицаніе всей нашей жизни снова мучило и огорчало меня.

Эта помощь голодающимъ чуть не стоила жизни моему сыну Льву, тогда еще совсѣмъ юному студенту, работавшему на голодѣ самостоятельно въ Самарской губерніи. Здоровье его, особенно послѣ тифа, совсѣмъ сломилось, и я долго томилась послѣ, глядя на его угасавшую жизнь. Но онъ поправился, прохворавъ болѣе двухъ лѣтъ, а умеръ въ 1895 году меньшей, 7-милѣтній сынъ Ванечка, общій любимецъ, необыкновенно похожій на отца, умный, чуткій ребенокъ, не жилецъ на этой землѣ, какъ говорятъ люди о такихъ дѣтяхъ. Это было

самое большое горе въ моей жизни, и долго я не могла не только утѣшиться, но успокоиться. Сначала я проводила цѣлые дни въ церквахъ и соборахъ, молилась и дома, и гуляя въ своемъ саду, гдѣ вспоминалась мнѣ худенькая, нѣжная фигурка моего мальчика. «Гдѣ ты, гдѣ ты, Ванечка?» иногда вскрикивала я, не вѣря своему несчастью. Наконецъ, проведя девять часовъ въ Архангельскомъ соборѣ (былъ постъ) и возвращаясь пѣшкомъ въ Хамовнической переулокъ, я промокла подъ сильнымъ дождемъ и тяжело заболѣла. Уже ждали моей смерти, но я очнулась въ Пасхальную ночь при звонѣ колоколовъ и вновь вступила въ свое скорбное существованіе. Всѣ окружающіе меня, особенно мужъ и двѣ старшія дочери, были необыкновенно бережно добры и нѣжны со мной. Это утѣшало и радовало меня ¹⁾).

Весной пріѣзжала моя сестра, Т. А. Кузминская, и увезла меня къ себѣ въ Кіевъ, который еще болѣе расположилъ меня къ молитвенному состоянію и произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Подавленное и безучастное ко всему отношеніе продолжалось и лѣтомъ, и вывела меня изъ него совершенно неожиданно и случайно — музыка. Гостилъ у насъ лѣтомъ извѣстный композиторъ и превосходный піанистъ. По вечерамъ онъ игралъ съ Львомъ Николаевичемъ въ шахматы, а потомъ по просьбѣ его и всѣхъ насъ, часто игралъ на роялѣ. Подъ чудные звуки произведеній Бетховена, Моцарта, Шопена и другихъ, въ превосходномъ исполненіи, я ми-

¹⁾ И. Л. Толстой видитъ внутреннюю связь между этой смертью и попыткой Л. Н. уйти изъ Ясной Поляны.

нутами забывала свое острое горе, и уже болѣзненно ждала вечера, когда опять услышу эту чудесную музыку.

Такъ прошло лѣто, а осенью въ Москвѣ я взяла себѣ читальницу, и въ 52 года начала снова упражняться и совершенствоваться въ игрѣ. Успѣховъ сдѣлала мало, ушло время. Но я посѣщала концерты, и музыка спасала меня отъ отчаянія. О музыкѣ писалъ гдѣ-то Левъ Николаевичъ: «Музыка есть наслажденіе чувства слуха, какъ вкуса. Я согласенъ, что это менѣе похотливо, чѣмъ вкусъ ѣды, но нѣтъ никакого чувства нравственнаго».

Этого взгляда я не могла раздѣлять. Онъ самъ часто плакалъ при исполненіи его любимыхъ пьесъ. А развѣ плачутъ отъ наслажденія вкуса? На меня музыка всегда дѣйствовала умиротворяюще и возвышающе. Всѣ мелкія житейскія невзгоды теряли свой смыслъ. Подъ звуки Шопеновской Сонаты съ похороннымъ маршемъ или нѣкоторыхъ сонатъ Бетховена и многихъ другихъ прекрасныхъ музыкальныхъ произведеній, часто хотѣлось молиться, прощать, любить и думать о томъ, что безпредѣльно, духовно, таинственно и красиво, какъ тѣ звуки, не говорящіе ничего опредѣленнаго, но заставляющіе мыслить, мечтать и радоваться безконечно и прекрасно . . .

IX.

Въ августѣ 1896. года Левъ Николаевичъ предложилъ мнѣ поѣхать къ сестрѣ его Маріи Николаевнѣ въ монастырь близъ Шамардина. Оттуда мы

поѣхали въ Оптину Пустынь, гдѣ я говѣла. Во время моей исповѣди Левъ Николаевичъ ходилъ возлѣ кельи старца, отца Герасима, но въ келью не входилъ.

Послѣ смерти Ванечки жизнь семейная уже не была попрежнему радостная. Постепенно вступали въ бракъ старшія дѣти, и домъ пустѣлъ. Особенно тяжела была разлука съ дочерьми. Здоровье Льва Николаевича стало слабѣть, и въ 1901 году, въ сентябрѣ, консилиумъ докторовъ отправилъ его на югъ, въ Крымъ. Гр. Панина любезно предоставила намъ свой великолѣпный домъ въ Гаспрѣ, гдѣ мы прожили всей почти семьей десять мѣсяцевъ. Здоровье Льва Николаевича не только не поправилось, но стало хуже. Онъ болѣлъ въ Гаспрѣ одной инфекціонной болѣзью за другой, и я съ болью сердца вспоминаю тѣ ночи, которыя просиживала ежедневно въ продолженіи всѣхъ почти десяти мѣсяцевъ у постели больного мужа. Смѣняли меня и дежурили со мной вмѣстѣ дочери, сыновья, доктора, друзья и больше всѣхъ сынъ Сережа. Чего я только не пережила и не передумала въ эти ночи!

Въ Москву жить мы больше не вернулись, и я вмѣстѣ съ докторами рѣшила, что для Льва Николаевича лучше всего остаться жить въ родной и привычной ему Ясной Полянѣ.

Рѣшивъ послѣ возвращенія изъ Крыма остаться жить въ деревнѣ, мы въ послѣдующіе годы спокойно и мирно жили, каждый занимаясь своимъ дѣломъ. Я усердно писала свои записки подъ заглавіемъ: «Моя жизнь». Ѳздила въ Москву по дѣламъ изданій сочиненій Льва Николаевича, и тогда

же ежедневно по утрамъ сидѣла въ Историческомъ музеѣ, выписывая изъ дневниковъ, писемъ, записныхъ книжекъ нужные для моихъ работъ матеріалы. Мнѣ доставляло огромное наслажденіе это занятіе въ башнѣ, наверху, въ музеѣ, въ полномъ одиночествѣ, окруженной столь интересными бумагами. Рукописей я въ должный порядокъ не приводила, думая, что это и безъ меня сдѣлаютъ, считала болѣе цѣлесообразнымъ писать свои воспоминанія, не рассчитывая впереди на долгую жизнь и свѣжую память.

Кромѣ того я совершенно случайно, но страстно предалась тогда занятію живописью, всегда очень меня привлекавшею. Въ Петербургѣ открылась въ Таврическомъ Дворцѣ превосходная и очень интересная выставка старинныхъ и новѣйшихъ портретовъ. Обратились и къ намъ съ просьбой дать всѣ наши фамилные портреты изъ Ясной Поляны. Мнѣ показалось очень неприятнымъ, что стѣны нашей залы пустѣютъ, и я со свойственной мнѣ смѣлостью принялась копировать портреты до ихъ увоза. Никогда не учившись живописи, но любя ее, какъ всякое искусство, я страшно волновалась, и работала цѣлыми днями, часто и ночами. Какъ раньше музыкой, такъ же безумно увлеклась я тогда живописью. Левъ Николаевичъ смѣясь говорилъ, что я заболѣла болѣзью, называемой «портретить», и что онъ боится за мои умственные способности. Изъ попытокъ моихъ лучше всѣхъ мнѣ удалась копія съ портрета Льва Николаевича работы Крамского. Впослѣдствіи я пыталась писать съ натуры пейзажи и цвѣты; но сильная бли-

зорукость мѣшала мнѣ во многомъ, а главное мучило недовольство своей неумѣлой работой. Но я не жалѣю, что и неумѣло занималась музыкой и живописью на склонѣ моихъ лѣтъ. Только тогда хорошо поймешь всякое искусство, когда сама, хоть плохо, займешься имъ.

Послѣдними попытками моими были рисунки акварелью всей Ясно - Полянской флоры и всѣхъ грибовъ Ясно - Полянскихъ лѣсовъ.

Х.

Въ 1904 году я пережила тяжелое событіе отъѣзда сына моего, Андрея, на войну съ Японіей. Отрицая въ душѣ войну, какъ всякое убійство, я съ особенной болью сердца провожала сына въ Тамбовѣ и смотрѣла вмѣстѣ съ другими матерями на отъѣзжающіе вагоны съ солдатами — нашими дѣтьми, обреченными на смерть.

Радостнымъ событіемъ въ нашей семьѣ было въ 1905 году рожденіе единственнаго ребенка дочери нашей Татьяны Львовны Сухотиной. И внучка эта, вырастая, была любимицей Льва Николаевича и всей нашей семьи.

Въ 1906 году я перенесла тяжелую операцію, сдѣланную мнѣ профессоромъ В. Ф. Снегиревымъ въ Ясной Полянѣ. Какъ спокойно я готовилась къ смерти, какъ радостно мнѣ было, когда при прощаніи со мной горько плакали люди, служившіе мнѣ. Странное чувство испытала я, когда засыпала подъ эфиромъ, который мнѣ давали вдыхать: оно было значительно и ново. Вся жизнь внѣшняя, со всей

ея сложной обстановкой, особенно городовъ, какъ быстро смѣняющаяся панорама, пронеслась передъ моимъ внутреннимъ взоромъ. И такъ ничтожна мнѣ показалась суета людская! Что же важно? какъ будто спрашивала я себя. Одно: если Богъ послалъ насъ на землю, и мы должны жить, то самое важное, это помогать другъ другу, въ чемъ только возможно. Помогать другъ другу жить. Я и теперь такъ думаю.

Операція кончилась вполне благополучно, но воля судьбы, намѣтивъ отнять мою жизнь, какъ бы раздумала и перенесла руку на нашу дочь Машу. Я выздоровѣла, а это милое, самоотверженное, духовное существо, Маша, скончалась черезъ два съ половиной мѣсяца послѣ моей операціи, воспаленіемъ легкихъ, въ нашемъ домѣ. И горе это легло тяжелымъ гнетомъ на нашу жизнь и наши старѣющія сердца. Прежняя ломка жизни: упреки, непріятности прекратились до поры до времени, и мы смирились передъ судьбой. Обычно протекало время въ занятіяхъ, а въ видѣ отдыха Левъ Николаевичъ игралъ съ своими дѣтьми и друзьями въ карты, въ винтъ, что очень любилъ. Утромъ онъ писалъ, днемъ ежедневно ѣздилъ верхомъ и велъ самый спокойный и правильный образъ жизни. Тревожили его только часто посѣтители, утомлявшіе его, просители и письма, въ которыхъ то упрекали его за жизнь, не согласную съ его проповѣдью, то просили у него денегъ, то похлопотать о мѣстѣ и прочее.

Эти упреки и вмѣшательство чужихъ людей въ нашу тихую, семейную жизнь и погубили ее. Уже

раньше вліяніе посторонныхъ лицъ постепенно вкрадывалось и приняло подъ конецъ жизни Льва Николаевича ужасающіе размѣры. Такъ, напримѣръ, его запугивали, что русское правительство пришлетъ полицію и арестуетъ всѣ бумаги Льва Николаевича. На этомъ основаніи онѣ отбирались и увозились изъ Ясной Поляны, и потому Левъ Николаевичъ никогда уже не могъ надъ ними работать, не имѣя подъ руками всего матеріала. Впослѣдствіи съ трудомъ пришлось мнѣ вернуть семь толстыхъ тетрадей дневниковъ моего мужа, находящихся понынѣ у дочери Сашы, что послужило къ тяжелымъ отношеніямъ съ тѣмъ, у кого они находились, и лицо это прекратило тогда свои ежедневныя посѣщенія.

XI.

Въ 1895 году Левъ Николаевичъ написалъ письмо, въ которомъ въ видѣ просьбы къ наслѣдникамъ выразилъ свое желаніе, чтобы права на его сочиненія были отданы въ общую собственность, а разборъ рукописей, оставшихся послѣ его смерти, завѣщалъ Ник. Ник. Страхову, Черткову и мнѣ. Письмо это хранилось у дочери Маши и было уничтожено, а вмѣсто него написано было въ сентябрѣ 1909 года завѣщаніе у Черткова въ Крекшинѣ, недалеко отъ Москвы, гдѣ въ то время вмѣстѣ съ другими лицами гостилъ Левъ Николаевичъ; и это завѣщаніе оказалось по закону неправильно составленное и, слѣдовательно, неисполнимое, о чемъ дознались «друзья».

Ужасно было тогда наше возвращеніе изъ Крешина, черезъ Москву домой. Кто-то изъ «близкихъ» помѣстилъ въ газетахъ, что въ такой-то день и часъ Толстой будетъ на Курскомъ вокзалѣ. Собралось нѣсколько тысячъ человекъ насъ провожать, и насъ едва не задавила эта огромная толпа. Минутами мнѣ казалось, идя подъ руку съ мужемъ и хромя отъ больной ноги, что я сейчасъ задохнусь, упаду и умру. Густая, жаркая атмосфера окружала насъ, несмотря на свѣжій осенній воздухъ.

На здоровьѣ Льва Николаевича это отразилось очень тяжело. Уже отѣхавъ отъ станціи Щекино, онъ началъ заговариваться, потерявъ совершенно сознание того, что происходило вокругъ него. Приѣхавъ домой, онъ черезъ нѣсколько минутъ впалъ въ глубокой обморокъ, который повторился и еще разъ. Къ счастью съ нами былъ докторъ. Послѣ этого я все больше и больше страдала отъ тяжелаго, нервнаго волненія, день и ночь приглядываясь къ состоянію моего мужа. Когда онъ уѣзжалъ или уходилъ одинъ на прогулку, я тревожно ждала его, боясь, что онъ опять впадетъ въ обморокъ, или просто упадетъ тамъ, гдѣ трудно будетъ и найти его.

Отъ этихъ волненій, въ связи съ труднымъ и отвѣтственнымъ дѣломъ изданія сочиненій Л. Н. Толстого, я дѣлалась все нервнѣе и тревожнѣе, и здоровье мое совсѣмъ сломилось. Потерявъ душевное равновѣсіе, я своимъ состояніемъ тяжело вліяла и на своего мужа. Одновременно съ этимъ Левъ Николаевичъ сталъ постоянно угрожать уходомъ

изъ дома, а «близкій» другъ его старательно подготавлилъ съ присяжнымъ повѣреннымъ М. ¹⁾ новое, правильное завѣщаніе, переписанное Львомъ Николаевичемъ собственноручно въ лѣсу на пнѣ, 23 іюля 1910 года.

Это завѣщаніе и было утверждено послѣ его смерти.

А въ дневникѣ того времени написано, между прочимъ, слѣдующее: «Очень ясно понялъ свою ошибку: надо было собрать всѣхъ наслѣдниковъ и объявить имъ свое намѣреніе, а не тайно. Я написалъ объ этомъ*** онъ очень огорчился...»

5-го августа пишетъ обо мнѣ:

«Тяжело вѣчное прятаніе и страхъ за нее...»

10-го августа пишетъ:

«Хорошо себя чувствовать виноватымъ и я чувствую...» И еще: «Со всѣми тяжело, не могу не желать смерти...»

Очевидно, его мучило производимое на него давленіе. Одинъ изъ друзей, П. И. Б—въ былъ того мнѣнія, чтобы не дѣлать тайны изъ завѣщанія, о чемъ сказалъ Льву Николаевичу ²⁾. Сначала онъ согласился съ мнѣніемъ этого настоящаго друга, но онъ уѣхалъ, а Левъ Николаевичъ подчинился другому вліянію, хотя временами, видимо, тяготился имъ. Спасти отъ этого вліянія я была бессильна, и наступило для Льва Николаевича и для меня ужасное время тяжелой борьбы, отъ которой я заболѣла еще больше. Страданія моего измученнаго,

¹⁾ Н. К. Муравьевъ.

²⁾ П. И. Бирюковъ подробно въ четвертомъ томѣ біографіи передаетъ свою роль въ данномъ случаѣ.

горячаго сердца затуманили мой разумъ, а на сторонѣ друзей Льва Николаевича было многолѣтняя, обдуманная, тонкая работа надъ сознаниемъ слабѣвшаго памятью ¹⁾ и силами старика. Вокругъ дорогого мнѣ человѣка создана была атмосфера заговора тайно получаемыхъ и по прочтеніи обратно отправляемыхъ писемъ и статей, таинственныхъ посѣщеній и свиданій въ лѣсу для совершенія актовъ, противныхъ Льву Николаевичу по самому существу, по совершеніи которыхъ онъ уже не могъ спокойно смотрѣть въ глаза ни мнѣ, ни сыновьямъ, такъ какъ раньше никогда ничего отъ насъ не скрывалъ, и это въ нашей жизни была первая тайна, что было ему невыносимо. Когда я, чувствуя ее, спрашивала, не пишется ли завѣщаніе, и зачѣмъ это скрываютъ отъ меня, мнѣ отвѣчали отрицательно, или молчали. Я вѣрила этому. Значить, была другая тайна, о которой я не знала, и я переживала отчаяніе, чувствуя постоянно, что противъ меня старательно возстановляютъ моего мужа, и что насъ ждетъ ужасная, роковая развязка. Левъ Николаевичъ все чаще грозилъ уходомъ изъ дому, и эта угроза еще больше мучила меня, и усиливала мое нервное, болѣзненное состояніе.

Не стану подробно описывать ухода Льва Николаевича. Уже такъ много писали и будутъ писать объ этомъ, а настоящей причины никто не узнаетъ. Пусть доискиваются его біографы.

¹⁾ Здѣсь нѣтъ преувеличенія. За послѣдній годъ у Л. Н. было тяжелое обморочное состояніе, когда онъ терялъ память и не узнавалъ родныхъ.

Когда въ отданномъ мнѣ дочерью Сашей письмѣ Льва Николаевича я прочла, что онъ ушелъ со-всѣмъ и навсегда, я поняла и ясно сознала, что безъ него — особенно послѣ всего случившагося, мнѣ жизни не будетъ никакой, и я сразу рѣшила покончить со своими страданіями, бросившись въ прудъ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ утонула дѣвушка и ея маленькій братъ. Но меня спасли, и, когда обо всемъ этомъ рассказали Льву Николаевичу, онъ горько плакалъ, какъ писала объ этомъ его сестра, Марія Николаевна, но вернуться не рѣшился.

Послѣ ухода Льва Николаевича въ газетахъ появилась статья съ выраженіемъ радости одного изъ самыхъ «близкихъ» друзей, по случаю этого событія ¹⁾).

ХІІ.

Пріѣхали въ Ясную Поляну всѣ мои дѣти, выписали доктора по нервнымъ болѣзнямъ и приставили ко мнѣ фельдшерицу. Пять дней я не только ничего не ѣла, но не выпила ни капли воды.

Голода я не ощущала, но жажда была мучительная. На пятый день, вечеромъ, дочь Таня уговорила меня выпить чашку кофею, говоря, что если отецъ ея меня вызоветъ, я буду такъ слаба, что не въ состояніи буду выѣхать.

И вотъ на другое утро мы получили изъ редакціи «Русское Слово» телеграмму, что Левъ Николаевичъ заболѣлъ въ Астаповѣ, температура 40°. «Близкій» человѣкъ уже раньше получилъ теле-

¹⁾ Письмо Черткова въ «Русск. Вѣд.», 1910 г

грамму и уѣхалъ, строго скрывая отъ семьи мѣсто-пробываніе больного. Мы взяли въ Тулѣ экстренный поѣздъ и поѣхали въ Астапово. Сынъ Сережа, случайно находившійся на пути въ свое имѣніе, получилъ вдогонку телеграмму отъ своей жены, присланную дочерью Сашей, и находился уже при отцѣ.

Начались для меня новыя, жестокія страданія: вокругъ моего умирающаго мужа находилась толпа чужихъ и чуждыхъ людей, а меня, жену, прожившую съ нимъ 48 лѣтъ, не пускали къ нему. Двери запирались на ключъ, а когда я хотѣла взглянуть на мужа въ окно, то и его завѣсили. Двѣ фельдшерицы, приставленныя ко мнѣ, держали меня крѣпко за обѣ руки и не давали возможности даже двинуться. А между тѣмъ, Левъ Николаевичъ разъ позвонилъ къ себѣ дочь Таню и съ ней наединѣ сталъ все обо мнѣ спрашивать, предполагая, что я въ Ясной Полянѣ. При каждомъ вопросѣ онъ начиналъ плакать, и дочь сказала ему: «Не будемъ теперь говорить о мамѣ, тебя это слишкомъ волнуетъ». — Ахъ, оставь», — сказалъ онъ, — «мнѣ это важнѣе всего...» Еще онъ сказалъ ей уже внятно: — «На Сою много падаетъ, мы плохо распорядились».

Никто ни разу не сказалъ ему, что я пріѣхала, хотя я всѣхъ умоляла объ этомъ. Кто былъ такъ жестокъ, — сказать трудно. Всѣ боялись ускорить смерть, взволновавъ больного; это было и мнѣніе докторовъ. А кто знаетъ, можетъ быть наше свиданіе и мой привычный за нимъ уходъ и оживили бы его. Въ одномъ изъ его писемъ ко мнѣ, недавно

изданныхъ мною, Левъ Николаевичъ пишетъ, что ему страшно заболѣть безъ меня».

Пустили меня къ мужу доктора, когда онъ едва дышалъ, неподвижно лежа навзничъ, съ закрытыми уже глазами. Я тихонько на ухо говорила ему съ нѣжностью, надѣясь, что онъ еще слышитъ, что я все время была тамъ, въ Астаповѣ, что любила его до конца... Не помню, что я еще ему говорила, но два глубокихъ вдоха, какъ бы вызванные страшнымъ усиліемъ, отвѣтили мнѣ на мои слова, и затѣмъ все стихло...

Всѣ слѣдующіе дни и ночи до увоза тѣла я проводила при покойномъ, и точно во мнѣ застыла жизнь. Привезли тѣло покойнаго въ Ясную Поляну, наѣхало множество народа, но я никого не видѣла и даже не узнавала, и на другой день послѣ похоронъ я заболѣла тою же болѣзнию, хотя въ болѣе слабой формѣ, воспаленіемъ легкихъ, и пролежала 18 дней.

Большое утѣшеніе мнѣ было за то время присутствіе сестры моей Татьяны Андреевны Кузьминской и племянницы Льва Николаевича — Варвары Валерьяновны Нагорновой. Измученныя дѣти мои разъѣхались по своимъ семьямъ.

XIII.

И вотъ началась моя одинокая жизнь въ Ясной Полянѣ, и та энергія, которая тратилась раньше на жизнь, уходила и уходитъ теперь на то, чтобы достойно и покорно волѣ Божьей, нести свое скорбное существованіе. Стараюсь заниматься только тѣмъ,

что такъ или иначе касается памяти Льва Николаевича.

Живу въ Ясной Полянѣ, охраняя домъ съ той обстановкой, какая была при Львѣ Николаевичѣ, и его могилу. Оставила себѣ 200 десятинъ съ яблочнымъ садомъ и частью тѣхъ посадокъ, которыми мы съ такой любовью украшали свои владѣнія. Большую часть своей земли (475 десятинъ) съ тщательно сбереженными, прекрасными лѣсами, продала я дочери своей Александрѣ Львовнѣ ¹⁾ для передачи крестьянамъ.

Продала я и свой московскій домъ городу, и послѣднее мое изданіе сочиненій гр. Л. Н. Толстого, и всѣ его деньги отдала своимъ дѣтямъ. Но ихъ, и особенно внуковъ, такъ много! Включая невѣстокъ и меня, всей нашей семьи 38 человекъ, и помощь моя оказалась далеко не удовлетворительна.

Глубокую багодарность всегда приношу въ душѣ Государю Императору за дарованную мнѣ пенсію, съ помощью которой могу жить безбѣдно и содержать усадьбу Ясной Поляны.

Прошло теперь три года. Съ грустью смотрю на разгромъ Ясной Поляны, на то, какъ рубятъ посаженные нами деревья и постепенно нарушаютъ красоту нашей мѣстности, отдавъ все во власть лѣсныхъ торговцевъ и крестьянъ, среди которыхъ про-

¹⁾ Совѣтъ министровъ въ 1911 г. подъ вліяніемъ Саблера и Кассо отклонилъ приобрѣтеніе Ясной Поляны, въ виду невозможности для правительства прославлять своихъ враговъ и обогащать своихъ враговъ за счетъ государства. А. Л. Толстая выкупила Ясную Поляну за 400 т., на деньги, полученные отъ изданія Сытинымъ сочиненій Толстого.

исходятъ такъ часто тяжелыя распри, то за землю, то за лѣсъ. А что еще будетъ съ усадьбой и домомъ послѣ моей смерти ? !

Хожу почти ежедневно на могилу, благодарю Бога за то счастье, которое мнѣ было послано раньше, а на послѣднія наши съ мужемъ страданія смотрю, какъ на испытаніе и на искупленіе грѣховъ передъ смертию. Да будетъ воля Твоя!

18 октября 1913 года.

Ясная Поляна.

Графиня Софія Толстая.

А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ.

Наканунѣ знакомства съ Ф. М. Достоевскимъ.

Третьяго октября 1866 года, около семи часовъ вечера, я пришла въ 6-ю мужскую гимназію (у Чернышева Моста) на лекцію стенографіи, которую преподавалъ лекторъ профессоръ Павелъ Матвѣевичъ Ольхинъ. Лекція еще не начиналась: поджидали запоздавшихъ. Я сѣла на свое обычное мѣсто и только что принялась раскладывать свои тетради, какъ ко мнѣ подошелъ нашъ профессоръ - лекторъ, сѣлъ рядомъ на скамейкѣ и сказалъ: «Не хотите ли вы, Анна Григорьевна, получить стенографическую работу. Мнѣ поручили найти стенограффа, и я подумалъ, что, можетъ быть, вы согласитесь заняться этимъ дѣломъ». Я отвѣчала, что мечтаю о возможности работать, но сомнѣваюсь, достаточно ли я знаю стенографію, чтобы принять на себя отвѣтственную работу; на это Ольхинъ высказалъ мысль, что предлагаемая работа не потребуетъ большей скорости письма, какою я обладаю (200 словъ въ минуту), и онъ увѣренъ, что я успѣшно справлюсь съ порученнымъ мнѣ дѣломъ. Тогда я спросила, у кого же предполагается стенографическая работа? — «У писателя Достоевскаго. Онъ те-

перъ занять новымъ романомъ и намѣренъ писать его при помощи стенографа. Достоевскій думаетъ, что въ романѣ будетъ около 7 печатныхъ листовъ большого формата и предлагаетъ за весь трудъ 50 рублей». Когда я выразила свое согласіе, Ольхинъ передалъ мнѣ небольшую, вчетверо сложенную записку, на которой было написано: «Столярный переулочъ, уг. Малой Мѣщанской, д. Алонкина, кв. № 13, спросить Достоевскаго». Отдавая записку, Ольхинъ сказалъ: «Я васъ прошу притти къ Д. завтра, въ половинѣ двѣнадцатаго, ни раньше ни позже», какъ онъ мнѣ самъ сегодня назначилъ. Боюсь только, что вы съ нимъ не сойдетесь: это такой мрачный, угрюмый человекъ». Я невольно усмѣхнулась и отвѣтила Ольхину: «Да зачѣмъ же мнѣ съ нимъ сходитья; я постараюсь самымъ тщательнымъ образомъ исполнить его работу. Писателя же Достоевскаго я до того уважаю, что даже боюсь, и это меня нѣсколько смущаетъ».

Ольхинъ посмотрѣлъ на часы и поспѣшилъ на кафедру. Должна признаться, что лекція Ольхина на этотъ разъ совершенно для меня пропала. Мысли мои были заняты только - что происшедшимъ разговоромъ, и я была полна радостныхъ чувствъ. Моя завѣтная мечта осуществлялась: я получила работу. Если ужъ Ольхинъ, такой требовательный и строгій, нашель, что я достаточно знаю стенографію и достаточно скоро пишу — значитъ, это правда, иначе онъ не предоставилъ бы мнѣ работу. Признаніе Ольхинымъ сдѣланныхъ мною успѣховъ въ стенографіи чрезвычайно меня обрадовало и возвысило меня въ моихъ собственныхъ глазахъ. По-

лагаю, что и для всѣхъ первая самостоятельная работа въ какой-либо отрасли имѣетъ большое, можетъ быть, даже преувеличенное значеніе. Такое значеніе имѣла и для меня эта первая моя работа. Я чувствовала, что я какъ бы вышла на новую дорогу, могу зарабатывать своимъ трудомъ деньги, становлюсь вполнѣ независимой, а идея независимости для меня, какъ для дѣвушки шестидесятыхъ годовъ, была самою дорогою идеей. Но еще пріятнѣе и важнѣе самой работы представлялась мнѣ возможность работать у Д., познакомиться лично съ этимъ писателемъ. Вѣдь это былъ любимый писатель моего покойнаго отца, имя Д. было знакомо мнѣ съ дѣтства. Я сама восхищалась его произведеніями и плакала надъ «Записками изъ Мертваго Дома». И вдругъ такое счастье, такая удача выпала на мою долю — не только познакомиться съ знаменитымъ писателемъ - романистомъ, но и помогать ему въ его трудѣ. Волненіе мое было чрезвычайно, мнѣ хотѣлось съ кѣмъ-нибудь подѣлиться своею радостью, я не удержалась и рассказала о ней моей только-что пришедшей товаркѣ — Александрѣ Ивановнѣ И. Это была барышня значительно старше меня, очень не глупая, чрезвычайно смѣлая и злая на языкъ и очень способная, но почему-то часто пропускавшая наши лекціи. Узнавъ о предложенной мнѣ работѣ, она была нѣсколько шокирована тѣмъ, что Ольхинъ поручилъ ее мнѣ, а не ей, такъ какъ себя считала лучшей ученицей. Она поздравила меня съ началомъ моей стенографической дѣятельности и принялась спрашивать, но я отклонила вопросы: я знала, что Ольхинъ не лю-

бить, когда въ его классѣ разговариваютъ. За то, по окончаніи лекціи А. И. удовлетворила свое любопытство . . . Я довезла Александру Ивановну до ее квартиры, а затѣмъ сѣла въ дилижансъ и чрезъ полчаса была дома. Я рассказала все подробно моей мамѣ, и она была тоже чрезвычайно довольна: мы долго съ нею разговаривали о моей удачѣ. Отъ радости и волненія я почти всю ночь не спала и все представляла себѣ Д. Считая его сверстникомъ (современникомъ) моего отца, я полагала, что онъ очень пожилой человѣкъ. Онъ представлялся мнѣ то толстымъ и лысымъ старикомъ, то высокимъ и страшно худымъ, но непремѣнно суровымъ и хмурымъ, какъ сказалъ о немъ Ольхинъ. Всего болѣе я волновалась о томъ, какъ я буду съ нимъ говорить. Онъ мнѣ представлялся такимъ ученымъ, такимъ умнымъ, что я трепетала заранѣе за всякое сказанное мною слово. Меня также смущала мысль о томъ, что я не твердо помнила имена и отчества героевъ его романовъ, а я была увѣрена, что онъ о нихъ будетъ говорить непремѣнно. Вообще, никогда не встрѣчаясь въ своемъ кругу съ литераторами, я представляла ихъ какими - то особенными существами, съ которыми и говорить - то приходится особеннымъ образомъ. Вспоминая тѣ времена, вижу, какимъ малымъ ребенкомъ была я тогда, несмотря на мои «почтенныя» 20 лѣтъ.

Мой первый приходъ. Мое первое посѣщеніе. Мое знакомство съ Ф - мъ М - чемъ.

4-го октября, въ знаменательный день моей первой встрѣчи съ будущимъ моимъ мужемъ, я про-

снулась бодрая, въ радостномъ волненіи отъ мысли, что сегодня осуществится давно лелѣянная мною мечта: изъ школьницы и курсистки стать самостоятельнымъ дѣятелемъ на выбранномъ мною поприщѣ.

Я вышла пораньше изъ дому, чтобы зайти предварительно въ Гостиный Дворъ и тамъ заpastись добавочнымъ количествомъ карандашей, а также купить себѣ маленькій дѣловой портфель, который, по моему мнѣнію, могъ придать большую дѣловитость моей юношеской фигурѣ. Закончила я свои закупки къ 11 часамъ и, чтобы не притти къ Д. «ни раньше, ни позже»¹⁾ назначеннаго времени, я замедленными шагами пошла по Большой Мѣщанской и Столярному переулку, безпрестанно поглядывая на свои часики. Въ 25 минутъ двѣнадцатого я подошла къ дому Алонкина и у стоявшаго въ воротахъ дворника спросила, гдѣ квартира № 13. Онъ показалъ мнѣ направо, гдѣ, подъ воротами, былъ входъ на лѣстницу. Домъ былъ большой, со множествомъ мелкихъ квартиръ, населенныхъ купцами и ремесленниками. Онъ мнѣ сразу напомнилъ тотъ домъ въ романѣ «Преступленіе и Наказаніе», въ которомъ жилъ герой романа Раскольниковъ. Квартира № 13 находилась во второмъ этажѣ, по невзрачной лѣстницѣ, съ которой въ эту минуту, навстрѣчу мнѣ, спускались 2—3 человѣка довольно подозрительной наружности. Я позвонила, и мнѣ мигомъ отворила дверь какая-то женщина сред-

¹⁾ Это выраженіе было обычнымъ для Феодора Михайловича, который, не желая терять времени въ ожиданіи кого-либо, любилъ назначать точный часъ свиданія и всегда прибавлялъ: «ни раньше, ни позже».

нихъ лѣтъ, въ накинутомъ на плечи зеленомъ въ клѣтку драдедамовомъ платкѣ. Я такъ недавно читала «Преступленіе» и помнила «семейный» клѣтчатый платокъ Мармеладовыхъ, такъ что такой же платокъ служанки Д. невольно бросился мнѣ въ глаза. На вопросъ: кого мнѣ угодно видѣть, я отвѣтила, что прихожу отъ Ольхина и что ея баринъ предупрежденъ о моемъ посѣщеніи.

Не успѣла я снять свой башлыкъ, какъ дверь въ прихожую распахнулась и на фонѣ ярко освѣщенной комнаты показался молодой человѣкъ, сильный брюнетъ, съ взлохмаченными волосами, съ раскрытой грудью и въ туфляхъ. Увидавъ незнакомое лицо, онъ вскрикнулъ и мигомъ исчезъ въ боковую дверь. Служанка пригласила меня въ комнату, которая оказалась столовою. Обставлена она была довольно скромно, по стѣнамъ стояли два большихъ сундука, покрытые небольшими коврами. У окна находился комодъ, украшенный бѣлой вязаной салфеткой. Вдоль стѣны стоялъ диванъ, а надъ нимъ стѣнные часы. Я почувствовала большое удовлетвореніе, когда увидѣла, что на нихъ въ ту минуту было ровно $\frac{1}{2}$ двѣнадцатаго. Служанка просила меня сѣсть, сказавъ, что баринъ сейчасъ придетъ. Дѣйствительно, минуты черезъ двѣ появился Д., онъ пригласилъ меня пройти въ кабинетъ направо, а самъ ушелъ, какъ оказалось потомъ, чтобы приказать подать намъ чаю.

Кабинетъ Ф. М. Достоевскаго представлялъ собою большую комнату въ два окна, въ тотъ день очень свѣтлую, но въ другое время, производившую тяжелое впечатлѣніе: въ ней было сумрачно и безмолв-

но; чувствовалась какая-то подавленность отъ этой странной тишины. Въ глубинѣ комнаты стоялъ мягкій диванъ, покрытый коричневой матеріей, довольно подержанной, предъ нимъ круглый столъ съ красной салфеткой; на столѣ лампа и 2—3 альбома, кругомъ мягкіе стулья и кресла. Надъ диваномъ въ орѣховой рамѣ висѣлъ портретъ чрезвычайно художавой дамы, въ черномъ платьѣ и такомъ же чепчикѣ. Это, вѣрно, жена Д., подумала я, совершенно не зная его семейнаго положенія (обстановки). Между окнами — большое зеркало въ черной орѣховой рамѣ. Такъ какъ простѣнокъ былъ значительно шире зеркала, то для удобства оно было придвинуто ближе къ правому окну, что было некрасиво и не симметрично. На окнахъ стояли 2 большія китайскія вазы прекрасной формы. Вдоль стѣны — большой диванъ зеленаго сафьяна и около него столикъ съ графиномъ воды. У задней стѣны поперекъ комнаты былъ выдвинутъ письменный столъ, за которымъ я потомъ всегда сидѣла, когда Ф. М. мнѣ диктовалъ. Обстановка была самая заурядная, какую я видала въ семьяхъ небогатыхъ людей. Я сидѣла и прислушивалась и мнѣ все казалось, что вотъ сейчасъ я услышу крикъ дѣтей или шумъ дѣтскаго барабана или отворится дверь и войдетъ въ кабинетъ та необыкновенно сухощавая дама, портретъ которой я только что разсматривала.

Но вотъ вошелъ Ф. М. Чтобы начать разговоръ, онъ спросилъ меня, давно ли я занимаюсь стенографіей. Я отвѣтила, что учусь всего полгода¹⁾. «А

¹⁾ Дѣйствительно, курсы открылись 4 апрѣля и вотъ 4 октября я уже приступила къ самостоятельной работѣ.

много ли учениковъ у вашего преподавателя Ольхина?» «Сначала записалось болѣе 150 желающихъ, а теперь осталось около двадцати пяти». «Почему тамъ мало?» «Да многіе думали, что стенографіи научиться очень легко, а когда увидали, что въ нѣсколько недѣль ничего не сдѣлаешь, то и оставили занятія». «Это у насъ бываетъ въ каждомъ новомъ дѣлѣ: многіе съ жаромъ примутся, но скоро охладѣютъ и бросаютъ дѣло. Видятъ, что надо трудиться, а трудиться теперь кому же хочется. Охота?»

Страннымъ показался мнѣ Достоевскій.

Довольно старый съ перваго взгляда, но сейчасъ же кажется, что ему не болѣе 37 лѣтъ. Онъ средняго роста, держится очень прямо. Лицо какое-то измученное, болѣзненное. Свѣтло-каштановые, слегка даже рыжеватые волосы, сильно напозаженные и какъ-то странно приглаженные. Два совершенно разные глаза¹⁾; одинъ обыкновенный карій, въ другомъ — зрачекъ расширенъ во весь глазъ и радужины не замѣтно. Эта двойственность глазъ придавала его лицу какое-то загадочное выраженіе. Лицо Д. показалось мнѣ чрезвычайно знакомымъ, вѣроятно, потому, что я раньше видала его портреты. Одѣтъ Ф. М. былъ въ суконный жакетъ синяго цвѣта, довольно уже старый, но въ сорочкѣ бѣлоснѣжной бѣлизны. Сказать правду. Д. мнѣ очень не понравился съ перваго взгляда.

¹⁾ Во время приступа эпилепсiи Ф. М., падая, наткнулся на какой-то острый предметъ и сильно поранилъ свой правый глазъ. Онъ сталъ лѣчиться у профессора Юнге и тотъ предписалъ вливать капли атропина, благодаря чему зрачокъ былъ сильно расширенъ.

Черезъ пять минутъ послѣ моего прихода вошла служанка и принесла 2 стакана очень крѣпкаго, почти чернаго чаю. На подносѣ лежали двѣ булки. Я взяла стаканъ и хоть мнѣ не хотѣлось чаю, было даже жарко, но чтобы не показаться церемонной, я принялась пить. Сидѣла я у стѣны предъ небольшимъ столикомъ рядомъ съ письменнымъ столомъ, а Ф. М. то сидѣлъ за своимъ столомъ, то расхаживалъ по комнатѣ, при чемъ курилъ, часто гася папиросу и принимаясь за новую. Предложилъ онъ и мнѣ папиросу. Я отказалась. — «Можетъ быть, вы изъ вѣжливости отказываетесь», — сказалъ онъ. — Я отвѣтила, что я не только не курю, но даже не люблю видѣть, когда дамы курятъ. Начался между нами отрывочный разговоръ, при чемъ Ф. М. то и дѣло переходилъ на новую тему. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ страннѣе казался мнѣ Ф. М.: разбитымъ, изнеможеннымъ, больнымъ. Показалось страннымъ и то, что онъ чуть ли не съ первыхъ фразъ заявилъ, что онъ боленъ, что у него эпилепсія. Говорилъ Ф. М. о предстоящей работѣ какъ - то неопредѣленно: «Мы посмотримъ какъ это сдѣлать, мы попробуемъ, мы увидимъ, возможно ли это». Мнѣ показалось, что наврядъ ли наша совмѣстная работа состоится. Мнѣ пришло даже въ голову, что Ф. М. сомнѣвается въ возможности и удобствѣ для него этого способа работы и, можетъ быть, готовъ отказаться. Чтобы ему помочь, я сказала: «Хорошо, попробуемъ, но если вамъ при моей помощи работать будетъ неудобно, то прямо скажите мнѣ это. Будьте увѣрены, что не буду въ претензіи, если работа не состоится». Ф. М. спросилъ, какъ меня зо-

вуть, я сказала, но онъ тотчасъ забылъ и спросилъ меня снова. Время шло въ разговорахъ. Наконецъ, Ф. М. захотѣлъ продиктовать мнѣ изъ «Русскаго Вѣстника» и просилъ перевести стенограмму на обыкновенное письмо. Началъ онъ диктовать чрезвычайно быстро, но я его остановила и просила диктовать не скорѣе обыкновенной разговорной рѣчи. Затѣмъ я стала переводить стенографическую запись на обыкновенную и довольно скоро переписала, но Ф. М. все торопилъ меня и ужасался тому, что будто бы я слишкомъ медленно переписываю. Я замѣтила на это, что вѣдь переписывать продиктованное я буду не у него, а дома, а слѣдовательно, для него должно быть безразлично, сколько времени займетъ у меня эта работа. Просматривая переписанное, Ф. М. нашель, что я пропустила точку и не поставила твердаго знака и рѣзко мнѣ объ этомъ замѣтилъ. Вообще, онъ былъ какой-то странный: не то грубоватый, не то, видимо, ужъ слишкомъ откровенный и рѣзкій. Повидимому, онъ былъ слишкомъ раздражителенъ и не могъ собраться съ мыслями. Нѣсколько разъ онъ то спрашивалъ меня, то принимался ходить по комнатѣ, ходилъ долго, какъ бы забывъ о моемъ присутствіи, и я сидѣла не шевелясь, боясь нарушить его раздумье. Наконецъ, Ф. М. сказалъ, что диктовать онъ сейчасъ рѣшительно не въ состояніи, а что не могу ли я притти къ нему сегодня же, часовъ въ восемь, и что тогда онъ начнетъ свой романъ. Хоть для меня было очень неудобно приходиться во второй разъ, но, не желая откладывать работы, я обѣщала притти. Когда я уходила, Ф. М. сказалъ: «Знаете, я даже

былъ радъ, когда Ольхинъ предложилъ мнѣ рекомендовать дѣвицу - стенографѣ, а не мужчину. Вы, вѣроятно, удивитесь этому, можетъ быть это показалось вамъ страннымъ, вы спросите: — почему?» «Почему же?» — спросила я. — «Да потому, что мужчина - стенографъ ужъ, навѣрно, запишетъ бы, а вы, я надѣюсь, не запѣете?» Мысль, что я могу «записать», показалась мнѣ до того смѣшной, что я невольно разсмѣялась и отвѣтила: «Нѣтъ, ужъ я, навѣрно, не запью, вы можете быть въ томъ увѣрены».

Уходя отъ Ф. М., я находилась въ очень печальномъ настроеніи: самъ Д. мнѣ не понравился и оставилъ тяжелое впечатлѣніе: къ тому же мнѣ казалось, что я не сойду съ нимъ въ работѣ и что мои мечты о независимости разсыплются прахомъ. Мнѣ это было тѣмъ больнѣе, что вчера мы съ моей доброй мамой такъ радовались началу моей новой дѣятельности. Было около двухъ часовъ, когда я ушла отъ Д. Выхать домой ¹⁾ было слишкомъ далеко, и я рѣшила пойти къ моимъ родственникамъ Сниткинымъ, жившимъ въ Фонарномъ переулкѣ, тамъ обѣдать и вечеромъ пойти къ Д. Къ тому же мнѣ, по молодости моихъ лѣтъ, хотѣлось похвалиться предъ моими родственницами тѣмъ, что я уже сама начинаю «зарабатывать хлѣбъ». Они не разъ мнѣ намекали, что мнѣ «легко жить за маминной спиной», что мнѣ пора самой работать; когда же я принялась изучать стенографію, то посмѣивались надъ моимъ «искусствомъ» и увѣряли, что я только даромъ трачу свое время. Родственники мои очень заинтересо-

¹⁾ Я жила на Пескахъ, около 1-го Военнаго Госпиталя.

вались моимъ новымъ знакомствомъ и стали разспрашивать о Д. Время быстро прошло, и къ 8-ми часамъ я уже подходила къ дому Алонкина. Мнѣ было довольно непріятно входить въ этотъ домъ: столько тамъ было на улицѣ и въ воротахъ разнаго народу и все такого непригляднаго. Мнѣ отворила Федосья (она была давеча очень довольна, когда на прощаньи я дала ей 20 коп.) и пошла сказать Ф. М. о моемъ приходѣ. Я подождала нѣсколько минутъ въ столовой, вошла въ кабинетъ и, съ Ф. М. поздоровавшись, сѣла на мое давешнее мѣсто около маленькаго стола у стѣны. Ф. М. предложилъ мнѣ перемѣститься за его письменный столъ, увѣряя, что мнѣ будетъ тутъ удобнѣе писать. Скажу, что я почувствовала себя чрезвычайно польщенной его предложеніемъ писать на томъ столѣ, на которомъ было написано такое талантливое произведеніе, какъ недавній его романъ «Преступленіе». Я пересѣла, а Ф. М. помѣстился на моемъ мѣстѣ, и мы стали разговаривать. Ф. М. опять освѣдомился, какъ мое имя, отчество и фамилія и спросилъ, не прихожусь ли я родственницей молодому талантливому писателю Сниткину, который недавно скончался. Я отвѣчала, что это однофамилецъ. Ф. М. сталъ разспрашивать, изъ кого состоитъ моя семья, гдѣ я училась, что заставило меня заняться стенографіей и пр. и пр., почему мои занятія были такъ успѣшны. Въ отвѣтъ на его вопросы мнѣ пришлось рассказать многія подробности, о которыхъ придется писать въ дальнѣйшемъ моемъ повѣствованіи.

Я рассказала Ф. М., что отецъ мой былъ чиновникъ и скончался весною этого года. Мать моя жи-

ва; сестра замужемъ за цензоромъ П. Гр. Сватковскимъ, а братъ мой учится въ Петровской Земледѣльческой Академіи. Образование получила я въ Маріинской женской гимназіи и окончила курсъ съ большой серебряной медалью. Затѣмъ поступила на Педагогическіе курсы, только что учрежденные въ 1865 году принцемъ Петромъ Георгіевичемъ Ольденбургскимъ. Тутъ мнѣ не посчастливилось: я поступила на курсъ естественныхъ наукъ, но душу мою влекла литература и въ тѣ часы, когда я должна была по приказанію профессора производить химическіе опыты по кристаллизаціи разныхъ солей, я до того увлеклась чтеніемъ любимыхъ авторовъ (а главное, чтеніемъ романовъ Д., чего я, впрочемъ, ему тогда не сказала), что всѣ мои колбы и реторты, оставленные безъ вниманія, надзора, успѣвали лопаться въ печи, и я становилась предметомъ насмѣшекъ моихъ милыхъ подругъ. Когда же мнѣ пришлось на лекціи профессора Брандта увидѣть, какъ препарируютъ мертвую кошку, то со мной отъ обращенія сдѣлалось дурно, и тогда я рѣшила, что ученая карьера для меня не подходитъ, и оставила педагогическіе классы.

Разговоръ перешелъ на стенографію.

На вопросъ Ф. М., что заставило меня заняться стенографіей, — я отвѣтила, что моя семья располагаетъ хорошими средствами и для меня нѣтъ необходимости зарабатывать средства для жизни. Но мнѣ, какъ и всему моему поколѣнію, дорога полная независимость, а ее можно достигнуть лишь тогда, когда знаешь какое-либо занятіе, дающее возможность надѣяться на свои силы. Говоря о томъ, что

Ольхинъ могъ изъ всѣхъ своихъ учениковъ рекомендовать только меня, Ф. М. сказалъ, что, вѣроятно, у меня блестящія способности, если я одна изъ всѣхъ оказалась вполне подготовленной къ работѣ. Я отвѣтила, что тутъ не приходится говорить о блестящихъ способностяхъ, а что моя успѣшная подготовка произошла по особому случаю. Ф. М. заинтересовался и мнѣ пришлось ему рассказывать, какъ это произошло. Дѣло въ томъ, что въ началѣ апрѣля 1866 года открылись курсы стенографіи. Я тотчасъ на нихъ записалась, но послѣ первыхъ пяти лекцій пришла въ полное отчаяніе: стенографія оказалась для меня настоящей тарбарской грамотой, которую я не могла осилить, до того все было для меня туманно и непонятно. Я, было, хотѣла оставить курсы, но мой отецъ, доживавшій свои послѣдніе дни, уговорилъ меня оставить мое намѣреніе. Онъ вѣрилъ, что если я буду усердно работать, то, навѣрно, одолѣю эту науку; его слова впоследствии оправдались.

28 апрѣля 1866 г. мой отецъ скончался, и я была чрезвычайно поражена его кончиною. Это было первое серьезное горе въ моей жизни! Я страшно тосковала, плакала и не находила себѣ мѣста. Моя мама, чтобы отвлечь мои мысли отъ постигшаго меня несчастья, настоятельно совѣтовала заняться какимъ - нибудь дѣломъ, всего лучше стенографіей, которая уже начала интересовать меня. Мнѣ чрезвычайно хотѣлось оправдать надежды моего отца на мои способности, и я рѣшила, что буду работать и добьюсь цѣли: сдѣлаюсь хорошимъ стенографомъ. Но какъ одной работать? Тутъ на помощь при-

шелъ добрый Павелъ Матвѣевичъ Ольхинъ. Узнавъ о моемъ желаніи усиленно заняться стенографіей, Ольхинъ предложилъ мнѣ для практики, списывать страницы какой-то книги и отсылать списанное ему по почтѣ въ Лѣсное; онъ поправлялъ, возвращалъ мнѣ, а я заучивала замѣченные ошибки и, конечно, избѣгала ихъ при дальнѣйшей работѣ. Эта стенографическая переписка съ Ольхинымъ дала мнѣ возможность сдѣлать успѣхи въ изученіи стенографіи, а диктовка по два часа въ день помогла мнѣ достигнуть скорости 200 словъ въ минуту. Когда мы въ началѣ сентября собрались вновь на лекціи П. М. Ольхина, то и выяснилось, что огромное большинство, болѣе $\frac{3}{4}$ учащихъ, совсѣмъ забросили стенографію; остальные же почти не занимались лѣтомъ и, такимъ образомъ, только я одна и оказалась вполне подготовленной для самостоятельной стенографической работы.

На всѣ вопросы Ф. М. я отвѣчала просто и серьезно. Вообще, я держала себя серьезно, почти сурово, какъ говорилъ мнѣ потомъ Ф. М.

Я заранѣе рѣшила, въ случаѣ, если придется стенографировать у частныхъ лицъ, поставить свои отношенія къ нимъ на серьезный ладъ, избѣгая всякой фамиллярности, чтобы никто не могъ мнѣ сказать ни одного лишняго слова, ни одной шутки. Мнѣ казалось, что такой образъ дѣйствій съ моей стороны будетъ самый лучший: вѣдь я буду приходить работать, а не для знакомства; къ чему же пустые разговоры; гораздо приличнѣе будетъ держать себя строго. Ф. М. рассказывалъ мнѣ потомъ, что былъ пріятно пораженъ, какъ я, такая молодая, умѣю

себя держать. Разговаривая со мною, ни въ комъ не могло пробудиться желанія сказать какое-либо лишнее слово, такъ дѣйствовалъ на всѣхъ мой сдержанный тонъ: я, кажется, даже ни разу не засмѣялась, говоря съ Ф. М. Онъ говорилъ мнѣ потомъ, что мое умѣнье сразу поставить людей въ почтительныя, холодныя отношенія, очень ему понравилось. Онъ же привыкъ въ обществѣ встрѣчать много нигилистокъ и видѣть ихъ обращеніе и онъ полагалъ, что рекомендованная ему барышня - стенографъ будетъ такая же, а потому ему было пріятно встрѣтить во мнѣ полную противоположность господствовавшему тогда типу молодыхъ дѣвушекъ.

Во время нашего разговора Федосья приготовила въ столовой чай и принесла намъ два стакана и двѣ булки. Принесла и лимонъ. Тутъ Ф. М. опять спросилъ, не хочу ли я курить, подошелъ къ окну и изъ бумажнаго мѣшечка вынулъ двѣ груши, изъ которыхъ одну подаль мнѣ прямо изъ руки. Мнѣ, привыкшей дома къ свѣтскимъ обычаямъ, показалась нѣсколько странной подобная безцеремонность въ отношеніи меня, которую онъ такъ мало зналъ. Но Ф. М. предложилъ грушу такъ добродушно, что эта безцеремонность мнѣ понравилась, я взяла грушу и тутъ же съѣла ее моими молодыми зубами, не нуждаясь ни въ какихъ приспособленіяхъ для ея очистки.

Мы продолжали бесѣдовать и, благодаря его искреннему и добродушному тону, мнѣ вдругъ показалось, что я его давно уже знаю, и мнѣ стало такъ легко и пріятно.

Почему - то нашъ разговоръ коснулся петрашевцевъ и смертной казни, и Ф. М. сказалъ, что когда онъ стоялъ на Семеновскомъ плацу среди петрашевцевъ, то, судя по приготовленіямъ, зналъ, что ему остается жить всего 5 минутъ. Но ему казалось, что осталось не 5 минутъ, а 5 лѣтъ, 5 вѣковъ, такъ ему, казалось, предстояло еще долго жить. На всѣхъ одѣли смертныя рубашки. Петрашевцы были раздѣлены по трое: Достоевскій былъ во второмъ ряду. Первыхъ трехъ уже подвели къ столбамъ и привязали. Черезъ минуту они были бы разстрѣляны, а затѣмъ наступила бы и его очередь. Какъ онъ желалъ жить, Господи, Боже мой! Какъ ему казалась дорога жизнь, сколько добра, сколько хорошаго можно было бы сдѣлать. Тутъ ему припомнилась вся его прежняя жизнь, ее не совсѣмъ хорошее употребленіе и такъ захотѣлось все вновь испытать и такъ захотѣлось жить долго, долго. Но вдругъ послышался отбой — тутъ Достоевскій ободрился. Первыхъ троихъ отвязали и привели обратно и прочитали новый приговоръ: Достоевскаго на 4 года въ каторжную работу въ крѣпость Омскъ. Какъ онъ былъ ужасно счастливъ въ этотъ день, онъ не запомнить другого такого дня. Онъ ходилъ по своему каземату (въ Алексѣевскомъ равелинѣ) и все пѣлъ, громко пѣлъ, такъ онъ былъ радъ дарованной ему жизни. Потомъ допустили брата проститься предъ разлукой, а наканунѣ Рождества Христова Д. отправили въ дальній путь. Д. рассказалъ мнѣ, что у него сохраняется письмо, написанное имъ къ брату «Мишѣ» въ день прочтенія приговора; что онъ недавно получилъ его отъ племянника. Д. мнѣ

очень много рассказывалъ въ этотъ вечеръ, и меня чрезвычайно поразило то обстоятельство, что онъ такъ глубоко и вполне откровененъ со мной, такой молодой дѣвушкой, которую онъ увидѣлъ сегодня въ первый разъ въ жизни и которую совершенно не знаетъ. Казалось бы, это такой съ виду скрытный и суровый человѣкъ, а между тѣмъ онъ рассказываетъ мнѣ все съ такими подробностями и такъ искренно и откровенно, что приходилось удивляться. Только, познакомившись впоследствии съ его семейною обстановкою, я поняла причину его такой ко мнѣ довѣрчивости и откровенности: Д. былъ въ то время слишкомъ одинокъ душевно и слишкомъ чувствовалъ потребность подѣлиться своими мыслями и чувствами, можетъ быть, хоть и съ чужими ему, но не враждебными лицами, въ которыхъ ему чуялось доброе и внимательное къ нему отношеніе. Мнѣ же эта откровенность и довѣрчивость его ко мнѣ чрезвычайно понравилась и оставила чудесное впечатлѣніе.

Меня нѣсколько беспокоило и даже досадовало, что мы долго не начинаемъ диктовать. Становилось поздно, а мнѣ приходилось ѣхать домой. Мамы моей я не видала съ самого утра, общалась же ей вернуться домой прямо отъ Д. и теперь я боялась, что она будетъ обо мнѣ беспокоиться. Къ Сниткинымъ же мнѣ не хотѣлось итти ночевать. Мнѣ неудобно было напомнить Д., но, къ моему большому удовольствію, онъ самъ мнѣ предложилъ начать диктовать. Ф. М. принялся довольно быстрыми шагами ходить по комнатѣ, наискось, отъ печки къ двери, при чемъ дойдя до печки, непременно стучалъ объ нее

два раза. При этомъ онъ курилъ папиросы, часто мѣняя и бросая недокуренную въ пепельницу на письменномъ столѣ. Продиктовавъ мнѣ немного, Д. попросилъ меня прочесть ему написанное и съ первыхъ словъ меня остановилъ. «Изъ Рулетенбурга. Развѣ я сказалъ Рулетенбургъ? ¹⁾» — «Вы продиктовали это названіе». — «Не можетъ!» — «Но позвольте, въ вашемъ романѣ имѣется городъ съ такимъ названіемъ?» — «Да, дѣйствіе происходитъ въ игорномъ городѣ, который я назвалъ Рулетенбургомъ». — «Ну, если имѣется, то вы несомнѣнно его продиктовали, иначе откуда я могла бы его взять. Это совершенно для меня новое географич. названіе». — «Вы совершенно правы, — сознался Д., — я что - то напуталъ». Надо сказать я была нѣсколько сконфужена, предполагая, что я ослышалась и ошиблась, и я была рада, что недоразумѣніе разъяснилось. Очевидно, Ф. М. былъ слишкомъ поглощенъ своими мыслями и заботами, а, можетъ быть, за день слишкомъ усталъ.

Затѣмъ Д. сказалъ, что не въ состояніи больше диктовать сегодня и просилъ переписать продиктованное и завтра принести ему къ двѣнадцати часамъ. Я обѣщала непременно исполнить его просьбу. Пробыло одиннадцать и я сказала, что мнѣ пора уходить. Д. спросилъ, в какой мѣстности я живу. Услышавъ, что я живу на Пескахъ, Д. объявилъ, что ему никогда въ жизни не приходилось бывать въ этой части города и онъ не имѣетъ понятія, гдѣ «Пески» находятся. Если это далеко, то онъ мо-

¹⁾ Тутъ же была сдѣлана поправка: вмѣсто «изъ Рулетенбурга» возвратилась «изъ Парижа».

жетъ послать свою прислугу проводить меня. Такъ какъ провожать меня было далеко, а Ф. М. на этомъ настаивалъ, то мнѣ пришлось сказать, что я проведу ночь у моихъ родственниковъ, живущихъ неподалеку. Д. проводилъ меня до передней, вызвалъ свою прислугу и велѣлъ ей посвѣтить мнѣ на лѣстницѣ. Когда мы с нею спускались, я спросила Федосью, какъ зовутъ ее барина. Она сказала: «Федоръ Михайловичъ». Я знала по романамъ, что писателя Достоевскаго зовутъ Федоромъ, но не знала его отчества.

Въ Столярномъ переулкѣ было шумно: выходили пьяные изъ распивочныхъ и мнѣ стало даже страшно. Къ счастью, скоро попался извощикъ, который взялся довести меня до дому за 40 коп. Я очень его торопила ѣхать и такъ какъ онъ оказался добродушнымъ старичкомъ, то, чтобы скоротать длинную дорогу, я разговорилась съ нимъ о различныхъ предметахъ, а преимущественно о деревнѣ. Наконецъ, я добралась до дому и мнѣ пришлось долго ждать, пока дворникъ могъ къ намъ достучаться: полагая, что я останусь у Сниткиныхъ ночевать, мама велѣла прислугѣ запереть подъѣздъ и отпустила ее спать. Я рассказала мамѣ весь мой день и съ восторгомъ говорила о томъ, какъ Д. былъ со мною откровененъ и добръ, но, чтобъ не огорчать моей милой мамы, не сказала ей о томъ поразительно, никогда прежде мною не испытанномъ, тяжело впечатлѣнии, которое, въ концѣ концовъ, осталось у меня отъ всего этого такъ интересно проведеннаго дня. А впечатлѣніе было воистину угнетающее: въ первый разъ въ жизни я видѣла чело-

вѣка несчастнаго, всѣми заброшеннаго и обиженнаго, и чувство глубокаго состраданія и жалости зародились въ моемъ сердцѣ.

Я очень устала отъ впечатлѣній сегодняшняго дня и поскорѣе, легла въ постель, прося маму непременно разбудить меня пораньше, чтобъ я могла переписать все продиктованное и доставить его Д:

Второй мой приходъ къ Ф - ру М - чу.

Хоть продиктовано было сравнительно немного, но мнѣ хотѣлось поотчетливѣе переписать и это заняло лишнее время, такъ что я опоздала на цѣлые полчаса. Я нашла Ф. М. въ большомъ волненіи. «Я уже начиналъ думать, — сказалъ онъ. — что работа у меня показалась вамъ тяжелою, и вы не захотите притти, а между тѣмъ я и вашего адреса не записалъ и рисковалъ, что затеряется то, что вчера было продиктовано». Я извинилась за опозданіе и сказала, что, если - бь мнѣ пришлось отказаться отъ его работы, то я, конечно, увѣдомила бы его и непременно бы доставила продиктованный оригиналь. Ф. М. началъ рассказывать мнѣ, что для него крайне необходимо успѣть написать романъ къ 1-му ноября этого же 1866 года, а между тѣмъ, — говорилъ онъ, — «у меня еще не составилось плана, что такое писать. Я рѣшительно не знаю, что это будетъ за романъ. Знаю, что ему слѣдуетъ быть ни въ какомъ случаѣ не менѣе семи листовъ изданія Стелловскаго, а въ какомъ это будетъ родѣ — самъ не знаю». На мой вопросъ, въ какой журналъ предназначается новый романъ, Ф. М. рассказалъ мнѣ въ подробности свои дѣловыя отношенія къ изда-

телю Стелловскому. Исторія была поистинѣ возмутительная. Надо сказать, что у Ф. М. была масса долговъ, главнымъ образомъ, доставшихся ему по смерти брата, а также по прекращенію журнала «Эпоха». Долги были вексельные, и кредиторы страшно тѣснили Ф. М., грозили описать имущество, а самого посадить въ долговое отдѣленіе¹⁾. Такихъ неотложныхъ долговъ было тысячъ до трехъ, Ф. М. всюду искалъ денегъ и безъ всякаго результата. Когда всѣ попытки уговорить кредиторовъ (зачеркнуто: подождать) отложить взысканія оказались напрасными и Ф. М. былъ доведенъ почти до отчаянія, вдругъ къ нему явился издатель Ф. Т. Стелловскій съ предложеніемъ купить право на изданіе полного собранія сочиненій въ трехъ большихъ томахъ. За право изданія Стелловскій предлагалъ уплатить наличными три тысячи, но съ тѣмъ, чтобы Ф. М. написалъ новый романъ въ размѣрѣ семи печатныхъ листовъ большого формата, въ 2 столбца, что равнялось десяти листамъ обыкновеннаго размѣра. Положеніе Ф. М. было критическое, и онъ согласился на всѣ условія контракта, лишь бы избавиться отъ угрожавшаго ему пребыванія (сидѣнья) въ долговомъ. Условіе было совершено въ апрѣлѣ 1866 года, и Стелловскій внесъ у нотариуса три тысячи рублей наличными; эти деньги на завтра были уплачены кредиторамъ Такимъ образомъ, изъ полученныхъ за право изданія трехъ тысячъ Ф. М. не

¹⁾ Въ тѣ времена лицо, не имѣющее возможности заплатить свой долгъ, могло быть посажено въ долговое отдѣленіе, т. е. лишено свободы.

досталось ничего на руки; но обиднѣе всего было то, что чрезъ короткое время выяснилось, что эти 3000 рублей перешли опять въ карманъ Стелловскаго. Оказалось, что Стелловскій скупилъ за безцѣнокъ векселя Ф. М. и чрезъ подставныхъ лицъ взыскивалъ съ него деньги и, такимъ образомъ, принудилъ его согласиться на самыя невыгодныя условія. Не говоря уже о томъ, что цѣна — три тысячи рублей за право изданія была слишкомъ незначительна, ввиду того успѣха, который имѣли произведенія Ф. М., особенно послѣ появленія «Прест. и Наказаніе». Но самое тяжелое изъ условій было обязательство доставить новый романъ къ 1-му ноября 1866 г. Въ случаѣ недоставленія къ сроку Ф. М. платилъ громадную неустойку, а если не доставилъ бы къ 1-му декабря того же года, то терялъ бы право на свои сочиненія, которыя перешли бы на вѣчныя времена къ г. Стелловскому. Этотъ Стелловскій былъ необыкновенно хитрый и ловкій эксплуататоръ нашихъ литераторовъ и музыкантовъ (Писемскаго, Крестовскаго, Глинки). Онъ умѣлъ подстергать людей въ ихъ тяжелыя минуты и ловилъ въ свои сѣти. Полагаю, что, заказывая новый романъ къ опредѣленному сроку и ставя за неисполненіе условія громадную неустойку, Стелловскій почти навѣрно рассчитывалъ получить права навсегда въ свою пользу. Въ самомъ дѣлѣ, Ф. М. былъ въ то время поглощенъ работою надъ романомъ «Преступленіе и Наказаніе» и, ввиду большого интереса, возбужденнаго романомъ, хотѣлъ его закончить художественно. А тутъ еще приходилось написать 10 печатныхъ листовъ новаго романа.

Зная болезненное состояніе, въ которомъ почти всегда находился Ф. М., Стелловскій могъ разсчитывать на то, что у Ф. М. не хватитъ ни времени ни силъ на исполненіе сразу этихъ двухъ литературныхъ работъ, и тогда, согласно контракту, права на сочиненія будутъ принадлежать ему навсегда. И это навѣрно бы случилось, если бы Богъ не далъ Ф. М. силъ докончить новый романъ къ сроку. Вотъ то положеніе, въ которомъ находился Ф. М. . . . Федоръ Михайловичъ разсказалъ мнѣ, что ввиду невозможности ему написать въ теченіе оставшагося октября мѣсяца, его друзья: Майковъ, Милюковъ и другіе предлагали Ф. М. составить планъ романа; каждый изъ нихъ взялъ бы на себя извѣстную часть романа и втроемъ, вчетверомъ они успѣли бы написать романъ къ сроку¹⁾. Но Ф. М., по своей добросовѣстности, рѣшилъ лучше уплатить неустойку или потерять право, чѣмъ подписать свое имя подъ произведеніемъ, не имъ самимъ написаннымъ.

Какъ ни мало я знала въ то время свѣтъ и людей, но исторія Ф. М. со Стелловскимъ меня чрезвычайно поразила и возмутила.

По обыкновенію былъ поданъ чай, а затѣмъ Ф. М. сталъ диктовать. Но Ф. М. было, очевидно, трудно втянуться въ работу: онъ часто останавливался, обдумывалъ, просилъ прочесть продиктованное и черезъ часъ объяснилъ, что онъ утомился и что намъ нужно отдохнуть. Начались разговоры, но Ф. М. былъ попрежнему встревоженъ и переходилъ отъ

¹⁾ Объ этомъ говоритъ А. П. Милюковъ въ своемъ сочиненіи.

одного предмета къ другому. Опять спрашивалъ, какъ меня зовуть, и черезъ минуту опять забывалъ; раза два предлагалъ мнѣ папирсы, хотя уже слышалъ отъ меня, что я не курю. Но вотъ разговоръ коснулся нашихъ литераторовъ, которыми я всегда интересовалась. Отвѣчая на мои вопросы, Ф. М. какъ бы отвлекся отъ своихъ неотвязныхъ думъ и заговорилъ спокойно и даже весело. Говорилъ о Тургеневѣ, какъ о большомъ талантѣ, сожалѣлъ только, что онъ подолгу живетъ за границей, а оттого забылъ Россію и русскую жизнь. Говорилъ о Некрасовѣ, какъ о другѣ своихъ молодыхъ лѣтъ, высоко ставилъ его поэтическій даръ. Про Майкова сказалъ, что считаетъ его за одного изъ умнѣйшихъ и прекраснѣйшихъ людей.

Стали диктовать и Ф. М. опять сталъ раздражителенъ и тревоженъ;

Привести подробные пункты этого ужасного контракта.

Онъ хранится между бумагами.

видимо, работа ему не давалась въ руки; объясняю это непривычкою его диктовать: вѣдь до сихъ поръ онъ всегда писалъ самъ, не прибѣгая къ чужой помощи. Около четырехъ часовъ я собралась уходить и обѣщала, что завтра къ 12 принесу то, что удалось сегодня записать. На прощанье Ф. М. меня очень удивилъ: онъ сказалъ: «Какой вы большой шиньонъ носите, развѣ вамъ не стыдно носить чужіе волосы?» Я отвѣтила, что шиньонъ я не ношу, и что это у меня свои густые хорошіе волосы. Мнѣ показалось страннымъ и бесцеремоннымъ такое за-

мѣчаніе. Въ этотъ день Ф. М. далъ мнѣ стопку тонкой почтовой бумаги съ едва замѣтными линейками, на которой обычно писалъ, и указалъ какія именно оставлять поля.

Такъ начались и продолжались наши диктовки: я приходила къ 12-ти и оставалась до четырехъ и въ эти четыре часа мы раза по три диктовали, по получасу и болѣе, а между диктовками разговаривали; я съ радостью стала замѣчать, что Ф. М. начинаетъ все болѣе и болѣе привыкать къ новому для него способу работы и съ каждымъ моимъ приходомъ становится спокойнѣе; особенно стало это замѣтно съ того времени, когда, сосчитавъ, сколько моихъ исписанныхъ страницъ составляютъ одну страницу этого изданія Стелловскаго, я могла точно опредѣлить, сколько мы успѣли продиктовать. Все прибавлявшееся количество страницъ чрезвычайно ободряло и радовало Ф. М. и онъ съ нетерпѣніемъ меня допрашивалъ: «А сколько страницъ мы вчера написали? А сколько у насъ всего - на - всего страницъ?» Много приходилось намъ разговаривать, и каждый день Ф. М. мнѣ раскрывалъ какую - нибудь печальную картину своей жизни. Глубокая жалость невольно закрадывалась в мое сердцѣ при его разказахъ о тяжелыхъ обстоятельствахъ, изъ которыхъ онъ, повидимому, никогда не выходилъ да и выйти не могъ.

Казалось мнѣ страннымъ и то, что я не видала никого изъ его домашнихъ. Я не знала, изъ кого состоитъ его семья и гдѣ она находится (зачеркнуто: самъ онъ объ ней не говорилъ, а спросить Федосью не удавалось. такъ какъ Ф. М. всегда самъ

проводилъ меня до передней). Впрочемъ, одного члена его семьи, какъ я думала, племянника, я встрѣтила, кажется въ четвертый мой приходъ: я только что вышла изъ воротъ дома, гдѣ жилъ Ф. М., какъ меня остановилъ какой-то молодой человѣкъ, въ которомъ я узнала растрепаннаго юношу, видѣннаго мною въ первое мое посѣщеніе. Вблизи онъ мнѣ показался еще некрасивѣе, чѣмъ издали: у него было смуглое, почти желтое лицо, черные глаза съ желтыми бѣлками, густые курчавые волосы и пожелтѣвшіе отъ табаку зубы. «Вы меня не узнали, — развязно спросилъ молодой человѣкъ. — Я видѣлъ васъ у папа. — (Такъ это сынъ его, подумала я). Мнѣ не хочется входить во время вашихъ занятій, но мнѣ любопытно бы знать, что это за штука — стенографія, тѣмъ болѣе, что я самъ на-дняхъ начну ее изучать. Позвольте». — И онъ безцеремонно взялъ изъ рукъ моихъ портфель, раскрылъ его и тутъ же на улицѣ сталъ разсматривать стенограмму. Я такъ растерялась отъ подобной безцеремонности, что позволила ему рыться въ моихъ бумагахъ. — «Курьезная штука», протянулъ онъ, отдавая мнѣ обратно портфель.

За три мои посѣщенія Ф. М. онъ мнѣ показался такимъ добрымъ и симпатичнымъ, что мнѣ представлялось страннымъ, какъ у такого милаго, добродушнаго человѣка, какъ Ф. М., можетъ быть сынъ, такой развязный и почти наглый, какъ этотъ юноша.

(Зачеркнуто красн. карандашемъ: Ф. М. продолжалъ меня удивлять своими неожиданными, не относящимися къ дѣлу замѣчаніями: то спросить, за-

чѣмъ я ношу такую старомодную шляпу, то скажетъ: «а вы опять въ томъ же шелковомъ платьѣ? Я думалъ, вы надѣнете что - нибудь попроще». То объявляетъ мнѣ, что имя мое Анна ему чрезвычайно не нравится, такъ какъ, по его наблюденіямъ, всѣ Анны — существа сдержанныя и сухія. Одинъ разъ онъ сдѣлалъ мнѣ выговоръ, зачѣмъ я забыла на листкѣ поставить нумерацію. Но все это онъ дѣлалъ такъ добродушно и мило, что мнѣ не приходило въ голову на него сердиться). Зато часто называлъ меня «голубчикомъ», «добррой Анной Григорьевной», «милочкой», и я относила эти слова къ его добротѣ и снисходительности ко мнѣ, какъ къ девочкѣ. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ мы болѣе сближались и мнѣ было такъ пріятно облегчить его трудъ, видѣть, какъ мои слова о томъ, что работа идетъ успѣшно и что романъ поспѣетъ къ сроку, сильно ободряли его и поднимали въ немъ духъ. Я была горда тѣмъ, что не только помогаю своимъ трудомъ любимому моему писателю, но и дѣйствую благотворно на его настроеніе. Право, это возвышало меня въ собственныхъ глазахъ моихъ.

Между диктовками у насъ теперь шли оживленные разговоры. Я перестала бояться «знаменитаго писателя» и говорила съ нимъ свободно и откровенно, какъ говорила бы съ старымъ другомъ или съ отцомъ. Я спрашивала о самыхъ разнообразныхъ событіяхъ, и онъ охотно удовлетворялъ мое любопытство. Рассказывалъ подробно о своемъ пребываніи въ Петропавловской крѣпости, о томъ, какъ онъ переговаривался черезъ стѣны съ другими заключенными; говорилъ о своей жизни въ каторгѣ,

о преступникахъ, одновременно съ нимъ тамъ жившихъ. Иногда жаловался на свое тяжелое положеніе, на обузу, на немъ лежащую, на долги. Говорилъ о заграничѣ, о своихъ путешествіяхъ, о встрѣчахъ. Рассказывалъ о московскихъ своихъ родныхъ, которыхъ очень любилъ. Сообщилъ мнѣ какъ - то, что онъ былъ женатъ, что жена его умерла 2 года тому назадъ и показалъ мнѣ ея портрет. Скажу правду, она мнѣ очень не понравилась: старая, страшная, почти мертвая. Впрочемъ, по его словамъ, портретъ былъ снятъ за годъ до ея смерти.

Но какъ - то выходило, что всѣ рассказы Ф. М. имѣли печальное содержаніе. Мнѣ было грустно, что въ жизни его было такъ много горькаго и тяжелаго. Разъ я не вытерпѣла и сказала:

— Зачѣмъ вы вспоминаете о несчастіяхъ? Расскажите мнѣ лучше о своемъ счастье, какъ вы были счастливы?

— О своемъ счастье? Да счастья у меня не было, я все жду его. Недавно я написалъ моему другу барону Врангелю, что, несмотря на всѣ постигшія меня горести, я мечтаю о счастье; мечтаю начать новую жизнь.

Мнѣ тяжело было слышать, что человѣкъ, такой добрый и талантливый, никогда еще не былъ счастливъ и въ его почти старые годы только мечтаетъ о счастье!

Подробно рассказывалъ онъ мнѣ, какъ сватался къ Аннѣ Васильевнѣ Корвинъ - Круконской, какъ она дала ему слово и какъ онъ вернулъ ей это слово, такъ какъ нашелъ, что при разныхъ убѣжденіяхъ у нихъ счастья не будетъ. При чемъ онъ

много говорилъ о ней, какъ объ умной, доброй и талантливой дѣвушкѣ.

Разъ Ф. М. сказалъ мнѣ, что онъ стоитъ на рубежѣ, что ему предстоятъ три рѣшенія¹⁾: или онъ поѣдетъ на Востокъ, въ Константинополь и Иерусалимъ, и, можетъ быть, тамъ останется, или онъ женится или поѣдетъ на рулетку и сдѣлается игрокомъ. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ его очень заботитъ, и онъ спрашиваетъ, что для него будетъ лучше. Я отвѣтила, что если ему придется сдѣлать выборъ между этими тремя рѣшеніями, то лучше выбрать женитьбу. «А вы думаете, я могу жениться? Пожалуй, вы думаете, что за меня никто не пойдетъ? Но кого же мнѣ выбрать: умную или добрую?» — «Конечно, умную», — отвѣчала я. — «Нѣтъ, ужъ если выбирать, то возьму добрую, чтобъ любила и жалѣла меня», — сказалъ Ф. М.

По поводу женитьбы вообще разговоръ перешелъ на меня и Ф. М. спросилъ: почему я не выхожу замужъ. Я отвѣтила, что ко мнѣ сватаются (зачеркнуто: два жениха, докторъ и профессоръ - малороссъ), но что ни одного изъ нихъ не люблю, а только уважаю, а мнѣ хотѣлось бы выйти замужъ по любви. Ф. М. горячо поддержалъ мое мнѣніе о томъ, что надо выходить замужъ «по любви» и что для счастливаго супружества одного «уваженія» недостаточно.

Какъ - то разъ, уже въ половинѣ октября, когда мы диктовали, въ дверяхъ кабинета неожиданно появился А. Н. Майковъ. Я видала его портреты, а

¹⁾ Которыя должны кореннымъ образомъ измѣнить его столь неудачно сложившуюся судьбу.

потому сразу узнала. Войдя, онъ шутливо замѣтилъ, какъ патріархально живетъ Ф. М.: въ квартиру дверь на половину открыта, прислуги ¹⁾ не видно, хоть весь домъ унеси. Ф. М., видимо, обрадовался Майкову и тотчасъ насъ познакомилъ, при чемъ представилъ меня, какъ ревностную свою помощницу, сказавъ: «Это А. Н. Майковъ, а это моя ревностная сотрудница Анна Григор. Дост. ²⁾». Не скрою, мнѣ такъ пріятно было услышать, что Ф. М. признаетъ и цѣнитъ мою помощь. Услышавъ мою фамилію, Майковъ освѣдомился, не приходится ли мнѣ родственникомъ недавно умершей писатель, носившей такую же фамилію ³⁾. Майковъ заторопился уйти, сказавъ, что не хочетъ мѣшать нашимъ занятіямъ. Я предложила сдѣлать перерывъ для отдыха, а сама рѣшила переписать продиктованное. Ф. М. согласился. Оба они ушли въ сосѣдную комнату и минутъ 20 разговаривали. Зайдя проститься со мной, Майковъ вздумалъ попросить Ф. М. что-нибудь продиктовать мнѣ. Ф. М. исполнилъ его желаніе и продиктовалъ съ полстраницы романа. Я тотчасъ же прочла записанное вслухъ. Майковъ сталъ разсматривать стенограмму и сказалъ: «Ну, ужъ тутъ я ничего не пойму!»

Скажу, что Аполлонъ Ник. Майковъ произвелъ на меня чрезвычайно пріятное впечатлѣніе: я, какъ

¹⁾ Феодосья всегда была въ лавочкѣ или у сосѣдей, и дверь зачастую не запирала. Я очень боялась, что изъ передней унесутъ недавно сдѣланное мое пальто.

²⁾ Вѣроятно съ фамиліей произошла описка.

³⁾ Обычный тогдашній вопросъ при встрѣчѣ съ лицами литературнаго круга.

поэта, и прежде его очень любила, а похвалы Ф. М. ему, какъ прекрасному и доброму человѣку, конечно, только подкрѣпили это впечатлѣніе.

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе втягивался въ работу Ф. М. Онъ уже не диктовалъ мнѣ изустно, тутъ же придумывая разговоры (надъ строкой: сочиняя дѣйств. лицъ), какъ въ первые дни. Онъ работалъ ночью и диктовалъ мнѣ по рукописи. Иногда ему удавалось написать такъ много, что мнѣ приходилось сидѣть далеко за полночь, чтобы переписать продиктованное. Но зато съ какимъ торжествомъ я на завтра объявляла, сколько у насъ прибавилось листочковъ; и какъ мнѣ было пріятно видѣть, когда мои увѣренія, что работа идетъ успешно, и мы поспѣемъ къ сроку — заставляли радостно улыбаться Ф. М. Оба мы съ Ф. М. вошли въ жизнь героявъ новаго романа, и у меня, как и у него, появились любимцы и недруги среди дѣйствующихъ лицъ. Мои симпатіи заслужила бабушка, проигравшая состояніе, и мистеръ Астлей, а презрѣніе — Поллина и самъ герой романа, которому я не могла простить его малодушія и страсти къ игрѣ... Напротивъ того, Ф. М. былъ вполне на сторонѣ «игрока» и говорилъ, что многое изъ его чувствъ и впечатлѣній испыталъ самъ на себѣ. Увѣрялъ, что можно обладать сильнымъ характеромъ и доказать это всею своею жизнью, и тѣмъ не менѣе не имѣть силы побѣдить въ себѣ такую страсть, какъ игра на рулеткѣ. Герои романа стали для насъ живыми людьми, и мы по поводу ихъ спорили, и я часто удивлялась моей смѣлости высказывать свои взгляды, а вмѣстѣ съ тѣмъ той чрезвычайной, по моему мнѣ-

нію, снисходительности, с которой талантливый писатель выслушивал мои иногда дѣтскія замѣчанія и разсужденія. Его снисходительность къ моимъ рѣчамъ я приписывала его чрезвычайной добротѣ и была ему глубоко благодарна.

За эти три недѣли работы съ Ф. М. всѣ мои прежніе интересы отошли на второй планъ: лекціи стенографіи я, съ согласія Ольхина, не посѣщала, знакомыхъ рѣдко видѣла, все важное для меня сосредоточилось на работѣ для Ф. М. и на тѣхъ въ высшей степени интересныхъ бесѣдахъ, которыя мы вели въ промежуткахъ между диктовками. Я сравнивала наши разговоры съ бесѣдами моими съ молодыми людьми, которыхъ я встрѣчала въ своемъ кружкѣ, и какъ эти бесѣды казались мнѣ теперь пусты и ничтожны въ сравненіи съ всегда новыми темами разговоровъ съ моимъ любимымъ писателемъ. Уходя отъ него, я была всегда подъ впечатлѣніемъ новыхъ для меня идей; дома же мнѣ становилось печально и скучно и я жила ожиданіемъ завтрашней встрѣчи съ Ф. М. Я съ нѣкоторымъ огорченіемъ думала, что вотъ работа близится къ концу, а вмѣстѣ съ нею прекратятся и наши ежедневныя встрѣчи. Я сознавала, какой пробѣлъ въ моей жизни настанетъ, когда эти столь интересныя и оживленныя бесѣды будутъ для меня недоступны. И какъ я была удивлена, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обрадована, когда Ф. М. высказалъ ту же беспокоившую меня мысль.

Было это дней за пять до окончанія работы. Прощаясь со мной, Ф. М. сказалъ:

— А знаете, Анна Григорьевна ¹⁾, вотъ мы съ вами такъ сошлись, такъ дружелюбно каждый день встрѣчаемся и такъ привыкли оживленно бесѣдовать, и вотъ, съ окончаніемъ работы все это кончится, и мы не будемъ видаться. Право, это будетъ жаль! Вы мнѣ будете не доставать! Гдѣ же я васъ увижу?

— Но, Ф. М., гора съ горой не встрѣтится, а человекъ съ человекомъ встрѣтится.

— Но гдѣ же?

— Да гдѣ -нибудь въ обществѣ, въ театрѣ, въ концертѣ.

— Но вы знаете, я въ обществѣ и въ театрахъ рѣдко бываю, да и что это за встрѣчи въ обществѣ, когда слова съ человекомъ иногда не удастся сказать. Но отчего вы не пригласите меня къ себѣ, въ вашу семью?

— Но прѣзжайте, пожалуйста, мы будемъ вамъ рады. Боюсь только, что мы съ мамой будемъ для васъ неинтересными собесѣдниками.

— Когда же я могу прѣхать?

— Ну, мы объ этомъ условимся, когда окончимъ работу, — сказала я, — теперь вѣдь это для насъ главное.

Какъ - то разъ придя къ Ф. М., я застала его въ тревогѣ. У него возникло опасеніе, какъ бы не вздумалъ Стелловскій, съ цѣлью взять неустойку, отказаться подъ какимъ - либо хитрымъ предлогомъ отъ полученія рукописи, и въ такомъ случаѣ пропали бы наши столь ревностные труды. Я ста-

¹⁾ Только къ концу мѣсяца Ф. М. запомнилъ мое имя, а то все забывалъ и меня о немъ переспрашивалъ.

ла успокаивать Ф. М. и обѣщала разузнать, что слѣдуетъ ему сдѣлать, если - бѣ это произошло. Въ тотъ же вечеръ я упросила мою маму съѣздить къ знакомому адвокату и тотъ далъ совѣтъ сдать рукопись или нотаріусу или приставу той части, гдѣ проживаетъ Стелловскій, но, разумѣется, подѣ официальную расписку.

29-го октября происходила наша послѣдняя диктовка: романъ «Игрокъ» былъ законченъ. Такимъ образомъ, съ 4 по 29 октября, въ теченіе 26 дней, былъ написанъ Ф. М. романъ въ размѣрѣ 7 печатн. листовъ въ 2 столбца изданія Стелловскаго или, вѣрнѣе, . . . листовъ обыкновеннаго формата.

Ф. М. былъ чрезвычайно доволенъ и объявилъ, что намѣренъ, какъ только благополучно сдать рукопись, устроить въ ресторанѣ обѣдъ для своихъ друзей (Майкова, Страхова, Милюкова) и заранѣе приглашаетъ меня участвовать въ пиршествѣ. При этомъ онъ спросилъ: обѣдала ли я когда - нибудь въ ресторанѣ? Я отвѣчала, что нѣтъ. «Но на мой обѣдъ вы приѣдете? Я хочу выпить за здоровье моей милой сотрудницы. Вѣдь безъ вашей помощи я не кончилъ бы романа къ сроку. Итакъ — приѣдете?»

Я сказала, что спрошу мнѣнія мамы, но про себя рѣшила не ѣхать: мнѣ думалось, что, при моей застенчивости и несвѣтскости, я буду представлять изъ себя скучающую безмолвную фигуру, могущую только помѣшать общему веселью.

На другой день, 30 октября, я пришла къ Ф. М. уже не для работы, а чтобы доставить то, что мы вчера продиктовали. Ф. М. какъ - то особенно привѣтливо

меня встрѣтилъ. Когда онъ меня увидалъ, то поднялся ко мнѣ навстрѣчу и я замѣтила, что даже краска бросилась ему въ лицо. По обыкновенію, пересчитали листочки и порадовались, что ихъ оказалось такъ много. Ф. М. хотѣлъ сегодня перечитать весь романъ, чтобы вынести общее впечатлѣніе, кое-что въ немъ исправить и завтра утромъ отвезти къ Стелловскому. Тутъ же онъ передалъ мнѣ пятьдесятъ рублей, слѣдовавшіе за работы, и нѣсколько разъ пожалъ мнѣ руку и благодарилъ за сотрудничество. Затѣмъ мы много и оживленно бесѣдовали.

Я знала, что 30 октября день рожденія Ф. М., а потому рѣшила замѣнить мое обычное черное платье лиловымъ шелковымъ. Ф. М., видѣвшій меня всегда въ траурѣ, былъ польщенъ моимъ вниманіемъ и нашелъ, что лиловый цвѣтъ ко мнѣ очень идетъ и что, благодаря шлейфу, я кажусь выше и стройнѣе. Какъ мнѣ было пріятно услышать его похвалу. Но мое удовольствіе было нарушено приходомъ вдовы брата Ф. М. Эмилиіи Феодоровны Достоевской, явившейся его поздравить. Ф. М. меня съ ней познакомилъ и высказалъ, что благодаря моей помощи онъ успѣлъ кончить романъ и тѣмъ избѣжать большой бѣды. Эмилија Феод. отнеслась ко мнѣ сухо и высокомерно, что меня удивило и даже обидѣло. Ф. М. очень не понравился тонъ его невѣстки, и онъ сталъ ко мнѣ еще милѣе и радушнѣе. Онъ предложилъ мнѣ просмотрѣть какую-то только что вышедшую книгу, а самъ увелъ Эмилию Феод. въ сторону и сталъ съ ней разбирать какія-то бумаги. Въ это время вошелъ А. Н. Майковъ. Онъ раскла-

нялся со мной. Очевидно, меня не узналъ. А. Н. Майковъ спросилъ Ф. М., какъ идетъ дѣло съ романомъ, но Ф. М., занятый разговоромъ съ Эмилией Феодоровной, ничего ему не отвѣтилъ. Тогда я рѣшилась отвѣтить за Ф. М. и сказала, что романъ оконченъ еще вчера и что я сегодня принесла продиктованное наканунѣ окончаніе романа. Тутъ Майковъ быстро подошелъ ко мнѣ, протянулъ руку и извинился, что сразу меня не узналъ. Объяснилъ это своею близорукостью и тѣмъ, что въ черномъ платьѣ я показалась ему ниже ростомъ. Майковъ сталъ спрашивать о ходѣ романа и спросилъ о немъ мое мнѣніе. Я съ восторгомъ отозвалась о новомъ произведеніи, ставшимъ столь дорогимъ для меня, и сказала, что въ немъ есть два - три типа (бабушки, мистера Астлея и влюбленнаго генерала), необыкновенно живые и удавшіеся. Минуть двадцать разговаривали и мнѣ было такъ легко и свободно говорить съ этимъ милымъ и добрымъ человѣкомъ. Эмилія Феодоровна была нѣсколько удивлена и даже шокирована тѣмъ, что Майковъ отнесся ко мнѣ съ такимъ вниманіемъ и радушіемъ, но сухости тона своего не перемѣнила, считая ниже своего достоинства отнестись съ добрымъ чувствомъ к стенографисткѣ.

Майковъ ушелъ, и я заспѣшила уйти, не желая видѣть кислую фізіономію и сносить высокомерный тонъ Эмилиі Феод. Феодоръ Михайловичъ пробовалъ уговорить меня остаться и, желая смягчить непріятное впечатлѣніе, вызванное встрѣчей съ его родственницей, онъ проводилъ меня до передней и напомнилъ мнѣ обѣщаніе пригласить его къ намъ.

Я подтвердила мое приглашеніе.

«Когда жъ я могу пріѣхать, завтра?» — «Нѣтъ, завтра меня не будетъ дома, я звана къ сестрѣ». — «Послѣ завтра?» — «У меня лекція стенографіи». — «Такъ второго ноября?» — «Въ среду я иду въ театрѣ». — «Боже мой, у васъ всѣ дни заняты. Знаете, Анна Григорьевна, мнѣ думается, что вы это нарочно, что вамъ просто не хочется, чтобъ я къ вамъ пріѣзжалъ. Скажите правду?»

— Да нѣтъ же, — увѣряла я его, — мы рады васъ видѣть. Пріѣзжайте 3-го ноября, въ четвергъ, вечеромъ, часовъ въ семь.

— Только въ четвергъ? Какъ это долго, мнѣ скучно безъ васъ будетъ?

Я, конечно, приняла его слова за милую шутку.

Два посѣщенія Ф - мъ М - мъ моей семьи.

Итакъ, блаженное для меня время миновало и начались скучные дни. За этотъ мѣсяць я такъ привыкла весело торопиться къ началу занятій, такъ радостно встрѣчаться съ Ф. М. и вести съ нимъ оживленные разговоры, что это сдѣлалось моею потребностью и (зачеркнуто: мнѣ стало такъ скучно, когда все это для меня кончилось). Всѣ прежнія обычныя мои занятія потеряли для меня интересъ и показались пустыми и ненужными. Даже обѣщанное посѣщеніе Ф. М. не только не радовало, но, напротивъ, тяготило меня: вѣдь я понимала, что ни моя добрая мама, ни я не можемъ быть занимательными собесѣдницами для такого умнаго и талантливаго человека. Если у насъ съ Ф. М. велись интересныя бесѣды, то, думала я, потому, что они вращались

около дѣла, насъ обоихъ занимавшаго. Теперь же Ф. М. является къ намъ, какъ гость, котораго надо было «занимать». Я стала придумывать темы для будущихъ нашихъ разговоровъ въ вечеръ его посѣщенія. Я боялась, что впечатлѣнїе утомительной поѣздки въ нашу даль и скучно проведеннаго вечера изглядятъ у Ф. М., какъ у чрезвычайно впечатлительнаго человѣка, воспоминаніе о прежнихъ нашихъ встрѣчахъ и онъ пожалѣетъ, зачѣмъ назвался на такое скучное знакомство. Мечтая увидиться съ Ф. М., я, однако, готова была желать, чтобъ онъ забылъ о своемъ обѣщаніи и къ намъ совсѣмъ не прїѣзжалъ.

Но какъ человѣкъ жизнерадостный, я постаралась занять себя и разсѣять мое печальное настроеніе. Такъ я отправилась къ моей сестрѣ на цѣлый день, возилась съ ея сыномъ, а вечеромъ рассказывала сестрѣ и ея мужу о моей работѣ и посѣщеніяхъ моихъ Д. за весь октябрь. Занимаясь по утрамъ у Ф. М., а вечеромъ переписывая, я видалась съ сестрой только урывками, а потому рассказовъ накопилось очень много, тѣмъ болѣе, что она прерывала меня вопросами о подробнос(тяхъ) обо всемъ разспраш(ивая). Когда я кончила, сестра замѣтила: «Напрасно ты, Неточка, такъ увлекаешься Достоевскимъ. Вѣдь твои мечты осуществиться не могутъ, да и слава Богу, что не могутъ, разъ онъ такой больной, старый и обремененный долгами человѣкъ!»

Я горячо возразила, что я «Достоевскимъ» не увлекаюсь, что ни о чемъ особенномъ не мечтаю, но рада была бесѣдовать съ умнымъ и талантливымъ

человѣкомъ и благодарна за его всегдашнюю доброту и внимательность ко мнѣ.

Дорогой, идя отъ сестры, я припомнила ея слова и спрашивала себя: «неужели я въ самомъ дѣлѣ «увлечена» Ф. М., неужели это начало любви, но вѣдь это была бы съ моей стороны безумная мечта!» «Нѣтъ, очевидно, сестра преувеличила!»

На другой день я пошла на лекцію стенографіи. Въ 6-й гимназіи мнѣ сказали, что Ольхину докторъ не велѣлъ выходить изъ дому, а потому онъ приглашаетъ учениковъ притти на лекцію къ нему на домъ. Я туда и отправилась. Ольхинъ встрѣтилъ меня поздравленіемъ съ успѣшнымъ окончаніемъ работы. Ф. М. писалъ ему объ этомъ и благодарилъ его за рекомендацію стенографа. Такъ какъ безъ моей помощи ему не удалось бы поспѣть съ романомъ къ сроку, Ф. М. прибавлялъ, что новый способъ работы оказался для него удобнымъ, и онъ рассчитываетъ и впредь къ нему прибѣгать. Ольхинъ объявилъ, что доволенъ такимъ отзывомъ о его ученицѣ, первой, взявшей на себя отвѣтственную работу¹⁾. Я отдала Ольхину пять руб., условленные 10% съ моего гонорара, какъ плату за доставленную работу. Дѣтямъ же его я поднесла два фунта дорогихъ конфектъ.

Къ большому моему удивленію я замѣтила нѣкоторое непріязненное ко мнѣ отношеніе со стороны моихъ сотоварищей. Очевидно, большинство

¹⁾ Ольхинъ спросилъ меня, не возьмусь ли я передать письмо. Я отвѣтила, что сама къ нему не поѣду, но что онъ обѣщалъ пріѣхать къ намъ въ этотъ четвергъ вечеромъ, и тогда я ему могу передать.

изъ нихъ считало себя вполне подготовленными къ стенографической работѣ и было обижено предпочтеніемъ меня. Александра Ивановна, какъ самая рѣшительная, мнѣ это выяснила и объявила довольно рѣзко, что слѣдующую работу она потребуетъ себѣ и никому другому, ни мнѣ не уступить. Я увѣрила ее, что не претендую на будущую работу, тѣмъ болѣе, что хочу заняться усиленно стенографіей, чтобы догнать товарищей. Она давеча слышала о предстоящемъ посѣщеніи насъ Ф. М. и теперь объявила, что придетъ ко мнѣ въ четвергъ на весь вечеръ. Кромѣ желанія познакомиться съ знаменитымъ романистомъ, она намѣрена просить «Достоевскаго» отыскать ей работу по стенографіи или переводамъ. Ему знакомы всѣ журналы и по его «рекомендаціи ей вездѣ дадутъ работу». Мнѣ донельзя было неприятно ее будущее посѣщеніе: Ф. М. предстояло не только провести у насъ скучный вечеръ, но, благодаря настойчивости Александры Ивановны, взять на себя обузу розыскиванія для нея работъ. Кромѣ того (ужъ приходится въ этомъ признаться) я боялась, что А. И., такая бойкая и предприимчивая, произведетъ на Ф. М. слишкомъ выгодное въ сравненіи со мною впечатлѣніе, а мнѣ почему-то этого не хотѣлось. Къ тому же желаніе еще разъ увидать и побесѣдовать съ Ф. М. разгоралось во мнѣ съ каждымъ днемъ, и мнѣ казалось, что словоохотливая Александра Ивановна только помѣшаетъ нашей бесѣдѣ. Но какъ ее устранить, разъ она сама себя пригласила? Долго я объ этомъ размышляла и этимъ мучилась и рѣшилась на женскую хитрость: имен-

но въ четвергъ, утромъ, зашла къ А. И. сказать, что «Достоевскій» былъ у меня уже вчера, въ среду, а значить, сегодня не прїѣдетъ. Эта маленькая ложь была мнѣ самой противна, но что же мнѣ было дѣлать, когда я такъ побоялась ея соперничества?

Въ четвергъ я купила превосходныхъ грушъ, именно того сорта, который любилъ Ф. М., и разныхъ гостинцевъ, какими онъ меня иногда потчивалъ. Я устроила чайный столъ и стала къ 7-ми часамъ ожидать Ф. М. Но пробило $\frac{1}{2}$ восьмого, восемь, а онъ все не прїѣзжалъ, и я рѣшила, что онъ отдумалъ или забылъ. Однако, въ $\frac{1}{2}$ 9-го Ф. М. прїѣхалъ. Я встрѣтила его вопросомъ: Какъ это вы, Ф. М., меня розыскали?

— Вотъ хорошо, — отвѣтилъ Ф. М. — Вы сказали это такимъ тономъ, какъ будто недовольны, что я васъ нашелъ. А вѣдь я ищу васъ съ семи часовъ, объѣздивъ окрестности, всѣ знаютъ, что имѣется Костромская ¹⁾ улица, но какъ въ нее попасть, указать не могутъ; такъ и пришлось ѣздить, спрашивая о дорогѣ по лавочкамъ. Но, наконецъ, нашелся добрый человѣкъ, который сталъ въ пролетку и указалъ кучеру, куда ѣхать.

Вошла мама, и я познакомила Ф. М. съ нею. Онъ галантно поцѣловалъ ей ручку и высказалъ, что

¹⁾ Зачеркнуто: Костромская улица находится за зданіями 1-го Сухопутнаго госпиталя. Попастъ въ нее днемъ нетрудно чрезъ дворики госпиталя, ночью же, когда ворота запираются, въ нее можно попасть большимъ объѣздомъ: или со Слоновой (теперь Суворовскій проспектъ) или со стороны проспекта, этотъ объѣздъ былъ чрезвычайно неприятенъ, а зимою такъ даже опасенъ: тамъ съ обѣихъ сторонъ были расположены громадныя пустыри.

много мнѣ обязанъ за мою помощь въ работѣ. Пока мама приготавливала чай, Ф. М. рассказалъ мнѣ, сколько тревогъ ему принесла доставка Стелловскому рукописи. На дому Стелловскаго не оказалось, онъ уѣхалъ въ провинцію и неизвѣстно когда вернется. Ф. М. поѣхалъ въ контору изданій Стелловскаго, на Больш. Морской и пытался вручить рукопись завѣдывающему конторой, но тотъ наотрѣзъ отказался принять, такъ какъ не имѣеть, дескать, на это приказанія или разрѣшенія отъ своего хозяина. Въ контору нотариуса Ф. М. опоздалъ (а въ Управленіи Квартала днемъ никакихъ начальствующихъ лицъ не оказалось и ему велѣли навѣдаться поздно вечеромъ). День онъ провелъ въ тревогѣ и только въ десять часовъ вечера ему удалось сдать рукопись въ Конторѣ Квартала части и получить отъ Надзирателя форменную расписку. При этомъ Ф. М. вынулъ ее и мнѣ показалъ.

Принялись пить чай и разговаривать (бесѣдовать) также мило и непринужденно, какъ всегда. Придуманная мною «тема» для разговоровъ пришлось отложить въ сторону, такъ явилось много новыхъ и занимательныхъ. Ф. М. совершенно очаровалъ мою маму, такъ дичившуюся «знаменитаго литератора». (Зачеркнуто: Ф. М. придрался къ какому-то ея замѣчанію, ухватился, сталъ спрашивать и заставилъ много рассказать, при чемъ съ самымъ внимательнымъ видомъ выслушивалъ всѣмъ неинтересныя подробности). Надо отдать справедливость Ф. М., что онъ умѣлъ «очаровывать» людей. Онъ могъ быть обаятеленъ и мнѣ много разъ впослѣдствіи приходилось видѣть, какъ ли-

ца, даже противъ него предубѣжденныя, подпадали подъ его вліяніе и обаяніе.

Заговорили о томъ, какъ прошли для него эти четыре дня. Ф. М. говорилъ, что отдыхаль и намѣрень отдохнуть еще съ недѣлю, а затѣмъ приняться за третью часть «Преступленія и Наказанія». — «Я хочу просить вашей помощи, добрая Анна Григорьевна, — сказалъ Ф. М. — Мнѣ такъ легко было работать, что я и впредь хочу диктовать и думаю, что вы не откажетесь быть моею сотрудницей». Я отвѣчала, что рада ему помогать, но не знаю, какъ посмотритъ Ольхинъ, если я возьму новую работу, которую онъ, можетъ быть, предназначаетъ для другого своего ученика. «Но вѣдь я уже привыкъ къ вашей манерѣ работать и ею чрезвычайно доволенъ и было бы странно, если-бъ Ольхинъ захотѣлъ мнѣ рекомендовать для стенографической работы другое лицо, которое я не знаю и съ которымъ могу и не сойтись. Но, можетъ быть, вы сами не хотите у меня заниматься, въ такомъ случаѣ я не настаиваю». Ф. М., видимо, былъ огорченъ тѣмъ, что я не сразу выразила свое согласіе. Я стала говорить, что, вѣроятно, Ольхинъ не найдетъ возраженій противъ того, чтобъ я занималась у Ф. М., но что мнѣ (слѣдуетъ) изъ деликатности спросить его, и при этомъ рассказала, что многіе косятся на меня за предпочтеніе, которое оказалъ мнѣ Ольхинъ, а одна госпожа такъ даже наговорила мнѣ по этому поводу колкостей.

— «Кто же позволилъ себѣ это?» — спросилъ Ф. М. — «Одна барышня, Александра Ивановна, но я отомстила ей тѣмъ, что не познакомила ее съ ва-

ми». И тутъ мнѣ пришло разсказать мою «женскую хитрость». «Зачѣмъ же вы это сдѣлали?» — спросилъ Ф. М.

— «Я побоялась, что она произведетъ на васъ слишкомъ выгодное впечатлѣніе (пришлось мнѣ признаться), къ тому же захотѣлось съ вами побесѣдовать и васъ о многомъ разспросить, а это врядъ ли бы удалось при незнакомой для васъ барышнѣ».

Ф. М., повидимому, понравилось мое признаніе.

Около 11 часовъ онъ простился съ нами и взялъ съ меня слово на первой же лекціи въ понедѣльникъ переговорить съ Ольхинымъ и ему написать. Мы разстались самымъ дружелюбнымъ образомъ, и я вернулась въ столовую въ полномъ восторгѣ отъ такъ оживленно и дружно проведеннаго вечера. Но не прошло 10 минутъ, какъ пришла горничная и разсказала о происшедшемъ неприятномъ случаѣ: извозчикъ - лихачъ, взятый Ф. М. на весь вечеръ, отлучился на пять минутъ въ лавочку, и въ это время у него стащили подушку. Онъ былъ въ отчаяніи, говорилъ, что хозяинъ съ него вычтетъ 5 руб., и Ф. М. обѣщаль его вознаградить.

Можно представить себѣ, до чего я была огорчена и разстроена. Мнѣ представилось, что подобный случай повліяетъ на отношенія Ф. М. къ намъ и что онъ не захочетъ болѣе бывать у насъ, въ глуши, гдѣ и его могутъ ограбить, если ограбили его извозчика. Мнѣ было до слезъ жалко, что впечатлѣніе такъ чудесно и дружелюбно проведеннаго вечера разсѣялось отъ такой обидной случайности.

6-го ноября было воскресенье, и въ этотъ день я собиралась идти на именины моей крестной матери

Александры Павловны Неупокоевой. Я не была съ нею близка, но посѣщала ее въ торжественные дни. Путь былъ далекій, и я рано собралась. Почему-то мнѣ вздумалось разобрать какія - то ноты; я принялась понемногу играть и не разслышала звонка, и только по шагамъ въ сосѣдней комнатѣ догадалась, что кто - то пришелъ. Я оглянулась и увидѣла въ дверяхъ Ф. М. Онъ имѣлъ какой - то робкій, точно сконфуженный видъ. Я мигомъ захлопнула фортепяно и пошла къ нему навстрѣчу. — «Знаете, что я сдѣлалъ? Всѣ эти дни я очень скупчалъ, а сегодня съ утра раздумывалъ, ѣхать мнѣ къ вамъ или нѣтъ? Будетъ ли это удобно? Не покажется ли вамъ и вашей матушкѣ страннымъ столь скорый визитъ: былъ въ четвергъ и являюсь въ воскресенье. Рѣшилъ ни за что не ѣхать къ вамъ сегодня, и, какъ видите, приѣхалъ!» Я отвѣтила, что мы съ мамой люди не свѣтскіе, рады его видѣть. На этотъ разъ оживленный разговоръ между нами не завязывался, а я только отвѣчала на вопросы Ф. М. Отчасти меня смущало то, что печь въ гостиной еще не нагрѣлась, и было очень холодно, о чемъ замѣтилъ и Ф. М., сказавъ: «Какъ у васъ, однако, холодно, и какая вы сами сегодня холодная». Отчасти безпокоила мысль, что благодаря приѣзду Ф. М. мнѣ придется опоздать къ крестной матери.

Видя меня въ свѣтломъ шелковомъ платьѣ, Ф. М. спросилъ меня, куда я собираюсь. Узнавъ, что моя крестная мать живетъ у Аларчина Моста, Ф. М. предложилъ поѣхать съ нимъ вмѣстѣ, такъ какъ это было ему по дорогѣ. Я согласилась, и мы отпра-

вились на лихачѣ, съ которымъ приѣхалъ Ф. М. Дорогой, при какомъ - то поворотѣ, Ф. М. захотѣлъ меня поддержать за талию. Но у меня, какъ у дѣвушки 60-хъ годовъ, было предубѣжденіе противъ всякихъ знаковъ вниманія: цѣлованія ручекъ, придерживанія дамъ за талию и пр., и я сказала Ф. М.: «Пожалуйста не беспокойтесь, я не упаду». Ф. М. былъ обиженъ отказомъ отъ такой ничтожной услуги и сказалъ: «Какъ бы я былъ радъ, если - бъ вы вывалились теперь изъ саней!» Я расхохоталась, и миръ былъ заключенъ. Всю дорогу мы весело болтали (зачеркнуто: Ф. М. настаивалъ на томъ, чтобы довести меня до дому моей крестной, но я попросила выпустить меня на углу Столярнаго переулка). Прощаясь, Ф. М. крѣпко пожалъ мнѣ руку и взялъ съ меня слово, что я приду къ нему черезъ день, чтобы уговориться о работѣ надъ «Прест. и Наказаніемъ».

1872 годъ.

Закончивъ романъ «Бѣсы», Ф. М. былъ нѣкоторое время въ большой нерѣшительности, что ему теперь предпринять (чѣмъ ему теперь заняться). Онъ такъ былъ измученъ работою надъ «Бѣсами» и такъ былъ недоволенъ этимъ своимъ произведеніемъ, что приниматься сряду за новый романъ казалось ему тягостнымъ. Осуществить же зародившуюся за границей идею—издавать «Дневникъ Писателя» въ видѣ ежемѣсячнаго журнала—было невозможно. На изданіе журнала и на житье семьи (не говоря уже объ уплатѣ долговъ) требовались средства довольно значительныя, а для насъ было

загадкой — каковъ будетъ, великъ ли успѣхъ журнала, такъ какъ онъ представлялъ собою нѣчто новое, небывалое доселѣ въ литературѣ, какъ по формѣ, такъ и по содержанию. А въ случаѣ неуспѣха журнала, мы были бы поставлены въ безвыходное положеніе.

Ф. М. сильно колебался, и я не могу утверждать, на какомъ рѣшеніи онъ бы остановился, если бы въ это время князь Вл. П. Мещерскій не предложилъ ему принять на себя обязанности редактора еженедѣльнаго журнала «Гражданинъ». Этотъ журналъ основался всего годъ назадъ и издавался подъ редакціей Г. Градовскаго. Около «Гражданина» объединилось нѣсколько лицъ одинаковыхъ мыслей и убѣжденій. Нѣкоторые изъ нихъ: К. П. Побѣдоносцевъ, Т. И. Филипповъ, Н. Н. Страховъ, А. Н. Майковъ, Евг. Бѣловъ были симпатичны Ф. М. и работать вмѣстѣ съ ними представлялось для него привлекательнымъ. Не меньшею привлекательностью представлялась для Ф. М. возможность дѣлиться съ читателями тѣми надеждами и тѣми сомнѣніями, которыя назрѣвали въ его умѣ и сердцѣ. На страницахъ «Гражданина» могла осуществиться и идея «Дневника Писателя», хотя и не въ той внѣшней формѣ, которая была придана ему впоследствии. Съ матеріальной стороны дѣло было обставлено хорошо: обязанности редактора оплачивались тремя тысячами рублей, кромѣ платы за статьи «Дневника Писателя», а впоследствии за политическія статьи. Въ общей сложности мы получали около 5 000 рублей. Ежемѣсячное полученіе денегъ въ опредѣленномъ размѣрѣ имѣло тоже хо-

рошую сторону: оно позволило Ф. М. не отвлекаться от взятого на себя дѣла заботами о средствахъ къ существованію, заботами, которыя такъ угнетающе дѣйствовали на его настроеніе. Впрочемъ, Ф. М., согласившись на уговоры симпатичныхъ ему людей принять на себя редактированіе «Гражданина», не скрылъ, что беретъ на себя эти обязанности временно, въ видѣ отдыха отъ литературной работы и ради возможности ближе ознакомиться съ текущей дѣйствительностью, но, что, когда потребность поэтического творчества въ немъ вновь возникнетъ, онъ оставитъ столь несвойственную его характеру дѣятельность.

Осень и начало зимы 1872 г. прошли для насъ благополучно и всѣ въ домѣ были вполне здоровы. Благодаря этому обстоятельству и улучшившемуся матеріальному положенію, настроеніе Ф. М. значительно измѣнилось въ благопріятную сторону: и онъ чувствовалъ себя успокоеннымъ и часто бывалъ на обѣдахъ кн. Мещерскаго, вечерахъ Н. П. Семенова и въ обществѣ глубокопочтеннаго И. П. Корнилова, гдѣ по субботамъ собирались самые выдающіеся люди литературнаго, ученаго и бюрократическаго міра. Въ театрахъ Ф. М. мало бывалъ, такъ какъ не любилъ туда ходить одинъ, я же не имѣла возможности его сопровождать изъ боязни оставлять дѣтей на попеченіи старушки-няньки. Впрочемъ, помню, что разъ была съ Ф. М. на вечерѣ у Кашпириныхъ, когда Писемскій читалъ свой новый романъ «Мѣщане». Чтеніе его не произвело на слушателей особеннаго впечатлѣнія.

1873 годъ.

Начало 1873 года ознаменовалось дѣломъ, имѣвшимъ большое значеніе въ нашей жизни, именно выходомъ въ свѣтъ издавнаго нами романа «Бѣсы». Этимъ изданіемъ было положено основаніе (начало) нашей общей съ Ф. М., а (впослѣдствіи) послѣ его кончины, моей издательской дѣятельности, продолжавшейся 38 лѣтъ.

Одною изъ нашихъ надеждъ на поправленіе денежныхъ обстоятельствъ была возможность продать право изданія отдѣльной книгой сначала романа «Идіотъ», а затѣмъ романа «Бѣсы». Живя за границей, трудно было устроить такую продажу; не легче стало и тогда, когда мы вернулись въ Россію и получили возможность лично сговариваться съ издателями. Къ кому ни обращались изъ издателей, намъ предлагали страшно невыгодную цѣну: такъ за право изданія отдѣльной книгой романа «Вѣчный Мужъ», въ 2 000 экз. намъ уплатили 150 руб., а за право издать «Бѣсы» предлагали 500 руб., да еще съ уплатою частями въ теченіе трехъ лѣтъ.

Ф. М. еще въ юности мечталъ о томъ, чтобы самому издавать свои произведенія; говорилъ объ этомъ и живя за границей. Меня тоже очень заинтересовала эта мысль, и я мало - по - малу старалась узнать всѣ условія издательства и распространенія книгъ. Заказывая визитныя карточки для Ф. М., я разговорилась съ управляющимъ типографіей и спросила, на какихъ условіяхъ издаются книги. Онъ объяснилъ, что большая часть книгъ

издается на наличныя, но что, если у автора имѣется значительное литературное имя, и книги его раскупаются, то каждая типографія съ охотою дастъ полугодовой кредитъ съ тѣмъ, что, если чрезъ полгода деньги не будутъ уплачены, то на должную сумму будетъ взиматься извѣстный %. На такихъ же условіяхъ кредита можно получить и бумагу для изданія. Онъ же мнѣ сообщилъ и приблизительную стоимость всего предполагаемаго мною изданія: то - есть стоимости бумаги, типографской, брошюровочной и переплетной работъ. Согласно его расчету изданіе романа «Бѣсы» въ количествѣ трехъ съ половиною тысячъ экз. могло обойтись около четырехъ тысячъ рублей. Назначить за три тома, напечатанныхъ крупнымъ изящнымъ шрифтомъ на бѣлой атласной бумагѣ, типографщикъ совѣтовалъ не менѣе 3 р. 50 к. Изъ общей валовой суммы 12 250 р. (отъ 30—35%) полученной за всѣ экз., слѣдовало уступить въ пользу книгопродавцевъ отъ 40 до 50%; но и въ этомъ случаѣ, при успѣхѣ романа, въ нашу пользу оставалось около четырехъ тысячъ рублей.

Въ тѣ времена никто изъ писателей не издавалъ самъ своихъ сочиненій, а если и являлся такой смѣльчакъ, то непременно за свою смѣлость платился убыткомъ. Существовало нѣсколько книжныхъ фирмъ: Бабунова, Вольфа, Исакова, Кожанчикова, которыя покупали права на изданіе, издавали книги и распространяли ихъ по всей Россіи. Изданныя же учеными обществами, частными лицами или писателями, книги брались книгопродавцами на складъ или на комиссію съ уступкою 50%,

а иногда 60%, подѣ предлогомъ, что храненіе книгъ, а также публикаціи (которыя дѣлались ими очень скупо) стоятъ имъ дорого. Въ результатѣ отданныя на складъ или комиссію книги возвращались частью непроданными издателю, иногда даже въ испорченномъ видѣ. Меня очень возмущало, что львиную долю барыша (50—60%) приходилось отдавать книгопродавцамъ, отъ которыхъ, по словамъ неудачныхъ издателей, расчетовъ нельзя было добиться годами, и я придумывала, какъ бы найти возможность не сдавать на складъ, на комиссію, а продавать лично отъ себя и на наличныя. Я пыталась спрашивать въ книжныхъ магазинахъ, какую они имѣютъ уступку и получила самые неопредѣленные отвѣты: что уступка зависитъ отъ книги, уступаютъ 40—50% и даже больше. Какъ-то разъ, покупая брошюру, я спросила цѣну одной книги; сказали, что стоитъ она 4 рубля. Я нарочно предложила имъ уступить мнѣ ее за 2 р. 50 к., подѣ предлогомъ, что навѣрно они сами получаютъ 50 или 60% уступки. Приказчикъ былъ возмущенъ и объявилъ, что сами они получаютъ 20—25 и только на немногія книги 30%. Изъ подобныхъ разспросовъ для меня выяснилось, какой % и при какомъ количествѣ экземпляровъ слѣдуетъ уступать книгопродавцамъ.

Когда мы сказали нашимъ друзьямъ и знакомымъ о намѣреніи самимъ издать книгу, мы услышали много возраженій и совѣтовъ не пускаться въ такое незнакомое для насъ предпріятіе, въ которомъ мы, по незнанію дѣла, должны были непременно погибнуть и, въ придачу къ старымъ дол-

гамъ, нажить себѣ нѣсколько тысячъ новыхъ. Но отговариванія не повліяли на насъ, и мы рѣшили нашу идею привести въ исполненіе. Бумагу мы взяли у фирмы А. И. Варгунина, въ лучшей какъ тогда, такъ и теперь фабрикѣ тряпичной бумаги: печатать же отдали, по рекомендаціи Н. Н. Страхова, въ типографію бр. Пантелѣевыхъ. Ноябрь, декабрь 1872 г. и часть января 1873 года прошли у насъ въ заботахъ о книгѣ: я читала вторую корректуру, авторскую прочитывалъ Ф. М., а сдѣланныя имъ поправки я свѣряла и вновь прочитывала, стараясь, чтобъ не осталось опечатокъ.

Около двадцатаго января 1873 года книга была сброшюрована и часть ея доставлена къ намъ на домъ. Ф. М. былъ доволенъ внѣшнимъ видомъ книги, а я такъ даже была очарована. Наканунѣ выхода книги въ свѣтъ Ф. М. повезъ ее показать одному изъ значительныхъ книгопродавцевъ, съ которымъ давно велъ дѣла, питая надежду, что тотъ захочетъ купить нѣкоторое количество экземпляровъ. Книгопродавецъ повертѣлъ книгу въ рукахъ и сказалъ: «Ну, что - жъ, пришлите двѣсти экземпляровъ на комиссію». — «Съ какою же уступкой?» — спросилъ Ф. М. «Да не меньше 50%». — Ф. М. ничего не отвѣтилъ. Опечаленный вернулся онъ домой и рассказалъ про свою неудачу. Я тоже была обезпокоена, и предложеніе книгопродавца отдать ему на комиссію двѣсти экз. вовсе мнѣ не улыбалось: я знала, что, если онъ и продастъ книги, то получимъ мы съ него деньги не ранѣе двухъ—трехъ лѣтъ.

Наступилъ знаменательный день нашей жизни. 22 января 1873 г. были помѣщены объявленія въ газетахъ о выходѣ въ свѣтъ ром. «Бѣсы», и рано утромъ къ намъ явился посланный отъ книжнаго магазина М. В. Попова, имѣвшаго магазинъ подъ Пассажемъ, и, вопреки книгопродавческому обыкновенію, покупавшаго всѣ выходящія книжныя новости. Я вышла въ переднюю и спросила, отъ кого онъ присланъ и что ему надо? «Да вотъ объявленіе ваше вышло, такъ мнѣ надо десятокъ «Бѣсовъ»: Я вынесла книги и съ нѣкоторымъ волненіемъ сказала: — Цѣна 35 руб., уступка 20%, съ васъ слѣдуетъ 28 р.» — «Что такъ мало?.. А нельзя ли 30%», — сказалъ посланный. — «Нельзя». — «Ну, хоть 25». — «Право, нельзя», — сказала я, въ душѣ сильно беспокоясь, а что если онъ уйдетъ и я упущу перваго покупателя? — «Ну, если нельзя, такъ получите», и подалъ мнѣ деньги. Я была такъ довольна, что дала ему даже 30 к. на извозчика. Немного спустя пришелъ мальчикъ изъ магазина для иногороднихъ и купилъ 10 экз., тоже съ 20% скидкой и тоже поторговавшись со мной. Присланный отъ Глазунова хотѣлъ взять 25 экз., если я уступлю 25%, и въ виду значительнаго количества мнѣ пришлось уступить. Былъ и еще кто-то. Около двѣнадцати часовъ явился расфранченный приказчикъ знакомаго Ф. М. книгопродавца и объявилъ, что пріѣхалъ взять на комиссію двѣсти экз. Ободренная успѣхомъ первыхъ продажъ, я отвѣтила, что на комиссію книги не даю, а продаю на наличныя. — «Но какъ же, вѣдь Ф. М. обѣщалъ намъ при-

слать». Я сказала, что книгу издалъ Ф. М., а завѣдую продажей я, его жена, и что у меня многіе книгопродавцы уже купили на деньги. — «А нельзя ли мнѣ повидать «самихъ» Ф. М.», — сказалъ приказчикъ, очевидно, рассчитывая на его уступчивость. — «Ф. М. работалъ ночью, и я могу разбудить его только въ 2 часа». Предложилъ мнѣ приказчикъ отпустить съ нимъ 200 экз., а «деньги отдадимъ потомъ Ф. М.». Я и тутъ осталась тверда и, объяснивъ, сколько % и на какое количество книгъ мы уступаемъ, высказала мысль, что намъ книгъ доставлено всего 500 экз., и я рассчитываю ихъ сегодня распродать. Приказчикъ помялся и ушелъ, не солоно хлебавши, а чрезъ часъ явился отъ нихъ уже другой, попроще, и взялъ 50 экз. на наличныя съ 30 % уступки.

Въ этотъ день я не могла дождаться пробужденія Ф. М., такъ мнѣ хотѣлось похвалиться успѣхомъ нашей торговли.

Кстати скажу, что Ф. М. просыпался всегда суровый, непривѣтливый и не любилъ, чтобы съ нимъ въ это время говорили или о чемъ-нибудь спрашивали. Только послѣ того, какъ онъ, совершивъ свой туалетъ и выпивъ стаканъ страшно горячаго кофею, пойдетъ въ свой кабинетъ, я приходила къ нему и сообщала всѣ новости, пріятныя и непріятныя, случившіяся со вчерашняго вечера. Въ эти утренніе часы Ф. М. всегда былъ въ благодушнѣйшемъ настроеніи: всѣмъ интересовался, обо всемъ спрашивалъ, звалъ дѣтей, шутилъ и игралъ съ ними. Такъ было и на этотъ разъ; когда онъ побе-

сѣдовалъ съ дѣтьми, я отослала ихъ за чѣмъ - то въ дѣтскую, а сама усѣлась на своемъ обычномъ мѣстѣ около письменнаго стола. Видя, что я молчу, Ф. М., насмѣшливо на меня поглядывая, спросилъ: «Ну, Анечка, какъ идетъ наша торговля?» — «Превосходно идетъ», — отвѣтила я въ тонъ. — «И ты, пожалуй, уже одну книгу успѣла продать?» — «Не одну, а 115». — «Неужели?.. Ну, такъ поздравляю тебя!» — насмѣшливо продолжалъ Ф. М., полагая, что я шучу. — «Да, я правду говорю, — подсадовала я, — что - жь ты не вѣришь?» и я достала изъ кармана листокъ, на которомъ были записаны проданные экземпляры, а вмѣстѣ съ листкомъ пачку кредитокъ, всего около трехсотъ рублей. Такъ какъ Ф. М. зналъ, что у насъ дома денегъ немного, то показанная мною сумма убѣдила его въ томъ, что я не шучу. А съ четырехъ часовъ пошли опять звонки: являлись новые покупатели. Оказалось, что «Бѣсы» имѣли въ публикѣ большой успѣхъ еще когда печатались въ журналѣ, и уже накопилась масса желающихъ имѣть этотъ романъ въ отдѣльномъ изданіи; поэтому приходили за книгою посланные и отъ тѣхъ книгопродавцевъ, которые утромъ купили, за новымъ запасомъ. Я торжествовала, какъ рѣдко когда случалось, особенно видя, что Ф. М. очень заинтересовался успѣхомъ книги и очень имъ доволенъ. Но каково же было мое торжество, когда въ тотъ же день, въ 7 часовъ вечера, пріѣхалъ къ намъ Кожанчиковъ, книгопродавецъ, и предложилъ продать ему триста экземпляровъ на векселя, съ тою же 30% уступкою, при чемъ объявилъ, что его векселя можно дисконти-

ровать въ любомъ банкѣ. Ф. М. пришелъ ко мнѣ обсудить это предложеніе. Не имѣя понятія о векселяхъ, я посовѣтовала Ф. М. предложить Кожанчикову выпить чаю и съ нимъ побесѣдовать, пока я сѣзжу къ типографщику, жившему недалеко отъ насъ, и спрошу у него совѣта. Къ счастью, я застала одного изъ Пантелѣевыхъ и онъ сказалъ мнѣ, чтобъ мы не упустили такой солидной продажи; увѣрилъ, что векселя Кожанчикова можно учесть и что онъ согласенъ взять эти векселя въ уплату за долгъ нашъ типографіи. Съ такими вѣстями вернулась я домой, и Кожанчиковъ (какъ опытный коммерсантъ, всегда имѣвшій съ собою вексельные бланки) тотчасъ написалъ намъ три векселя на 735 руб., а Ф. М. выдалъ ему записку для полученія книгъ изъ типографіи.

Словомъ, наша издательская дѣятельность началась блистательно и первые три тысячи экз. были распроданы до окончанія года. Продажа остальныхъ 500 экз. нѣсколько затянулась потому, что мы перестали дѣлать о книгѣ публикаціи. Не скажу, чтобъ на первый разъ у насъ не было потерь, два - три плута воспользовались нашей неопытностью, но эти потери только учили насъ быть болѣе осторожными и не поддаваться на предложенія, по видимому, блестящія, но которыя оказывались потомъ убыточными. Въ результатѣ, за вычетомъ книгопродавческихъ % и за уплатою всѣхъ расходовъ, у насъ оказалось рублей ¹⁾ чистаго. По нашему общему желанію мы не брали въ свою поль-

¹⁾ Сумма не проставлена.

зу ни одного рубля и считали нашъ барышъ лишь тогда, когда за все изданіе было уплачено. Этой системы — не смѣшивать своихъ личныхъ денегъ съ издательскими я держалась во всю мою издательскую дѣятельность. Кромѣ той выгоды, что деньги эти пошли на освобожденіе насъ отъ долговъ; важна возникшая въ насъ увѣренность, что намъ уже не придется больше искать издателей, а что мы можемъ издавать сами и съ барышемъ значительно большимъ, чѣмъ при продажѣ правъ на изданіе. Выскажу, что названіе романа «Бѣсы» послужило для приходившихъ за книгою поводомъ называть книгу различными именами. Чтобъ не отрываться отъ стеногр(афической) работы, я только сдавала книги и высчитывала слѣдующія за нихъ деньги; вела же переговоры съ покупателями моя веселая дѣвушка, и вотъ приходившіе иногда говорили: «Давайте - ка десятокъ чертей; или я за десяткомъ, (пятью) діаволовъ пришель» и пр. То называли ее «чертями», то «діаволами», то «нечистой силою». Старушка няня, Прохоровна, слыша часто эти названія романа, даже жаловалась и увѣряла меня, что съ тѣхъ поръ, какъ у насъ завелась «нечистая сила» — «Бѣсы», ея питомецъ (мой сынъ) сталъ безпокойнѣе и хуже спитъ по ночамъ.

Весна 1880 г.

Въ мартѣ 1880 г. въ литературномъ обществѣ стали ходить слухи о томъ, что памятникъ, сооружаемый Пушкину въ Москвѣ, готовъ и будетъ открытъ этою же весною, при чемъ предполагается

совершить открытіе его съ особеннымъ торжествомъ. Предстоящее событіе очень заинтересовало наше интеллигентное общество, и многіе собирались поѣхать на празднество. Въ Москвѣ составился Комитетъ по открытію памятника и предсѣдатель его Л. И. Поливановъ (директоръ мужской гимназіи) разослалъ выдающимся литераторамъ приглашенія прибыть на торжество. Такое же приглашеніе получилъ и Ф. М. Въ приглашеніи было предложено ему, какъ и другимъ, въ случаѣ его желанія, произнести на торжественномъ засѣданіи рѣчь, посвященную памяти Пушкина. Разнорѣчивые толки, ходившіе въ столицѣ по поводу тѣхъ рѣчей, которыя будутъ произнесены представителями двухъ тогдашнихъ партій, западниковъ и славянофиловъ, очень волновали Ф. М., и онъ объявилъ, что, если болѣзнь не помѣшаетъ, то онъ непременно поѣдетъ въ Москву и выскажетъ въ своей рѣчи о Пушкинѣ все то, что столь многіе годы лежало у него на умѣ и на сердцѣ. При этомъ Ф. М. выразилъ желаніе, чтобы и я поѣхала съ нимъ. Конечно, я была страшно рада поѣхать въ Москву не только ради того, чтобы увидѣть столь необычное торжество, но и чтобы быть вблизи Ф. М. въ эти, для него тревожные, какъ я предвидѣла заранее, дни. Къ чрезвычайному моему горю и искреннему сожалѣнію Ф. М., наша совмѣстная поѣздка не могла осуществиться. Когда мы стали подсчитывать, во что можетъ намъ обойтись поѣздка, то пришли къ убѣжденію, что она намъ недоступна. Послѣ смерти нашего сына Алеша Ф. М., всегда горячо относившійся къ дѣтямъ, сталъ еще

мнительнѣе на счетъ ихъ здоровья и жизни и нельзя было и подумать уѣхать намъ обоимъ, оставивъ дѣтей на няньку или хотя бы и на мою старушку-маму. Слѣдовало взять дѣтей съ собою. Но такъ какъ путешествіе и пребываніе въ Москвѣ не могли продлиться менѣе недѣли или 10 дней, то наше житъе съ дѣтьми въ хорошей гостиницѣ (въ плохую Ф. М. не помѣстилъ бы насъ) могло обойтись намъ (вмѣстѣ съ проѣздомъ въ Москву и обратно) не менѣе трехсотъ рублей лишнихъ. Къ тому же на такое торжество надо было и мнѣ явиться одѣтой въ свѣтломъ, если и не роскошно, то все-таки прилично, а это все увеличивало стоимость поѣздки. Какъ на зло, наши счета съ «Русскимъ Вѣстникомъ» были нѣсколько запутаны и взять денегъ изъ редакціи представлялось затруднительнымъ. Словомъ, послѣ долгихъ размышлений и колебаній мы съ мужемъ пришли къ заключенію, что я должна отказаться отъ плѣнявшей меня мысли, (поѣхать въ Москву). Скажу, что я всю жизнь считала для себя величайшимъ лишеніемъ, что мнѣ не привелось присутствовать при томъ необыкновенномъ торжествѣ, котораго удостоился мой дорогой мужъ на Пушкинскомъ праздникѣ.

Чтобы имѣть возможность въ тишинѣ и на свободѣ обдумать и написать свою рѣчь въ память Пушкина, Ф. М. пожелалъ раньше переѣхать въ Старую Руссу, и въ самомъ началѣ мая мы уже были у себя на дачѣ. Открытіе памятника было назначено на 25-е мая, но Ф. М. рѣшилъ поѣхать за нѣсколько дней, для того, что бы, не торопясь достать себѣ билеты, необходимые для присутствова-

нія при всѣхъ торжественныхъ засѣданіяхъ, тѣмъ болѣе, что, какъ товарищъ предсѣдателя Славянскаго Благотворительнаго Общества, Ф. М. былъ назначенъ представителемъ этого Общества на торжествѣ и долженъ былъ позаботить(ся).

Выѣхаль Ф. М. 20 мая, и я съ дѣтьми поѣхала провожать его на вокзалъ. Съ истиннымъ умиле-ніемъ припоминаю, какъ мой дорогой мужъ гово-рилъ мнѣ на прощанье: «Бѣдная ты моя Анечка, такъ тебѣ и не удалось со мной поѣхать. Какъ это жаль, какъ это грустно». Огорченная предстоящею разлукою, а главное, страшнѣе обезпокоенная за его здоровье и душевное настроеніе, я отвѣчала:

— Значить, не судьба, но зато ты долженъ меня утѣшить, писать мнѣ каждый день непременно, и самымъ подробнымъ образомъ, чтобъ я могла знать все, что съ тобой происходитъ. Иначе я буду без-конечно безпокоиться. Обѣщаешь писать?

— Обѣщаю, обѣщаю, — говорилъ Ф. М., — буду писать каждый день, — и какъ человѣкъ, вѣрный данному слову, Ф. М. исполнилъ его и писалъ мнѣ не только одинъ, а иногда и два раза въ день, до того хотѣлось ему избавить меня отъ безпокойства о немъ, а также подѣлиться со мною, по обыкнове-нію, всѣми своими впечатлѣніями.

Разставаясь, мы оба полагали, что отсутствіе Ф. М. продолжится не долѣе недѣли: двое сутокъ на переѣздъ въ Москву и обратно и пять дней на торжества, гдѣ Ф. М. необходимо было присутство-вать. И Ф. М. далъ мнѣ слово, что лишняго дня не задержится въ Москвѣ. Но случилось такъ, что Ф. М. вмѣсто недѣли вернулся обратно черезъ

20 дней, и я могу сказать, что три недѣли его отсутствія были для меня временемъ мучительныхъ безпокойствъ и опасеній.

Надо сказать, что въ концѣ 1879 г., по возвращеніи изъ Эмса, Ф. М., при посѣщеніи своемъ моего двоюроднаго брата, доктора М. Н. Сниткина, попросилъ осмотрѣть его грудь и сказать, большіе ли успѣхи произвело его лѣченіе въ Эмсѣ. Мой родственникъ, хотя и былъ педиатромъ, но былъ знатокъ и по груднымъ болѣзнямъ, и Ф. М. довѣрялъ ему, какъ врачу, и любилъ его, какъ добраго и умнаго человѣка. Конечно, онъ успокоилъ Ф. М. и завѣрилъ, что зима пройдетъ для него прекрасно и что онъ не долженъ имѣть никакихъ опасеній за свое здоровье, а долженъ лишь брать извѣстныя предосторожности. Мнѣ же, на мои настойчивые вопросы, долженъ былъ признаться, что болѣзнь сдѣлала зловѣщіе успѣхи, и что въ своемъ теперешнемъ состояніи эмфизема можетъ угрожать жизни. Онъ объяснилъ мнѣ, что мелкіе сосуды легкихъ до того стали тонки и хрупки, что всегда представляется возможность разрыва ихъ отъ какого-нибудь физическаго напряженія, а потому совѣтовалъ не дѣлать рѣзкихъ движеній, не переносить или поднимать тяжелыя вещи и вообще совѣтовалъ беречь Ф. М. отъ всякаго рода волненій, пріятныхъ или непріятныхъ. Правда, докторъ успокаивалъ тѣмъ, что эти разрывы артерій не всегда ведутъ къ смерти, такъ какъ иногда образуется такъ называемая «пробка», сгустокъ, который не допуститъ сильной потери крови. Можно себѣ представить, какъ я была испугана и какъ я стала наблюдать

за здоровьемъ мужа. Чтобъ не отпускать Ф. М. одного въ тѣ семьи, гдѣ онъ могъ имѣть непріятныя для него встрѣчи и разговоры, я стала жаловаться, что мнѣ скучно и что я хочу тоже бывать въ обществѣ, посѣщать литературные вечера и пр. Ф. М., всегда жалѣвшій, что я мало бываю въ обществѣ, былъ радъ моему рѣшенію и зиму 1879 г. и весь 1880 г. я часто сопровождала Ф. М. на вечера къ знакомымъ и на литературные вечера; я даже заказала себѣ элегантное черное шелковое платье и приобрѣла двѣ цвѣтныя накладки, которыя, по увѣренію мужа, очень ко мнѣ шли. На вечерахъ мнѣ иногда приходилось прибѣгать къ хитростямъ, чтобъ уберечь Ф. М. отъ непріятныхъ для него встрѣчъ, напр., просила хозяйку дома посадить Ф. М. за вечернимъ столомъ подальше отъ такогото господина или госпожи, или подъ благовиднымъ предлогомъ отзывала Ф. М., если видѣла, что онъ начинаетъ сильно горячиться: словомъ, была постоянно настороже.

И вотъ, когда я находилась въ такомъ страшномъ безпокойствѣ на счетъ здоровья Ф. М., намъ пришлось разлучиться не на недѣлю, какъ я рассчитывала, а на дня. Боже, что я перенесла за это время, особенно видя по письмамъ, что возвращеніе Ф. М. отдаляется все болѣе и болѣе, а между тѣмъ столь опасныя для него волненія и безпокойства, благодаря многимъ обстоятельствамъ, все увеличиваются. Мнѣ представлялось, что волненія эти должны завершиться припадкомъ если не двумя, тѣмъ болѣе, что припадковъ эпилепсіи давно уже не было и можно было ожидать ихъ скорого

наступленія. Самыя мрачныя предположенія приходили мнѣ въ голову. Мысли о томъ, что съ Ф. М., случится припадокъ, что онъ въ полусознаніи пойдетъ по гостиницѣ отыскивать меня, что его примутъ за помѣшаннаго и ославятъ по Москвѣ, какъ сумасшедшаго; что некому будетъ оберегать его спокойствіе послѣ припадка, что его могутъ раздражить, довести до какого-нибудь (бѣшеннаго) (безумнаго) (необдуманнаго) поступка, — всѣ эти мысли безконечно меня мучили, и я не разъ приходила къ рѣшенію поѣхать въ Москву и жить тамъ, никому не показываясь, а лишь наблюдая за Ф. М. Но зная, что онъ будетъ безконечно тревожиться за оставленныхъ на няньку дѣтей, не могла рѣшиться на это. Я написала московскимъ друзьямъ письма, въ которыхъ умоляла, если съ Ф. М. случится припадокъ, телеграфировать мнѣ, и тогда бы я выѣхала съ первымъ поѣздомъ. Дни шли за днями, открытіе памятника отмѣнялось и откладывалось, непріятныя для Ф. М. обстоятельства нарастали, а вмѣстѣ съ тѣмъ, нарастали и мои мученія. Даже теперь, послѣ такого долгаго промежутка, я не могу вспоминать объ этомъ времени безъ тяжелаго чувства.

Къ этому времени относится одинъ эпизодъ, который не стоило бы записывать, если бы о немъ не упоминалъ Ф. М. въ своемъ письмѣ, написанномъ тотчасъ по возвращеніи послѣ сдѣланныхъ ему московскою публикою овацій. Я говорю о покупкѣ «жеребеночка».

Нашъ старшій сынъ, Федя, съ младенческихъ лѣтъ чрезвычайно любилъ лошадей и, живя по лѣ-

тамъ въ Старой Руссѣ, мы съ Ф. М. всегда опасались, какъ бы не зашибли его лошади: двухъ-трехъ лѣтъ отъ роду, онъ иногда вырывался отъ старушки-няньки, бѣжалъ къ чужой лошади и обнималъ ее за ногу. Къ счастью, лошади были деревенскія, привыкшія къ тому, что около нихъ вертятся ребятишки, а потому все обходилось благополучно. Когда мальчикъ подросъ, то сталъ просить, чтобъ ему подарили живую лошадку. Ф. М. обѣщалъ купить, но какъ - то это не удавалось сдѣлать. Купила я жеребенка въ маѣ 1880 г. совершенно случайно и горько потомъ въ этомъ раскаивалась. Случилось это вотъ какимъ образомъ. Однажды рано утромъ я съ дѣтьми пошла на городской базаръ. Когда мы шли по набережной нашей рѣчки Перерытицы, мимо насъ промчалась телѣга, на которой сидѣлъ бывшій нѣсколько навеселѣ мужикъ. За телѣгой бѣжалъ жеребенокъ, чрезвычайно статный, то обгоняя лошадь, то отставая отъ нея. Мы залюбовались жеребенкомъ, и мой сынъ сказалъ, что вотъ такого жеребеночка и онъ хотѣлъ бы имѣть. Подойдя къ площади четверть часа спустя, мы замѣтили, что около лошади и жеребенка столпилось нѣсколько мужиковъ и о чемъ - то спорятъ. Мы подошли и услышали, что подвыпившій мужикъ продаетъ жеребенка «на кожу» и проситъ за него четыре рубля. Уже нашлись покупщики, но, ввиду просьбы сына и жалѣя, что жеребенка убьютъ, я предложила шесть рублей и покупка осталась за мной. Ничего не понимая ни въ лошадяхъ, ни въ веденіи сельскаго хозяйства, я, пока хозяинъ бѣгалъ «подкрѣпиться», стала разспраши-

вать мужиковъ, выживетъ ли у меня жеребенокъ безъ матери. Мнѣнія раздѣлились: одни увѣряли, что нѣтъ, другіе давали совѣты, чѣмъ именно кормить и говорили, что при хорошемъ присмотрѣ изъ него выростетъ недурная лошадка. Впрочемъ, колебаться было уже нечего, и мы пошли за телѣгой домой, а съ нами рядомъ бѣжалъ жеребенокъ. Я въ тотъ же день сообщила нашу новость Ф. М. и надо же было такъ случиться, что письмо мое пришло именно въ тотъ день, когда Ф. М. была произнесена его знаменитая рѣчь и когда все бывшее на засѣданіи общество отнеслось къ Ф. М. съ такимъ энтузіазмомъ. Прочтя мое письмо, Ф. М., подъ вліяніемъ волновавшихъ его восторженныхъ чувствъ, приписалъ слова «цалую жеребеночка», до того онъ чувствовалъ потребность излить на всѣхъ и на все подавлявшія его чувства умиленія и восторга.

Первые дни прошли благополучно, жеребенокъ выпивалъ по 5 горшковъ молока, былъ веселъ и бѣгалъ за дѣтьми, какъ собачка. Но потомъ пошло хуже. Ф. М., понимавшій толкъ въ лошадяхъ, нашелъ, что жеребенокъ имѣетъ унылый видъ, и послалъ за ветеринаромъ. Тотъ далъ свои совѣты, но, должно быть, они пришли поздно, потому что 3 недѣли спустя жеребенка не стало. Дѣти были въ отчаяніи, я же не могла простить себѣ, что купила жеребенка. Правда, ему тоже предстояла смерть, но въ ней я не чувствовала бы себя виновной, какъ чувствовала теперь.

Наконецъ, насталъ тотъ счастливый день, когда окончились мои мученія, . . . іюня вернулся въ Рус-

су Ф. М. и такой довольный и оживленный, какимъ я давно его не видала.

Не только съ нимъ въ Москвѣ не приключилось припадка эпилепсіи, но, благодаря нервному возбужденію, онъ все время чувствовалъ себя очень бодримъ. Разсказамъ его и моимъ разпросамъ о московскихъ событіяхъ не было конца, и сколько онъ рассказывалъ интереснаго, чего я потомъ не встрѣчала въ другихъ описаніяхъ Пушкинскаго празднества. Ф. М. какъ - то особенно умѣлъ все примѣтить и на недолгое время запомнить. Но прошло дней десять, и настроеніе Ф. М. измѣнилось; виною этого были отзывы газетъ, которыя онъ ежедневно просматривалъ въ читальнѣ минеральныхъ водъ. На Ф. М. обрушилась цѣлая лавина газетныхъ обвиненій, опроверженій, клеветъ и даже ругательствъ. Корреспонденты газетъ, которыя съ такимъ восторгомъ прослушали его Пушкинскую рѣчь и были ею поражены до того, что горячо апплодировали чтецу и шли позвать ему руку, — вдругъ какъ бы опомнились, пришли въ себя отъ постигшаго ихъ гипноза и начали бранить рѣчь и унижать ея автора. Когда читаешь рецензіи на Пушкинскую рѣчь, то приходишь въ негодованіе отъ той бесцеремонности и наглости, съ которою относились къ Ф. М. писавшіе, совершенно забывшіе, что это чловѣкъ съ большимъ, громаднымъ талантомъ, работающій на избранномъ имъ поприщѣ около 35 лѣтъ и заслужившій уваженіе и любовь десятковъ тысячъ русскихъ людей. Надо сказать, что эти недостойные нападки чрезвычайно огорчали и оскорбляли Ф. М., и онъ былъ такъ разстроенъ, что пред-

чувствуемые мною два припадка эпилепсіи не замедлили случиться и отуманили на цѣлыхъ двѣ недѣли голову Ф. М. Въ письмѣ къ Ор. Ф. Миллеру отъ 26 августа 1880 г. Ф. М. писалъ: «За мое же слово въ Москвѣ — видите какъ мнѣ досталось отъ нашей прессы почти сплошь: точно я совершилъ воровство, мошенничество или подлогъ въ какомъ-нибудь банкѣ. Даже Юханцевъ не былъ облилъ такими помоями, какъ я». Да, много пришлось Ф. М. перенести тяжелаго отъ своей литературной братіи.

Ф. М., однако, не счелъ себя побѣжденнымъ и, не имѣя возможности отвѣтить на всѣ нападки, рѣшилъ отвѣтить лицу, котораго могъ считать достойнымъ себѣ соперникомъ въ литературномъ спорѣ, именно проф. СПб. Университета А. Д. Градовскому на его статью «Мечты и дѣйствительность» («Голосъ» № 174 за 1880 г.). Отвѣтъ свой Ф. М. помѣстилъ въ единственномъ № «Дневника Писателя» за 1880 г. вмѣстѣ съ своею рѣчью, которая была первоначально помѣщена въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и усиленно спрашивалась публикою, о чемъ насъ извѣстили книгопродавцы. Для изданія этого № мнѣ пришлось поѣхать на три дня въ Петербургъ. «Дневникъ» съ статьею «Пушкинъ» и отповѣдью Градовскому имѣлъ колоссальный успѣхъ и 6.000 экз. были распроданы при мнѣ, такъ что мнѣ пришлось заказать 2-е изданіе «Дневника» уже въ большемъ количествѣ экз. и оно тоже все было раскуплено осенью.

Написавъ отвѣтъ своимъ критикамъ, Ф. М. нѣсколько успокоился и принялся за окончаніе «Бра-

тьевъ Карамазовыхъ». Оставалось написать всю четвертую часть романа, около 20 печатныхъ листовъ, и необходимо было закончить его до октября, такъ какъ мы предполагали напечатать романъ въ отдѣльномъ изданіи, что намъ и удалось исполнить. Ради удобства работы мы остались въ Старой Руссѣ до конца сентября, о чемъ, впрочемъ, и не жалѣли, такъ какъ осень была прекрасная.

По возвращеніи нашемъ Ф. М. пришлось участвовать на нѣсколькихъ литературныхъ вечерахъ. В. П. Гаевскій, предсѣдатель Литературнаго Фонда, бывшій на Пушкинскомъ празднествѣ и слышавшій, какъ на одномъ вечернемъ чтеніи Ф. М. читалъ «Пророка» Пушкина, уговорилъ Ф. М. прочесть это стихотвореніе на литературномъ вечерѣ въ пользу Фонда 19-го октября въ день Лицейскаго праздника. Вечеръ этотъ былъ настоящимъ торжествомъ для Ф. М.: казалось, стѣны Кредитнаго Общества дрожали отъ рукоплесканій, когда Ф. М. окончилъ «Пророка». Надо признать, что это было поистинѣ высокохудожественное чтеніе, и люди черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ припоминали, какъ поразительно хорошо это стихотвореніе было имъ прочитано. Успѣхъ этого литературнаго вечера, главнымъ образомъ, благодаря участію Ф. М., былъ настолько великъ, что Гаевскій устроилъ такой же вечеръ черезъ недѣлю, 26 октября. На этотъ разъ оваціи, сдѣланныя Ф. М., достигли своего апогея: публика апплодировала, вызывала Ф. М., кричала браво и заставила повторить «Пророка». Затѣмъ Литературный Фондъ устроилъ литературный вечеръ 21 ноября тоже съ участіемъ Ф. М., а потомъ

послѣдовали чтенія Ф. М. въ пользу студентовъ Спб. Университета 30 ноября, 14 декабря и, наконецъ, въ пользу пріюта св. Ксеніи въ домѣ гр. Менгденъ, 22 декабря. На этомъ чтеніи Ф. М. былъ представленъ государынѣ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, которая долго съ нимъ бесѣдовала. Участіе въ литературныхъ вечерахъ и тѣ оваціи, которыя дѣлала Ф. М. публика, конечно, интересовали его и были ему пріятны (надъ строкой: для него дороги), но, къ сожалѣнію, отнимали отъ него (много) силъ, которыхъ у него было такъ мало.

ДВѢ ЖЕНЫ.

Двѣ жены, двѣ женщины привлекають къ себѣ вниманіе русскаго читателя — того, въ особенности, кто не довольствуется произведеніями своего любимаго автора, но стремится проникнуть и за кулисы его творчества, въ глубину его личной жизни. Толстая и Достоевская принадлежатъ исторіи русской литературы. На основаніи того, что онѣ сами рассказали о себѣ, и того, что о нихъ рассказали другіе, можно возстановить ихъ примѣчательные образы. Нѣкоторый посильный матерьялъ для этой будущей работы, можетъ быть, представляютъ собою нижеслѣдующія страницы.

Въ книгѣ В. Г. Черткова «Уходъ Толстого», по истинѣ — съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, копятся обвиненія противъ покойной графини Софьи Андреевны. Дѣлаетъ это другъ ея мужа въ тонѣ сдержанномъ, иногда елейномъ, смиренно-мудромъ, съ частыми ссылками на волю Божью; но отъ этого получается впечатлѣніе еще болѣе тягостное. И вопреки г. Черткову, было бы лучше, если бы онъ выступилъ со своими упреками не тогда, когда смерть обвиняемой сдѣлала его полемику грустно-односторонней, когда другая сторона,

altera pars, выслушана не будетъ. Впрочемъ, хотя отсутствующіе никогда не бываютъ правы, даже на страницахъ обвинительной книги, отсутствующая графиня въ глазахъ читателя оказывается болѣе правой, чѣмъ присутствующій В. Г. Чертковъ. Онъ какъ наиболѣе тяжкую улику противъ нея приводитъ то, что однажды ея геніальный мужъ увидѣлъ, какъ она, считая его спящимъ, тихо пробралась въ его кабинетъ и рылась въ бумагахъ на его письменномъ столѣ, а потомъ вышла къ нему въ спальню и стала заботливо освѣдомляться о его здоровьи. Отсюда заключаетъ нашъ толстовецъ, что Софья Андреевна вообще съ Львомъ Николаевичемъ «играла комедію» и что у послѣдняго тогда «глаза сразу раскрылись». Читатель однако — иного мнѣнія о глазахъ Толстого и объ его душѣ. Вѣдь въ своихъ произведеніяхъ нашъ великій художникъ всегда изображалъ человѣка существомъ нецѣльнымъ, нестильнымъ, незаконченнымъ; и тѣмъ не менѣе человѣкъ съ его суда неизмѣнно уходилъ оправданнымъ; въ этомъ — одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ его творчества. А такъ какъ творчество у Толстого, больше чѣмъ у кого бы то ни было, питается живою жизнью и служить ея прямымъ и органическимъ продолженіемъ, то и къ той женщинѣ, которая вдохновила его на образъ Наташи Ростовоы, въ значительной степени явилась ея прототипомъ, не смотря на всѣ размолвки и разочарованія, онъ относился любовно и признательно. Когда онъ пишетъ о ней, незадолго до своей смерти, 17 октября 1910 года: «радуюсь, что временами безъ усилія люблю её», то эти слова о

любви непринужденной и непосредственной, о любви Толстого, а не толстовца, больше всего другого вѣсять на вѣсахъ той семейной тяжбы, къ которой безъ достаточной чуткости и деликатности прикоснулся, въ сущности—посторонній ей, В. Г. Чертковъ. Думается, что авторъ «Ухода» вообще напрасно выносить соръ изъ яснополянкой избы. А выносить онъ именно соръ и вздоръ, сплетни и слухи. Онъ сообщаетъ, на примѣръ, что когда Софью Андреевну спрашивали, какъ она поступить, какъ она будетъ чувствовать себя, если ея мужъ «умретъ отъ ея обращенія съ нимъ», то она говорила: «поѣду, наконецъ, въ Италію, и тамъ никогда не была». Если даже такая реплика и была когда-нибудь произнесена, то неужели «другъ Толстого» всерьезъ признаетъ ее характерной для той, которой его «другъ» писалъ когда-то: «ты дала мнѣ и міру то, что могла дать — дала много материнской любви и самоотверженія, и нельзя не цѣнить тебя за это»? И пусть Толстой, въ 1897 году, «съ любовью и благодарностью вспоминая длинныя тридцать пять лѣтъ» совмѣстной жизни, оговаривается, что въ послѣднія пятнадцать лѣтъ они, мужъ и жена, разошлись, это все-таки не даетъ г. Черткову права рисовать передъ нами образъ какой-то Ксантипы. Съ психологической аляповатостью, не различая оттѣнковъ, не прислушиваясь къ тому тону, который только и дѣлаетъ музыку, ставя каждое лыко въ строку, нашъ обвинитель строить свои топорныя осужденія такъ, что отъ нихъ проигрываетъ не только жена, но и мужъ, не столько жена, сколько мужъ. Страдаетъ Толстой отъ толстовца.

Не только выходитъ, что Софья Андреевна была «совершенно равнодушна къ духовнымъ запросамъ» Льва Николаевича и «безчувственна къ его страданіямъ» отъ духовныхъ лишеній, но едва ли дружеская, — не медвѣжья ли скорѣе? — оказывается услуга и самому Толстому, когда насъ хотятъ увѣрить, что «прожить нѣсколько десятковъ лѣтъ съ такой женой, какъ Софья Андреевна, не бѣжавъ отъ нея и сохранивъ въ сердцѣ своемъ жалость и любовь къ ней», было бы для него труднѣе, чѣмъ если бы онъ добровольно пошелъ «на висѣлицу» или пожизненно искалѣчилъ себя, какъ тѣ, кто «побиваетъ рекордъ на автомобилѣ или аэропланѣ...» Да и помимо этого, В. Г. Чертковъ, самъ ни въ какой мѣрѣ не художникъ, Л. Н. Толстому нисколько не конгеніальный, истолковываетъ его такъ, подходитъ къ нему такъ, что вся художественность толстовской организаціи куда - то испаряется и передъ нами выступаетъ душа тѣсная, ограниченная, связанная — душа душная. Весь анализъ, которому толстовецъ подвергаетъ внутренній міръ Толстого, былъ бы, можетъ быть, пригоденъ для душеспасительнаго чтенія, для нравственно - религіозныхъ поученій казеннаго образца; но онъ совсѣмъ не годится въ примѣненіи къ такой личности по преимуществу, къ такой воплощенной исключительности, какую являлъ собою творецъ «Войны и мира». Отъ приближенія Эккермановъ всегда блѣднѣютъ Гете; въ данномъ же случаѣ Эккерманъ еще какъ - то особенно подавилъ и за-

слонилъ собою Гете, прикрылъ его глубину. Даже то, что Толстой въ послѣдній періодъ своей жизни создалъ мало художественныхъ произведеній, — даже это выводитъ нашъ поверхностный комментаторъ извѣтъ, даже это приписываетъ онъ поведенію все той же виноватой Софьи Андреевны: она-де настойчиво требовала, чтобы изданіе такихъ произведеній было предоставлено ей, въ пользу семьи, чѣмъ и нарушалось необходимое для творчества спокойствіе Льва Николаевича . . .

Лучшія, т. е. единственно хорошія страницы въ обвинительномъ актѣ В. Г. Черткова, это — тѣ, гдѣ приведены неизвѣстные раньше отрывки изъ дневниковъ и писемъ Толстого. Здѣсь такъ выразительны его слова: «хотѣлось бы жить, а не караулить свою жизнь», — онъ въ самомъ дѣлѣ своею мыслью караулилъ свое чувство, резонерствомъ застилалъ образы, онъ въ самомъ дѣлѣ не давалъ себѣ свободно и стихійно жить, мѣшалъ себѣ самому. Или о себѣ говоритъ онъ, что «промокаемъ для непріятнаго». Онъ жалуется на свою «поганую плоть», онъ молится о сожженіи въ себѣ своего «древняго, плотскаго челоуѣка». Онъ радуется тому, что его «все больше и больше ругаютъ со всѣхъ сторонъ; это хорошо: это загоняетъ къ Богу».

Кромѣ этихъ строкъ, въ общемъ, непріятна и непривлекательна книжка объ уходѣ Толстого. И замѣчательно то, что опроверженіе ея можно найти у самаго компетентнаго въ данномъ вопросѣ челоуѣка — у художника Толстого. Именно, въ его посмертной драмѣ «И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ» выведены, въ лицѣ Сарынцова и его жены, Толстой, или,

по крайней мѣрѣ, толстовецъ и его жена; и что же? авторъ изобразилъ ихъ такъ, что въ ихъ распрѣ и онъ, и читатель невольно беретъ сторону жены. Искусство уличаетъ. Толстой осудилъ Толстого. Отъ прикосновенія эстетическаго реактива показала свой ликъ безпристрастная правда. Такимъ прямолинейнымъ, сухимъ и жесткимъ нарисованъ Сарынцовъ, грозящій своей женѣ уходомъ изъ дому, въ Тулу, а потомъ на Кавказъ; такой жизненно-правой, любящей и преданной изображена его жена, готовая въ угоду моралисту - мужу отказаться отъ невинныхъ вечеринокъ для дѣтей; такъ много страданія вложено и въ ея ласковыя слова, и въ ея угрозу броситься подъ тотъ поѣздъ, съ которымъ хочетъ уѣхать Сарынцовъ... И говоритъ она: «Я уже слаба и стара. Вѣдь девять дѣтей родить, кормить... Какъ ты жестокъ! Какое же это христіанство? Это злость... За что ты ненавидишь и казнишь жену, которая тебѣ все отдала?.. За что? За что?..»

Слишкомъ ясно, въ чью пользу рѣшается здѣсь семейный споръ. Каковы бы ни были первоначальныя сознательныя тенденціи писателя, онѣ исчезли при свѣтѣ, правдивомъ свѣтѣ художества, и самого себя вывелъ Толстой на этотъ Божій свѣтъ, и тогда не только для насъ, но и для него самого обнаружилось, что на нелицепріятномъ судѣ искусства передъ Львомъ Николаевичемъ Софья Андреевна оправдана. Иначе и быть не могло, потому что изъ двухъ евангельскихъ сестеръ права не только Марія. Пусть она избрала благую часть, пусть она знаетъ единое на потребу;

но не могла бы Марія обойтись безъ Марѣы. Только благодаря заботамъ Марѣы, могла Марія беззаботно слушать Христа. Никто больше Толстого не понималъ, никто лучше его не изобразилъ великихъ заслугъ озабоченной, о чужомъ благѣ пекущейся Марѣы. И потому въ глубинѣ своей глубокой души, тамъ, гдѣ Толстого не искажалъ толстовецъ, онъ всегда цѣнилъ и свою Марѣу — ту, которая въ продолженіе трудныхъ десятилѣтій, вѣрная спутница генія, блюла его духъ, его домъ, его дѣтей.

Другой наблюдатель семейной жизни Толстыхъ, Вал. Булгаковъ, тоже огласилъ и нѣкоторые факты изъ нея, и свой комментарий къ нимъ. Комментарій неубѣдителенъ и необязателенъ, факты полны драматическаго интереса. И вникая въ нихъ, выносишь такое убѣжденіе, что слишкомъ много постороннихъ вмѣшивалось въ отношенія супруговъ и что если бы «чертковская партія» не раздувала огонька вражды, онъ, можетъ быть, потухъ бы совсѣмъ. И тогда не приходилось бы женѣ, послѣ размолвки, подбѣгать къ запертымъ дверямъ супруга и умолять о прощеніи: «Левочка, я больше не буду!» — а супругъ дверей не открывалъ, не отвѣчалъ... Чувствуется, что Софья Андреевна имѣла основаніе воскликнуть однажды: «а все — Чертковъ! кто виноватъ? онъ вмѣшался въ нашу семейную жизнь; вы подумайте, вѣдь до него ничего подобнаго не было!» Такъ ужасно, что когда жена, въ день 48-лѣтія свадьбы, просила мужа сняться вмѣстѣ, то дочь, Александра Львовна, осуждала отца за его согласіе на это и устроила ему

тяжелую сцену. И еще ужаснѣе былъ эффектъ ухода Толстого изъ Ясной Поляны — эта попытка Софьи Андреевны къ самоубійству, и отчаяніе, и безуміе. Вообще, въ семейномъ конфликтѣ, который передъ нами разоблачили, хочется взять сторону жены, которая — это такъ символично — во время болѣзненнаго припадка мужа обняла его ноги, припала къ нимъ головой и долго оставалась въ такомъ положеніи. Не надо забывать, что Софья Андреевна была женой не только Толстого, но и толстовца, притомъ окруженнаго такими людьми, которые были только толстовцами, а не Толстыми. И еще не надо забывать, что у нея была своя правда, правда жизни, тогда какъ ея великій мужъ, за предѣлами своего величія, т. е. своего художественнаго дарованія, больше приверженъ былъ къ схематической и сухой правдѣ, т. е., значитъ — неправдѣ своихъ нежизненныхъ теорій. И потому, запомнить русское общество горькій стонъ этой женщины, жалующейся, уже послѣ смерти Толстого, на «свое семидесятилѣтнее безсиліе во всемъ» и на людей, отнявшихъ у нея любовь ея мужа, и на то, что «не привелъ ей Богъ походить за нимъ» на его смертномъ одрѣ...

Въ настоящей книгѣ найдетъ читатель автобіографію С. А. Толстой. И развѣ не согласится онъ съ нами, что интересна была эта одаренная женщина сама по себѣ, а не только въ отраженномъ свѣтѣ своего супруга, что ждетъ она еще своего біографа и своего защитника, что искаженъ ея обликъ туманомъ клеветы и непониманія? Такъ прекрасенъ самый тонъ ея автобіографіи, и такъ

убѣдительно показываетъ ея, съ художественной простотою и сдержанностью написанное повѣствованіе, что правы были графъ Сологубъ (авторъ «Тарантаса»), Фетъ и Тургеневъ, которые, вопреки всѣмъ позднѣйшимъ пересудамъ, считали Толстого счастливѣйшимъ изъ мужей и называли ее «нянькой» его таланта; да и самъ Левъ Николаевичъ, тоже вопреки своимъ позднѣйшимъ ощущеніямъ, когда-то признавалъ себя такимъ «счастливецемъ»-семьяниномъ, какихъ бываетъ «изъ милліона одинъ». Не только его жена, но и поклонница его генія, она, дѣйствительно, лелѣяла и холила его дарованіе. Однажды писала она ему: «... нравственно меня съ нѣкотораго времени очень поднимаетъ твой романъ; какъ только сяду переписывать, унесусь въ какой-то поэтическій міръ, и даже мнѣ покажется, что это не романъ твой хорошъ..., а я такъ умна». Когда онъ сталъ отходить отъ художества, она съ недоумѣніемъ и огорченіемъ писала про это: «... весь ушелъ въ народное образованіе, школы, учительскія училища, т. е. гдѣ будутъ образовывать учителей для народныхъ школъ, и все это занимаетъ его съ утра до вечера; я съ недоумѣніемъ смотрю на все это, мнѣ жаль его силъ, которыя тратятся на эти занятія, а не на писаніе романа, и я не понимаю, до какой степени полезно это, такъ какъ вся эта дѣятельность распространяется на маленькій уголокъ Россіи — на Крапивенскій уѣздъ». Она понимала, что его подлинное поприще — искусство, что его арена — міръ. И когда она узнала, что, отлучившись въ Самарскую губернію, онъ тамъ задумалъ новое ху-

дожественное произведеніе, она откликнулась на это такъ восторженно и задушевно: «какимъ радостнымъ чувствомъ меня охватило вдругъ, когда я прочла, что ты хочешь писать опять въ поэтическомъ родѣ; ты почувствовалъ то, чего я давно жду и желаю; вотъ въ чемъ спасенье, радость, вотъ на чемъ мы съ тобой опять соединимся, что утѣшитъ тебя и освѣтитъ нашу жизнь. Это работа настоящая, для нея ты созданъ, и внѣ этой сферы нѣтъ мира твоей душѣ; я знаю, что насиловать ты себя не можешь, но дай Богъ тебѣ этотъ проблескъ удержать, чтобы разрослась въ тебѣ опять эта искра Божья; меня въ восторгъ эта мысль приводитъ».

Какъ это чутко и глубоко, и мудро! Съ какимъ сочувствіемъ и благодарностью должно привѣтствовать эти прекрасныя строки все читающее человечество!

Или — вотъ эти ея слова: «я вижу, что ты остался въ Ясной не для той умственной работы, которую я ставлю выше всего въ жизни, а для какой-то игры въ Робинзона»; и она огорчается, что «такія умственные силы пропадаютъ въ колоньи дровъ, ставленьи самоваровъ и шитьѣ сапогъ, что все прекрасно, какъ отдыхъ и перемѣна труда, но не какъ специальное занятіе». И, чтобы смягчить жесткость этихъ упрековъ, прибавляетъ она: «я вдругъ себѣ ясно представила тебя, и во мнѣ вдругъ такой наплывъ нѣжности къ тебѣ; такое въ тебѣ что-то есть умное, доброе, наивное и упорное, и все освѣщено только тебѣ одному свойствен-

нымъ свѣтомъ нѣжнаго участія ко всѣмъ и взглядомъ прямо въ душу людямъ».

Развѣ автору этихъ строкъ не приличествовало быть женой Толстого? И развѣ можно не присоединиться къ утвержденію Максима Горькаго, что никуда Толстому отъ нея уходить не слѣдовало, что именно въ Ясной Полянѣ были ею приуготовлены лучшія условія для его творчества? То же, что она не сдѣлалась «толстовкой», то, что она любила, по ея выраженію, «всѣ игрушки въ жизни», — это не вина ея, а заслуга. Можно ли что-нибудь возразить противъ ея словъ: «... не могла же я съ девятью дѣтьми поворачиваться, какъ флюгеръ, туда, куда мысленно уходить, постоянно измѣняясь, мой мужъ; у него это было горячее искреннее исканіе, у меня это было бы тупое подражаніе, даже вредное для семьи»? Безусловно чуждая «тупой подражательности», человѣкъ живой и чуткій, страстная мать, она противопоставляла своему мужу свое особое міровоззрѣніе, въ которомъ было не меньше, а можетъ быть — и больше, своей правды, чѣмъ въ міровоззрѣніи его «Духъ отрицанія существующихъ религій, прогресса, науки, искусства, семьи — всего, что вѣками выработало человѣчество, становился у Льва Николаевича все сильнѣе, и онъ дѣлался все мрачнѣе. Точно внутренній взоръ его обратился только на зло и страданія людей, а все радостное, красивое и доброе исчезло. Я недоумѣвала, какъ жить съ такими взглядами, пугалась, тревожилась, горевала». Мы знаемъ, что ея недоумѣніе раздѣляли многие. И многіе вмѣстѣ съ нею думали и думаютъ, что

именно тогда, когда Толстой не подавлялъ въ себѣ художника и холодными дуновеніями морализма не тушилъ своей поэтической, своей божьей искры, — именно тогда онъ стоялъ и на большой человѣческой высотѣ. Пусть, въ неожиданномъ совпадении съ Оскаромъ Уайльдомъ, онъ высказываетъ мысль: «поэтъ лучшее своей жизни отнимаетъ и кладетъ въ писаніе; оттого писаніе его прекрасно, а жизнь дурна», — Софья Андреевна, первая читательница, переписчица, критикъ и корректоръ толстовскихъ писаній, съ этой его мыслью не согласна и беретъ его подъ свою защиту, и говоритъ о немъ: «жизнь его въ ту пору не была дурна, а такъ же хороша и чиста, какъ его произведенія». Въ ту пору... Затѣмъ начались разногласія. Мужъ все больше и больше отдѣлялся отъ дѣтей и, наконецъ, совсѣмъ отказался отъ участія въ ихъ воспитаніи, ссылаясь на то, что ихъ учатъ по программамъ и Закону Божьему, — а это - де для нихъ вредно. И могли ли, какъ прежде, играть въ четыре руки Левъ Николаевичъ и Софья Андреевна, когда самые взгляды ихъ на музыку жизни, на музыку - искусство, мало - по - малу оказались діаметрально - противоположными? Онъ приравнивалъ музыкальное наслажденіе къ вкусовому («я согласенъ, что это менѣе похотливо, чѣмъ вкусъ ѣды, но нѣтъ никакого чувства нравственнаго»); а она, указывая, что онъ самъ же часто плакалъ при исполненіи его любимыхъ пьесъ, такъ неотразимо спрашивала: «развѣ плачутъ отъ наслажденія вкуса?» и подъ звуки музыки ей хотѣлось «молиться, прощать, любить»...

Тому, чтобы Толстой не использовалъ до конца возможностей счастья со своей женой, тому, чтобы ихъ семейная жизнь превратилась въ катастрофу, съ своей стороны добросовѣстно содѣйствовали прилѣпившіеся къ этой жизни посторонніе люди— тѣ совѣтчики и соглядатаи, которые научили глубокаго старика, тайкомъ отъ жены, въ лѣсу, на пнѣ, писать всякія юридическія бумаги и завѣщанія, послѣ чего — рассказываетъ Софья Андреевна — «онъ уже не могъ спокойно смотрѣть въ глаза ни мнѣ, ни сыновьямъ, такъ какъ раньше никогда ничего отъ насъ не скрывалъ». И затѣмъ — роковой уходъ и станція Астапово, и смертный одръ Толстого, къ которому не подпускаютъ сорокъ восемь лѣтъ прожившей съ нимъ жены...

Уже обоихъ нѣтъ ихъ въ мірѣ, но міру сами завѣщали они разобрать ихъ человѣческую и семейную тяжбу. И въ этомъ особенно заинтересована подъ конецъ жизни покинутая и прѣзрѣнная жена...

* * *

Есть и другая жена, другая женщина, на долю которой тоже выпали честь и бремя сопутствовать гению. Это — Анна Григорьевна Достоевская. Ея воспоминанія, это — какой-то новый романъ, дополняющій сочиненія ея мужа и привносящій лишнія черты въ его реальный обликъ, — по не только его: четко выступаетъ здѣсь и ея привлекательная личность. Съ того момента, какъ юная курсистка въ 1866 году впервые переступила порогъ своего будущаго супруга, и до тѣхъ поръ, какъ она про-

водила его въ могилу, была она ему вѣрнымъ другомъ и спутницей и въ темную, трудную, больную, душу его вносила лучи тепла и свѣта. Спокойная, ясная, съ чистымъ сердцемъ, раздѣляетъ она его жизнь и всѣ ея безчисленные терзанія.

Въ концѣ этой жизни такъ исключительно оберегала она его, больного, отъ всякихъ волненій и, притворяясь жаждущей общества, стала сопровождать его на собранія и къ знакомымъ, чтобы охранять его отъ непріятныхъ встрѣчъ и столкновеній. «Я даже заказала себѣ элегантное черное шелковое платье и приобрѣла двѣ цвѣтныя накладки, которыя, по увѣренію мужа, очень ко мнѣ шли». Недаромъ такія дружескія письма посылалъ онъ ей изъ Москвы, въ памятные іюньскіе дни 1880 года, послѣ знаменитой пушкинской рѣчи, когда радостью и восторгомъ былъ онъ полонъ отъ своего успѣха, когда лавровымъ вѣнкомъ увѣнчали его, въ русскомъ Капитоліи, московскія курсистки, — поздніе лавры Торквато Тассо или тѣ бѣлыя розы, съ которыми сравниваетъ Шопенгауэръ запоздавшую славу старости!..

Имя Достоевскаго было А. Г. Сниткиной знакомо съ дѣтства, и слезы дѣвочки орошали «Записки изъ Мертваго Дома». Она восхищалась его произведеніями — и вдругъ судьба даритъ ей возможность лично познакомиться съ ихъ авторомъ и, въ качествѣ переписчицы - стенографистки, принять участіе въ его работѣ. Жилъ Достоевскій въ квартирѣ, конечно, № 13... И когда, взойдя по невзрачной лѣстницѣ, дѣвушка въ эту суевѣрную квартиру позвонилась, то дверь отворила ей женщина въ

драдедамовомъ платкѣ — не въ томъ ли самомъ «семейномъ» драдедамовомъ платкѣ, въ который кутала Соня Мармеладова свое впервые опозоренное тѣло? . . . Станнымъ показался скромной по-сѣтительницѣ знаменитый хозяинъ. Измученное, болѣзненное лицо; свѣтло каштановые, слегка даже рыжеватые волосы, щедро напомаженные; два совершенно разные глаза. И съ перваго взгляда очень не понравился стенографисткѣ ея работодатель. О своей черной болѣзни заговорилъ онъ тотчасъ же — за стаканомъ необыкновенно крѣпкаго, почти чернаго чаю, непрерывно куря: чай и табакъ, во тьмѣ ночей, всегда сопутствовали и его творческимъ часамъ. Разбитый, изнеможенный, раздражительный, часто спрашивая свою гостью, какъ ее зовутъ, и сейчасъ же забывая, какъ забывалъ онъ и о самомъ присутствіи ея въ комнатѣ, рѣзко выговаривая переписчицѣ за каждую пропущенную точку, былъ онъ тяжелъ, и жуткія тѣни ложились отъ него на душу. Но какъ-то укрощаетъ, все больше и больше умиротворяетъ Достоевскаго свѣтлая русская дѣвушка. И по поводу выраженной имъ надежды, что она не «запыетъ», невольно размѣялась она. Смѣхъ не часто слышала квартира Достоевскаго . . .

Развивается знакомство. Писатель, вѣдчивый въ жизнь и людей, художникъ-хищникъ, какой-то тигръ слова, онъ и въ душу Анны Григорьевны вторгается настойчиво, спрашивая ее обо всѣхъ подробностяхъ ея быта, интересуется тѣмъ, что она хотѣла было заняться естественными науками, но увидѣвъ однажды, какъ на лекціи препари-

рують мертвую кошку, почувствовала себя дурно и оставила свое намѣреніе. Она просто и серьезно, почти сурово отвѣчаетъ на разспросы своего великаго собесѣдника. Но въ слухъ и сердце его, по-видимому, все сильнѣе проникаютъ чистыя волны ея голоса, ея рѣчей, и вотъ — угощеніе грушами. Идиллія въ комнатѣ Достоевскаго... Но онъ и о трагедіи рассказываетъ — онъ рисуетъ передъ дѣвушкой трагическую пантомиму на Семеновскомъ плацу: ожиданіе казни, смертный саванъ, первые три петрашевца, уже привязанные къ столбамъ, съ минуты на минуту — разстрѣляніе; въ послѣднюю минуту — отбой, отмѣна смертнаго приговора, новый приговоръ — четыре года каторги... Обо всемъ, обо всемъ изъ своей жизни говоритъ молодой слушательницѣ творецъ «Преступленія и наказанія», недавно такой скрытный и угрюмый. И эти двѣ фигуры — Достоевскій и дѣвушка — глядятъ на читателя, исполненные волнующаго смысла и значительности, точно двѣ тѣни на экранѣ русской жизни, одна другой контрастируя, одна къ другой тяготя...

Только благодаря помощи Анны Григорьевны, удалось Достоевскому во-время закончить своего «Игрока» и спастись отъ неустойки, которой грозилъ ему жестокой и корыстный издатель. И вообще, какой-то якорь спасенія протянули ему нѣжныя дѣвичьи руки. И съ каждымъ приходомъ ея онъ дѣлается спокойнѣе и мягче. И уже замѣчаетъ ея наружность, и хотя «всѣ Анны — существа сдержанныя и сухія», но эту Анну онъ все-таки не разъ называетъ «голубчикомъ» и другими

ласкательными словами, и съ «чрезвычайной снисходительностью» выслушиваетъ «талантливый писатель» ея замѣчанія и разсужденія. Да, «талантливый писатель» былъ къ ней «снисходителенъ», и когда кончилась ихъ работа, изо дня въ день продолжавшаяся три недѣли, и не совсѣмъ обычная стенографистка получила отъ него за свой трудъ условленные 50 рублей, онъ не захотѣлъ прекратить знакомство и напросился къ ней, въ ея семью, въ гости. И то впечатлѣніе, какое произвело на него ея лиловое шелковое платье, которымъ въ день его рожденія замѣнила она свой трауръ...

То, что авторъ «Сквернаго анекдота» пріѣхалъ въ гости къ Аннѣ Григорьевнѣ не въ семь часовъ, какъ было условлено, а въ половинѣ девятаго; то, что его извозчикъ долго плуталъ и не могъ попасть на улицу, гдѣ она жила; то, что въ этотъ же вечеръ, съ этимъ же извозчикомъ, поджидавшимъ своего сѣдока Достоевскаго, произошелъ нѣкоторый несчастный случай: все это, разумѣется, именно ему, автору «Сквернаго анекдота», вполнѣ къ лицу...

На другомъ извозчикѣ, на саняхъ, гдѣ они, писатель и стенографистка, сидѣли вдвоемъ и откуда онъ, обиженный, что она не позволила ему поддержать ее за талію, пожелалъ ей вывалиться, былъ между ними заключенъ миръ. А вскорѣ послѣдовалъ и тотъ другой мирный договоръ, который сдѣлалъ переписчицу женой писателя.

И вотъ, лежитъ передъ нами изданный въ Россіи дневникъ молодой жены. Онъ представляетъ собою нѣкоторое обогащеніе той уже большой

литературы о Достоевскомъ, которая хочетъ стать еще большею, отвѣчая все возрастающему вниманію къ его личности и творчеству. Правда, съ нашей личной точки зрѣнія, писатель — весь въ своихъ писаніяхъ, и незачѣмъ выходить за ихъ предѣлы, чтобы познать его подлинную сущность, чтобы о' ѣѣтвить для себя его внутренній міръ. Но по отношенію къ Достоевскому отступленіе отъ этого методологическаго приѣма тѣмъ болѣе законно, что ни одинъ авторъ не являетъ такого соотвѣтствія, такой мрачной симметріи между своею частною жизнью и своими произведеніями, какъ именно создатель «Карамазовыхъ», братъ братьевъ Карамазовыхъ. Вотъ почему всякія свѣдѣнія изъ его біографіи служатъ одновременно и комментариемъ къ его творчеству, какъ и, наоборотъ, его литература комментируетъ его біографію. Напримѣръ, та реальная Полина Сулова, которая сливается съ Полиной изъ «Игрока», играетъ одинаково важную и однородную роль и въ судьбѣ, и въ художествѣ Достоевскаго.

Именно къ порѣ «Игрока» относятся тѣ подробныя и тщательныя тетради, въ которыя Анна Григорьевна изо дня въ день, отъ 14 апрѣля по 12 августа 1867 года, вносила свои интимныя записи и которыя теперь сдѣлались достояніемъ всеобщимъ. Дневникъ этотъ она вела стенографически, но впоследствии расшифровала свою, чужимъ глазамъ недоступную, абракадабру — и проявленнымъ выступилъ оттуда безхитростный разсказъ о совмѣстной жизни молодоженовъ, объ ихъ медовомъ мѣсяцѣ за границей. Молодоженами, впрочемъ, ихъ на-

звать нельзя, потому что молода была только она. И медовымъ тоже назвать этотъ мѣсяцъ нельзя, потому что много полыни и горечи отравляло ихъ супружескую чашу. Страданіе, эта стихія Достоевскаго, было имъ въ полной мѣрѣ приобщено къ женѣ. Безспорно, иногда обращалъ онъ на нее и нѣжную внимательность, и всю страстность поздней, осенней любви; но это были только эпизоды, только свѣтлые промежутки на темномъ фонѣ того раздражительнаго и тяжелаго характера, который отличалъ творца «Бѣсовъ» и который угнеталъ его самого, его, мучителя и мученика, не въ меньшей степени, чѣмъ его окружавшихъ. И прибавьте къ этому припадки эпилепсіи; и прибавьте къ этому болѣзненное увлеченіе баденъ - баденской рулеткой... Но вовсе не хочетъ Анна Григорьевна, чтобы ее считали жертвой семейнаго деспотизма, и на мужа она не жалуется: кроткій и незлобивый, снисходительный и терпѣливый, глядитъ на насъ, помимо ея сознательной воли, ея женственный образъ; и сквозь лѣтопись житейскихъ происшествій, переполняющихъ Дневникъ, почти все время, то ослабѣвая, то усиливаясь, слышится изъ устъ жены увѣреніе въ томъ, что хорошъ и милъ ея «Федя» и что онъ горячо ее любить. Однако, читатель, коль скоро ужъ отдернута передъ нимъ завѣса посторонняго семейнаго уклада, оставляетъ за собою право собственнаго мнѣнія и собственнаго сужденія. И вотъ онъ подчасъ теряетъ то терпѣніе, котораго такъ изобильно было у самой героини; и вчужѣ становится жутко отъ этого зрѣлища такой совмѣстности, въ которой для жены ни одна мину-

та не была обезпечена отъ яростныхъ вспышекъ пусть геніальнаго, но и маниакальнаго мужа. Если Достоевскій, этотъ живой анчаръ, невольнымъ дыханіемъ отравы губилъ имъ же созидавшіяся было идилліи въ своихъ романахъ, то и въ жизненномъ романѣ своего брака онъ тоже часто прерывалъ идиллію хоть и не прямой трагедіей, но ужъ навѣрное изступленными прелюдіями къ ней. Подъ желтымъ, подъ увеличительнымъ стекломъ его придирчивости принимала непомѣрно большой видъ, незаслуженно разрасталась всякая деталь дня, всякая изъ тѣхъ мелочей, мозаика которыхъ и составляетъ нашу повседневность; и въ тихую комнату супруговъ изнуряющимъ сердце ураганомъ врывался какой-нибудь сущій вздоръ. Хорошей и горькой иллюстраціей къ тому, что въ жизни нѣтъ ничего важнѣе пустяковъ, что эти карлики-пустяки быстро вырастаютъ въ гигантовъ, можетъ служить дневникъ А. Г. Достоевской. Конечно, прожила она съ мужемъ четырнадцать лѣтъ, вплоть до его смерти, и была она ему по истинѣ ангеломъ-хранителемъ, и былъ онъ къ ней глубоко привязанъ; и все же обнаженные нервы его такъ содрогались и страдали отъ малѣйшихъ прикосновеній неделикатной будничности, что отъ рефлекса этихъ судорогъ и этихъ страданій жизнь его спутницы нерѣдко становилась житіемъ. Тихаго женскаго подвижничества требовало отъ Достоевской присутствіе Достоевскаго. Заботливо отодвигала она и отстраняла поводы для ссоръ; но такъ какъ онъ исповѣдовалъ, что «жена есть естественный врагъ своего мужа», то неудивительно, если, повинуюсь

своему естеству, она въ своихъ миролюбивыхъ попыткахъ успѣха не имѣла . . . Напримѣръ, нисколько не виновата была Анна Григорьевна въ томъ, что саксонскій король содержалъ сорокъ тысячъ гвардіи, не правда ли? . . . Но когда безкорыстно возмущенному этой королевской расточительностью супругу она попробовала робко указать, что «если деньги есть, то отчего же и не содержать?», то «Федя ужасно разсердился . . . и объявилъ мнѣ, что если я глупа, то пусть держу языкъ за зубами». Надо вообще замѣтить, что всѣ дѣйствительные и мнимые недостатки нѣмцевъ Достоевскій неуклонно каралъ въ лицѣ своей безобидной, своей русской жены . . .

Характерно для обоихъ, что самыя счастливыя и задушевные минуты переживала супружеская чета тогда, когда великій писатель, за письменнымъ столомъ, столь драгоцѣннымъ для русской литературы, засиживавшійся до 2-хъ часовъ ночи и позже, будилъ свою жену, только для того, чтобы съ ней проститься, чтобы пожелать ей покойной ночи; замѣчалъ ли онъ, психологъ противорѣчій, что этимъ онъ именно и нарушалъ какъ ея покой, такъ и общепринятую логику? . . . Жена, повидимому, этого не замѣчала: повторяемъ, она потомству на мужа не жалуется; но потомству самому обидно за нее, и даже десятки лѣтъ спустя, невольно думаешь, что было бы лучше совсѣмъ не прерывать ея сна, — особенно, въ періодъ ея тяжелой беременности, когда спокойный сонъ былъ ей такъ необходимъ. Ничего не подѣлаешь: жена — естественный врагъ, внутренній врагъ своего мужа, а

съ врагомъ не деликатничаютъ; и кромѣ того, Достоевскій слишкомъ знаетъ, что самая ласковость можетъ переплетаться съ жестокостью.

Правда, иной разъ происходили между ними и объясненія, дѣйствительно мирныя, свѣтлыя, радостныя, когда нависавшая гроза и тревога разрѣшалась счастливо. Позвольте выписать одну сцену изъ ихъ жизни, очень напоминающую сцены изъ его романовъ. Жена однажды пришла домой довольно веселая, но «Федя» встрѣтилъ ее сурово и указалъ на произведенный беспорядокъ: слѣшила, уходя, и не успѣла убрать вещей, — а онъ, оказывается, былъ педантъ порядка. «Я не обратила вниманія на его замѣчаніе, попросила у него гребень и ушла въ другую комнату причесать себѣ волосы. Только наканунѣ Федя, давая гребешокъ, просилъ меня быть осторожнѣе, говорилъ, что этотъ гребень онъ очень любитъ и что его легко сломать. У меня были страшно спутаны волосы; я, забывъ наставленіе, хотѣла расчесать и вдругъ сломала три зубика. Господи, какъ мнѣ было тяжело! Только что просилъ не сломать, а я сломала, и такъ какъ онъ только что меня побранилъ, то онъ могъ подумать, что я сломала со злости, какъ будто бы я способна была на эти подвиги... Я просто такъ въ эти минуты страдала, что невыносимо: уничтожить ту вещь, о которой онъ такъ просилъ, — вѣдь это такая небрежность, за которую надо просто было меня прибить. Я расплакалась и рѣшилась уйти изъ дому, ходить до вечера и унести съ собой гребенку. Вдругъ Федя вошелъ ко мнѣ въ спальню и, увидѣвъ гребенку, хотѣлъ положить ее въ кар-

мань. Тутъ я не выдержала, ужасно разрыдалась и просила простить меня за сломанную гребенку. Онъ разсмѣялся, сказалъ мнѣ, что я ужасное дитя, что это ничего, что я сломала, что это вовсе не важно, что не стоило плакать, что теперь эта гребенка будетъ ему памятна и въ тысячу разъ дороже прежняго, что вся - то она не стоитъ тысячной доли моей слезы. Вообще, онъ много меня утѣшалъ, цѣловалъ мои руки, лицо, посадилъ къ себѣ на колѣни . . . »

Мы позволили себѣ эту большую цитату и эту большую нескромность — присутствовать въ шапкѣ-невидимкѣ при такой, не для третьихъ лицъ предназначенной сценѣ. Но вѣдь служить она къ чести для обоихъ и обоихъ такъ выразительно рисуетъ. И кромѣ того, надо было показать, что и нѣжнымъ и прекраснымъ умѣлъ быть Достоевскій, что не всегда же давалъ онъ своей женѣ матерьялъ для такихъ, напимѣръ, записей въ ея семейной хроникѣ: «Федя раскричался на меня . . . такъ, что у меня съ досады сдѣлалась лихорадка»; «онъ рассердился и закричалъ на меня»; «какой онъ, право, нетерпѣливый; вѣдь я не браню его, когда съ нимъ бываютъ припадки или когда онъ кашляетъ; я не говорю, что это мнѣ надоѣло, хотя, дѣйствительно, это меня заставляетъ страдать; а вотъ онъ такъ не можетъ даже снести того, что я плачу, и говорить, что это надоѣло: какъ это нехорошо, право, зачѣмъ у него такой эгоизмъ»; «мнѣ нужно что - нибудь купить, я хожу въ рваномъ платьѣ, въ черномъ, гадко одѣта; но я ему ничего не говорю . . . я думаю. авось онъ самъ догадается, авось самъ

скажетъ, что вотъ надо и тебѣ купить платьевъ лѣтнихъ . . . вѣдь о себѣ онъ позаботился и купилъ въ Берлинѣ, и въ Дрезденѣ заказалъ платье, а у него тогда не хватило забсты о томъ, что и мнѣ слѣдовало бы сдѣлать, что я такъ скверно одѣта».

Иногда выходила изъ себя жена великаго чело-вѣка, и въ такія минуты она называла его «капризникомъ»: болѣе рѣзкія реакціи на жесткость и жестокость больного мужа рѣдко срывались съ ея добрыхъ устъ.

Особенно мучилась она отъ его страсти къ рулеткѣ. Большею частью — безпрекословно и покорно отдавала она ему послѣднія монеты, обрекая себя и его на нужду. Онъ рѣдко выигрывалъ, онъ чаще всего проигрывалъ, и послѣднія вещи приходилось закладывать, чтобы утолять неутолимую жажду азарта. «Говорилъ, что если я не дамъ ему денегъ, то онъ сойдетъ съ ума». И проигравъ, заложивъ обручальное кольцо и все, что только можно было и чего нельзя было заложить, и опять проигравъ, онъ, мрачный, возвращался домой и калялся, становился на колѣни, и плакалъ, и сокрушался: «я у тебя послѣднее укралъ, унесъ и проигралъ». Тяжело читать объ этомъ, — Анна Григорьевна это переживала.

Но, великодушная, незлопамятная, благородная, она, ради величія Достоевскаго, ради отдѣльныхъ солнечныхъ бликовъ на темнотѣ его всегда готовою сердитости, ради немногихъ минутъ счастья, забывала свои обиды и скорби. «Онъ очень, очень милый человекъ, мой мужъ, такой милый и простой, и какъ я счастлива» — увѣряетъ она себя, а теперь

и насъ, въ завѣтныхъ строкахъ своего Дневника. Уже изъ одной деликатности повѣримъ ей. Впрочемъ, и объективно нельзя отрицать, что высока участь — быть спутникомъ или спутницей человѣческаго свѣтила, хотя бы и жуткаго, хотя бы и загадочнаго, хотя бы и такого, которое называется Достоевскій. Былъ его геній сродни безумію, и долженъ былъ онъ вносить за себя большой выкупъ черному недугу. Тяжкую ношу эту помогала нести своему мужу Анна Григорьевна, и велика ея женская заслуга.

Подмѣтила она въ Дневникѣ одну странную примѣту въ своей жизни: именно, куда бы, дескать они ни пріѣзжали, хорошая погода мѣняется на дурную, и къ какой бы музыкѣ они ни приближались, она непременно умолкаетъ. Это символично — не для жены, а для мужа, для того писателя, у котораго музыка звучитъ тогда, когда играетъ скрипачъ надъ трупомъ своей жены.

Но ко всему сказанному прибавимъ одно: не только Анна Григорьевна не жалуется на Федора Михайловича, — не жалуется на нее и онъ. Въ противоположность своему собрату, Достоевскій никакой тяжбы съ женою на показъ и соблазнъ міру не предъявилъ . . .

Ю. Айхенвальдъ.

Содержаніе:

Отъ издательства	стр.	3
Записки С. А. Толстой	„	5
Изъ воспоминаній А. Г. Достоевской	„	57
Двѣ жены. Ю. И. Айхенвальдъ . . .	„	127
